

ISSN 2074-9848

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2009

1

Калининград
Издательство
Российского государственного университета имени Иммануила Канта
2009

БАЛТИЙСКИЙ

РЕГИОН

2009

1

Калининград:
Изд-во РГУ
им. И. Канта, 2009.
108 с.

Учредители:

Российский
государственный
университет
им. Иммануила Канта

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Точка зрения авторов
может не совпадать
с позицией
учредителей

Редакционный совет

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой политологии и социологии, ректор РГУ им. И. Канта — **сопредседатель**, *К. К. Худолей*, д-р ист. наук, проф., декан факультета международных отношений, проректор по международным связям СПбГУ — **сопредседатель**, *С. С. Артоболевский*, д-р геогр. наук, проф., зав. отделом экономической и социальной географии Института географии РАН, *В. Г. Барановский*, д-р ист. наук, проф., зам. директора ИМЭМО РАН, *К. Веллман*, д-р, исполняющий обязанности директора Отдела по вопросам исследований мира и конфликтов Института социальных наук Университета Христиана-Альбрехта, г. Киль (Германия), *К. Люхто*, проф., директор Пан-Европейского института высшей школы экономики, г. Турку (Финляндия), *В. А. Мау*, д-р экон. наук, проф., ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, *А. Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проректор по научной работе, проф. кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ, *Р. М. Нуреев*, д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой экономического анализа организаций и рынков Государственного университета — Высшая школа экономики, *А. О. Чубарьян*, проф., акад. РАН, директор Института всеобщей истории РАН, *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, проф., генеральный директор Фонда «Бюро экономического анализа», профессор экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Редакционная коллегия

Н. В. Каледин, канд. геогр. наук, доц., проректор по учебной работе СПбГУ — **сопредседатель**, *Г. М. Федоров*, д-р геогр. наук, проф., проректор по научной работе РГУ им. И. Канта — **сопредседатель**, *Н. Г. Бабенко*, д-р филос. наук, доц., директор Института русского языка и культуры РГУ им. И. Канта, *С. И. Богданов*, д-р филос. наук, проф., проф. кафедры общего языкознания, декан факультета филологии и искусств СПбГУ, *Ю. М. Зверев*, канд. геогр. наук, доц., директор Института Балтийского региона РГУ им. И. Канта, *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ, *Э. Кнаппе*, начальник отдела «Региональная география Европы», Институт землепользования им. Лейбница, г. Лейпциг (Германия), *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., зав. лабораторией геополитических исследований Института географии РАН, *Ю. В. Косов*, д-р филос. наук, проф., зав. кафедрой международных отношений Северо-Западной академии государственной службы, *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф., проф. кафедры европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ, *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., директор Института географии, зав. кафедрой географии регионального развития Гданьского университета (Польша), *Н. Г. Скворцов*, д-р социол. наук, проф., декан факультета социологии, проректор по научной работе СПбГУ

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционного совета (<i>А. П. Клемешев, К. К. Худoley</i>)	5
Регион и регионализация	11
<i>Шаститко А. Е.</i> Конкурентоспособность региона: содержание, факторы, политика	11
<i>Каледин Н. В.</i> Постсоветское пространство: предпосылки и результаты регионализации	32
Стратегии развития Балтийского региона	43
<i>Пальмовский Т.</i> Балтийская Европа: от идеи к стратегии	43
<i>Бусыгина И. М., Филиппов М. Г.</i> «Северное измерение»: стратегии участников	55
<i>Худoley К. К., Ланко Д. А.</i> Санкт-Петербург в Балтийском регионе	64
Трансграничное сотрудничество	77
<i>Плюхин М. Ю.</i> Трансграничное сотрудничество Калининградской области: проблемы и перспективы	77
<i>Спиряевас Э.</i> Географическая картина внедрения средств грантов Норвегии, Исландии и Лихтенштейна на территории Литвы через финансовые механизмы «Европейское экономическое пространство» и «Норвегия»	81
Россия и Прибалтика	87
<i>Межевич Н. М.</i> Экономические аспекты российско-прибалтийских отношений в 2007—2008 годах	87
Русские диаспоры в Балтийском регионе	91
<i>Воронов В. В.</i> Русские в Латвии: особенности социокультурной адаптации и идентичности	91
Научная жизнь	96
<i>Клемешев А. П., Федоров Г. М.</i> Исследования Балтийского региона в РГУ им. И. Канта	96
Сведения об авторах	104

CONTENTS

Preface (<i>A. Klemeshev, K. Khudoley</i>)	5
Region and regionalization	11
<i>Shastitko A.</i> Competitiveness of the region: content, factors, policies	11
<i>Kaledin N.</i> Post-Soviet Space: background and the results of regionalization	32
Development strategies of the Baltic region	43
<i>Palmowski T.</i> From the idea to the strategy of Baltic Europe.....	43
<i>Busygina I., Filippov M.</i> Northern Dimension: Participant Strategies	55
<i>Khudoley K., Lanko D.</i> Saint-Petersburg in the Baltic Sea region.....	64
Cross-border cooperation	77
<i>Plyukhin M.</i> Cross-Border Cooperation in the Kaliningrad region: Problems and Prospects	77
<i>Spiriajevas E.</i> Geographic context of applying for grants from Norway, Iceland and Liechtenstein and the use grant money in Lithuania in the framework of the “European Economic area (EEA)” and the “Norway” programmes	81
Russia and the Baltic states	87
<i>Mezhevich N.</i> Economic Aspects of Russian-Baltic Relations in 2007—2008	87
Russian communities in the Baltic region	91
<i>Voronov V.</i> Russians in Latvia: Peculiarities of Socio-cultural Adaptation and Identity	91
Research	96
<i>Klemeshev A., Fedorov G.</i> Baltic Studies at the I. Kant State University of Russia	96
About authors	106

ОТ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Журнал «Балтийский регион» издается совместно Санкт-Петербургским государственным университетом и Российским государственным университетом имени Иммануила Канта, расположенными в двух российских городах на Балтике. Здесь сконцентрированы значительные научные силы, занимающиеся исследованием разнообразных проблем Балтийского моря: экологических, исторических, политических, экономических, социальных. Изучаемые проблемы многообразны и сложны, однако до сих пор в России отсутствовал специальный научный журнал, посвященный Балтийскому региону, и данное издание должно восполнить этот пробел.

В состав редакционного совета и редколлегии журнала входят представители различных российских и зарубежных исследовательских центров, а к написанию статей мы надеемся привлечь известных ученых разных специальностей из всех стран Балтийского региона. Это позволит всесторонне осветить социально-экономическую, политическую, экологическую ситуацию в регионе, включая дискуссионные вопросы, освещаемые с разных позиций. Особое внимание будет уделяться различным аспектам международного сотрудничества и трансграничной кооперации.

Предполагаемая аудитория журнала — специалисты, занимающиеся изучением Балтийского региона, работники органов государственного и муниципального управления, преподаватели, аспиранты и студенты вузов.

Балтийский регион — понятие не вполне определенное, не имеет достаточно устоявшихся границ и рассматривается разными авторами в том или ином территориальном составе в зависимости от специфики затрагиваемой проблемы. Но в любом случае речь идет о странах и районах, связанных в своей жизнедеятельности с Балтийским морем, которое соединяет различные территории экономическими, политическими, культурными связями в единое целое. Во всяком случае, Совет государств Балтийского моря (СГБМ) включает помимо девяти государств, владеющих участками балтийского побережья (Россия, Германия, Польша, Швеция, Дания, Финляндия, Литва, Латвия и Эстония), также Норвегию и Исландию. Две последние страны входят в СГБМ в связи с их принадлежностью к Северным странам, часто выступающим в вопросах международной кооперации совместно. Иногда к странам Балтийского региона относят и Беларусь, имеющую тесные экономические и политические связи со странами СГБМ.

Балтийский регион в более узком смысле — это территории, непосредственно прилегающие к Балтийскому морю. Иногда (что характерно, например, для инициированной университетом Уппсалы программы «Балтийский Университет»), к ним относят бассейны рек, впадающих в Балтийское море, и проливы. Правда, тогда, помимо полностью Литвы, Латвии и Эстонии, практически всей Польши, Швеции и Финляндии, большей части Дании, значительных частей России, Германии, Беларуси и Норвегии, в состав Балтийского региона войдут даже небольшие участки Украины, Чехии и Словакии, удаленные от моря. В других случаях (в частности, у ряда Санкт-петербургских и калининградских ученых) в состав Балтийского региона включаются полностью Швеция, Дания, Финляндия, Литва, Латвия и Эстония, а применительно к России, Германии и Польши — только их административно-территориальные единицы, расположенные на морском побережье: Санкт-Петербург и Калининградская область России (а также Псковская и Новгородская области, тесно связанные в своем развитии с Санкт-Петербургом), две земли ФРГ — Шлезвиг-Гольштейн и Мекленбург-Форпоммерн, три польских воеводства — Варминьско-Мазурское, Поморское и Западно-Поморское. Иногда к ним добавляются немецкие земли Бранденбург, Берлин и Гамбург, некоторые польские воеводства (например, Куявско-Поморское).

На наш взгляд, территорию Балтийского региона не следует закреплять жесткими границами. Речь должна идти о тех странах и их частях, которые заинтересованы в усилении кооперации и развитии интеграционных процессов вокруг Балтийского моря.

Как известно, в условиях глобализации регионализация и поляризация мира не только не снижается, но еще более усиливается. Активно развивающиеся процессы глобализации как интенсификации многообразных связей в масштабах всего мира не только формируют *глобальное пространство*, в котором действуют общие закономерности и стандарты. Объекты единого пространства подчиняются действию единых законов, но при этом не являются одинаковыми, имеют разную динамику и расположение в пространстве. Поэтому глобальная экономика не означает однородность мирового пространства. В мире формируются макрорегионы, внутри которых усиливаются процессы кооперации и интеграции, за счет которых участвующие в них страны стремятся повысить конкурентоспособность своих экономик на мировом рынке, а также усилить свою политическую значимость. Одним из таких макрорегионов является и Балтийский регион.

То есть Балтийский регион — это определенный символ трансграничной кооперации, международного сотрудничества, своего рода полюс экономической, политической и культурной интеграции, способствующий стиранию барьеров между странами и повышению их конкурентоспособности в мировом масштабе.

Следовательно, речь идет о том, что проблемы Балтийского региона не могут не рассматриваться в контексте *мировой политики*. Это широкий, многосубъектный подход. В отличие от классического реализма,

когда речь идет только о межгосударственных отношениях, при таком подходе важными субъектами выступают транснациональные корпорации, общественные организации, административные регионы и муниципальные образования. Именно при таком подходе Балтийский регион предстает регионом активной трансграничной кооперации. Уже действуют десятки международных организаций и программ, координирующих кооперацию в различных сферах (Экономический форум «Mare Balticum», Baltic Development Forum, Союз балтийских городов, Совет ректоров Балтийского региона, программа VASAB и т. д.). На уровне министров иностранных дел действует СГБМ, осуществляя общую координацию международного сотрудничества в регионе. То есть можно говорить о таком уровне взаимодействия внутри Балтийского региона, что он в ряде случаев может рассматриваться как самостоятельный субъект мировой политики.

В контексте *международной политики*, субъектами которой являются государства, Балтика предстает как историко-географический регион со сложными взаимоотношениями между расположенными здесь странами. В новейшей истории здесь разворачивались важные театры военных действий двух мировых войн, затем проходила граница раздела между двумя блоками, двумя мировыми системами. И после распада мировой системы социализма и СССР регион остается неоднородным: шесть из девяти его стран входят в военно-политический блок НАТО, восемь, то есть все, кроме России, являются членами ЕС.

Роль России в интеграционных процессах стран Балтийского региона — отдельный и достаточно сложный вопрос, поскольку остальные восемь расположенных на берегах Балтики стран входят в состав наиболее активно интегрирующейся группировки стран мира — Европейского союза. Можно предположить, что в условиях ограниченности мировых сырьевых и топливных ресурсов объективная потребность в интеграции экономик России и ЕС неизбежно будет нарастать.

Таким образом, Балтика, с одной стороны, — непростой, проблемный регион, на сложную историю которого накладываются политические и экономические интересы расположенных здесь стран. С другой — это регион активного сотрудничества расположенных здесь стран и их регионов. Развитие Балтийского региона в контексте мировой политики, с учетом интересов не только государств, но и регионов, хозяйствующих субъектов, неправительственных организаций и населения, не может не смягчать проблемы, возникающие в рамках международной политики, побуждая государства к усилению взаимовыгодного сотрудничества.

Важная роль в развитии отношений между Россией и ЕС должна отводиться приграничному сотрудничеству в регионе Балтийского моря. Здесь могут формироваться и уже формируются такие *новые протранственные формы международной экономической интеграции (НПФЭИ)*, как работающие сообщества, еврорегионы, «большие регионы», «треугольники роста». Включение в них регионов Северо-Запада России создает условия для экономически выгодного стране со-

трудничества и взаимодействия с Евросоюзом. Здесь же продолжится активное развитие так называемого «*сетевого сотрудничества*» (*network cooperation*), которое будет способствовать развитию гражданского общества, расширению контактов между неправительственными организациями, политическими и социальными акторами разных уровней.

Все указанные выше вопросы и проблемы и должны найти свое отражение на страницах нашего журнала.

Первый номер посвящен нескольким ключевым аспектам развития Балтийского региона.

Раздел «*Регион и регионализация*» посвящен теоретическим подходам к этим понятиям и тому, как они преломляются в конкретной региональной практике (в том числе и в Балтийском регионе). В статье *А. Е. Шаститко* сформулированы основные подходы к исследованию конкурентоспособности регионов и на этой основе предложена рамочная концепция конкурентоспособности, которая должна быть конкретизирована применительно к той или иной территории (региону или группе регионов). Показано, что конкурентоспособность региона в долгосрочном плане целесообразно рассматривать через призму настройки стимулов лиц, принимающих решения, на поиск новых возможностей использования известных ресурсов, а также выявление неизвестных *ex ante* ресурсов создания стоимости. Приводится классификация факторов конкурентоспособности региона, которые разделены на две группы — экзогенные и эндогенные. *Н. В. Каледин* анализирует специфику проявления процессов регионализации на постсоветском пространстве, которое рассматривается им как эпицентр процессов регионализации современного мира. При этом основными геополитическими векторами развития международно-интеграционных процессов становятся европейский (евроцентричный) и евразийский (россиецентричный). На международном уровне в постсоветском пространстве евразийского региона формируются два новых геополитических субрегиона — прибалтийский и собственно евразийский. На субрегиональном уровне регионализации постсоветское пространство делится на четыре историко-культурных субрегиона — Европрибалтийский, Балтийско-Черноморский, Центрально-Азиатский и Закавказский. Обозначились также внутрисубрегиональный и внутристрановой уровни регионализации.

В разделе «*Стратегии развития Балтийского региона*» анализируются стратегические подходы к развитию как региона в целом, так и отдельных государств и внутристрановых регионов. *К. К. Худoley* и *Д. А. Ланко* рассматривают место Санкт-Петербурга в международном сотрудничестве в Балтийском регионе и значение международных связей для города. Отмечается, что Санкт-Петербург внес большой вклад в формирование самого Балтийского региона как геополитического, социально-экономического и культурного понятия и в формирование системы международных организаций Совета государств Балтийского моря. В настоящее время Санкт-Петербург активно включается в реализацию политики Северного измерения (в частности, Санкт-Петербургский государственный университет выступил с инициативой соз-

дания научно-исследовательского института Северного измерения). Статья *Т. Пальмовского* посвящена становлению Балтийской Европы без границ, которая в будущем может стать новым экономическим и культурным центром Европы подобно сегодняшней атлантической и средиземноморской Европе. Этому, по мнению автора, способствуют инициатива ЕС «Северное измерение» и разрабатываемая стратегия ЕС в регионе Балтийского моря. *И. М. Бусыгина* и *М. Е. Филиппов* на примере инициативы «Северное измерение» анализируют последствия и эффекты стратегической взаимозависимости между всеми уровнями отношений России и Евросоюза. Сделан вывод, что растущее политическое напряжение между ЕС и Россией может быть «компенсировано» сотрудничеством на других институциональных уровнях, в частности, более активным участием в региональных (пространственных) инициативах Евросоюза (таких, как СИ). При этом для достижения успеха в этом балансировании между уровнями критически важным является то, что контекст СИ должен быть строго отделен от проблематики «высокой политики» и концентрироваться на функциональном сотрудничестве в сфере так называемой «низкой» политики.

В разделе «**Трансграничное сотрудничество**» помещены две статьи. *М. Ю. Плюхин* пишет об особенностях приграничного сотрудничества Калининградской области после расширения ЕС, которое развивается под воздействием двух разнонаправленных тенденций: к «уплотнению» внешних рубежей ЕС, с одной стороны, и к усилению взаимодействия с помощью политики соседства — с другой. Приведены конкретные примеры результатов сотрудничества в различных сферах, а также намечены перспективные направления приграничного сотрудничества (прежде всего, в рамках программ «Литва, Польша, Россия: 2007—2013» и «Регион Балтийского моря»). Отмечается важность их увязки со стратегиями регионального развития соседних территорий. В статье *Э. Спиряеваса* речь идет о размещении в 2004—2009 гг. грантов «Европейское экономическое пространство» (Исландия, Норвегия и Лихтенштейн) и «Норвегия» в странах, ставших членами Евросоюза с 2004 г. Основное внимание автор уделяет Литве — выделены приоритетные сектора сотрудничества и проанализирована география участия литовских муниципалитетов в указанных грантовых механизмах.

Раздел «**Россия и Прибалтика**» посвящен отношениям Российской Федерации и стран Прибалтики (Эстонии, Латвии и Литвы). *Н. М. Межевич* в своей статье рассматривает экономические аспекты российско-прибалтийских отношений в 2007—2008 гг., прежде всего транзит российских грузов через прибалтийские порты. На конкретных цифрах показано, что ситуация, связанная с переносом останков советских солдат и памятника, воздвигнутого в центре Таллина, привела к сокращению перевалки российских грузов через порты Эстонии в пользу портов Латвии и Литвы, что придало определенный запас прочности и прагматизма российско-латвийским и российско-литовским отношениям. В связи с этим автор считает необходимым поддерживать положительную динамику российско-латвийских и российско-литовских

связей, в то время как, по его мнению, к сожалению, российско-эстонские отношения, вероятно, уже не подлежат быстрой реанимации.

В разделе *«Русские диаспоры в Балтийском регионе»* анализируются проблемы, связанные с положением русскоязычного населения этих стран, сохранением в них русского языка и культуры. Статья *В. В. Воронова* посвящена вопросам социокультурной адаптации и идентичности русских в Латвии. Автор отмечает, что с середины 1990-х гг. стали нарастать интеграционные процессы, в которых проявились две тенденции: во-первых, «врастание» русского населения в жизнь независимой Латвии и, во-вторых, обретение им новой идентичности. В то же время процесс вызревания новой идентичности русских и одновременного их интегрирования в латвийское общество тормозят объективные внутренние политические и экономические причины: несовершенство законодательства, противодействие некоторых политических партий, социально-экономическое расслоение общества, различные представления об истории XX века у русских и латышей.

Завершает этот номер журнала обзор исследований Балтийского региона в РГУ им. И. Канта, подготовленный *А. П. Клемешевым* и *Г. М. Федоровым*. Рассказывается об основных направлениях балтийских исследований в университете и наиболее значимых научных программах и проектах в этой сфере, приведена библиография основных публикаций ученых университета, посвященных проблемам Балтийского региона в целом и эксклавной Калининградской области в частности.

А. П. Клемешев,

д-р полит. наук, проф.,

*заведующий кафедрой политологии и социологии,
ректор РГУ им. И. Канта*

К. К. Худoley,

д-р ист. наук, проф.,

*декан факультета международных отношений,
проректор по международным связям СПбГУ*

РЕГИОН И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ

УДК: 332.145

А. Е. Шаститко

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РЕГИОНА: СОДЕРЖАНИЕ, ФАКТОРЫ, ПОЛИТИКА

Сформулирована рамочная концепция конкурентоспособности региона. Раскрыто содержание понятия конкурентоспособности региона, дана классификация факторов конкурентоспособности. Сформулированы подходы к формированию показателей конкурентоспособности региона. Выделены три группы инструментов, посредством которых можно воздействовать на конкурентоспособность региона.

The article describes a framework conception of regional competitiveness. The notion of regional competitiveness as well as approaches to the classification of competitiveness factors are considered in detail. The author elaborates a set of indicators of regional competitiveness. The article also discusses three groups of factors which can influence the competitiveness of any region.

Ключевые слова: регион, конкуренция, конкурентоспособность, конкуренция по местоположению, экзогенные факторы конкурентоспособности региона, эндогенные факторы конкурентоспособности региона.

Key words: region, competition, competitiveness, location based competition, exogenous factors of regional competitiveness, endogenous factors of regional competitiveness.

Введение

Конкурентоспособность — популярное понятие, используемое экономистами и лицами, принимающими политические решения, для обоснования мероприятий, которые должны быть реализованы в целях улучшения положения объекта мероприятий относительно других объектов, обладающих аналогичными характеристиками с точки зрения результатов функционирования данного класса объектов. Проблематика конкурентоспособности подвержена в меньшей степени перепадам внимания исследователей и политиков, чем вопросы конкурентной и промышленной политики — направлений деятельности органов государственной власти, тесно связанных с решением проблемы повышения конкурентоспособности российских товаров, товаропроизводителей, отраслей российской экономики, российских регионов и экономики России в целом.

Поскольку упомянутые понятия в дальнейшем также понадобятся, отметим, что промышленная политика — комплекс мер, направленных

на повышение конкурентоспособности определенной категории производителей (например, отечественных производителей¹) или произведенной на территории страны (региона) товара (услуги) посредством управления ресурсами — располагаемыми государством или теми ресурсами, на решения по поводу использования которых в частном секторе государство также может оказать предсказуемо существенное влияние. В свою очередь конкурентная политика — установление (изменение) правил и создание (поддержание/изменение) механизмов, обеспечивающих их, направленные на поддержание и развитие конкуренции с целью обеспечения эффективного использования ресурсов. В промышленной политике основной акцент сделан на ресурсах, тогда как в конкурентной политике — на стимулах. Для конкурентоспособности важно и то и другое.

Вместе с тем, несмотря на широкое использование понятий конкурентоспособности вообще и конкурентоспособности региона в частности, часто возникают довольно серьезные затруднения с операционализацией данного понятия, что выражается в первую очередь в наполнении его различным содержанием. Иными словами, все употребляют понятие конкурентоспособности, но очень часто затрудняются объяснить, что имеют в виду, используя данное понятие как в экономических дискуссиях, так и политической риторике.

Феномен конкурентоспособности региона обладает комплексом характеристик, каждая из которых имеет существенное значение для понимания указанного явления в целом. Действительно, данный феномен вряд ли может быть рассмотрен вне определения соответствующего контекста взаимодействия между субъектами, определения характеристик самих субъектов, а так же идентификации критериев, по которым оценивается уровень конкурентоспособности, так же как и его изменение. Указанные аспекты тесно переплетены, вот почему упорядоченное представление об их сопряженности является важным моментом для формирования целостного представления о конкурентоспособности любого субъекта вообще (в том числе фирмы, организации, национальной экономики и т. д.) и региона в частности.

Основная цель данной статьи — **сформулировать рамочную концепцию конкурентоспособности региона**. «Рамочность» концепции предполагает в первую очередь обозначение общих вопросов конкурентоспособности региона, которые должны быть конкретизированы применительно к той или иной территории (региону или группе регионов).

Достижение поставленной цели предполагает решение комплекса задач, включая:

---

¹ Мы не будем рассматривать вопрос о критериях определения принадлежности производителей к категории отечественных. Отметим лишь, что он не относится к числу тривиальных, так как сам факт производства товаров и услуг на определенной территории (в данном случае — в России или на территории определенного региона) еще не является достаточным основанием относить его к отечественному или региональному производителю, даже если применять критерий «локализации по добавленной стоимости».

- объяснение ключевых компонентов теории конкуренции по местоположению;
- раскрытие содержания конкурентоспособности территории как аналитического инструментария выработки стратегии регионального развития;
- определение факторов конкурентоспособности региона;
- подходы к формированию показателей конкурентоспособности региона и использование неквантифицированных характеристик конкурентоспособности региона.

Мы будем исходить из того, что регион — это относительно обособленная территория с набором характеристик, значимых с точки зрения условий экономических обменов вообще и предпринимательской деятельности в частности, но в то же время не обладающая такими атрибутами национального суверенитета, как собственная валюта, вооруженные силы, система судопроизводства, внешняя политика (включая определение условий внешней торговли), и, соответственно, не предоставляющая такие услуги, как обеспечение национальной безопасности, макроэкономической стабильности.

Обособленность территории может проявляться в разных формах, начиная от существования таможенных границ де-факто или де-юре и заканчивая просто фактом регистрации предприятия как юридического лица на той или иной территории. Подчеркнем, что регионы могут различаться отдельными характеристиками институциональной среды в той части, которая соответствует возможностям региональных властей устанавливать формальные правила, а также механизмов, обеспечивающих соблюдение всей системы правил — формальных и неформальных — на данной территории.

Конкуренция по местоположению

Понимание конкурентоспособности региона как одной из его важных характеристик во многом зависит от содержания, которое вкладывается в понятие конкуренции, так как конкурентоспособность фактически относится к субъекту и/или результату его деятельности, тогда как **конкуренция — это ситуация или процесс, в котором конкурентоспособность проявляется (и/или формируется)** вне зависимости от того, к какой категории субъектов относятся участники конкуренции (хозяйствующие субъекты, национальные экономики, регионы и т. д.).

Иными словами, конкурентоспособность проявляется в том, что субъект, чья конкурентоспособность характеризуется, занимает преимущественное положение *по отношению* к другим субъектам или как минимум не ухудшает свое положение по отношению к другим субъектам (конкурентам). Вот почему важно понимать, что существуют сопряженность понятий конкуренции и конкурентоспособности, а также самостоятельный вопрос идентификации (в том числе количественной) степени преимущественности (посредством набора показателей).

Вот почему установление содержания и возможных форм конкуренции — важное условие системного определения и исследования проблем конкурентоспособности. Прежде чем говорить о видах конкуренции, отметим, что само понимание конкуренции также разнообразно. Однако в нашу задачу не входит подробный разбор содержания данного понятия и вытекающего из выбранного варианта определения основных следствий. Мы остановимся на двух вариантах определения конкуренции — статическом и динамическом, понимая, что само разграничение также условно.

В соответствии со статическим подходом **конкуренция — это ситуация, в которой достижение цели одним субъектом в одно и то же время эффективно ограничивается стремлением к достижению цели другим субъектом**. Другими словами, ключевой признак статической конкуренции — недоступность одной и той же единицы «блага» для нескольких субъектов одновременно. Напомним, что такое (доступность одной и той же единицы для разных субъектов) возможно, если благо является общественным²). Однако если это ограничение зависит от выбранных стратегий как данным субъектом, так и его конкурентами, то статическую конкуренцию будет крайне сложно отличить от динамической, если только не использовать такие специфические характеристики, как нововведения.

В соответствии с динамическим подходом **конкуренция — это процесс обнаружения новых возможностей использования известных ресурсов, а также процесс открытия или создания новых ресурсов** [4]. Поскольку обнаружение новых возможностей сопряжено с использованием информации и обменом знаниями в обществе, то конкуренцию можно рассматривать так же, как процесс выявления и обмена знаниями или информацией о качестве, альтернативах использования различных ресурсов в разных возможных вариантах применения [1, с. 316]. С этой точки зрения та территория, на которой действуют хозяйствующие субъекты с сильными стимулами, нацеленными на нахождение новых возможностей использования известных ресурсов и выявление новых ресурсов, обладают более высокой конкурентоспособностью, чем территории со слабыми стимулами хозяйствующих субъектов.

В дальнейшем мы не будем делать принципиальных различий в объяснении различных аспектов конкурентоспособности через призму разных вариантов определения конкуренции, если иное не будет оговорено особо.

Формы конкуренции, которые наиболее широко представлены в литературе, исследующей организацию рынков, многообразны. В частно-

---

² Один из отличительных признаков — неконкурентность в потреблении. Например, появление дополнительного зрителя на фейерверке не приводит к его недоступности как зрелища для других. Строго говоря, данное благо может быть отнесено к «перегружаемым» общественным, когда после определенного предела предельные издержки предоставления данной услуги начинают расти. В этом случае более корректно было бы говорить о таком благе, как клубном.

сти, в экономической теории известно разграничение конкуренции на следующие типы: *ценовую и неценовую, добросовестную и недобросовестную, текущую и межвременную, товарную и по местоположению, ex ante и ex post, за рынок и на рынке, фактическую и потенциальную*. Такие типологии позволяют выявить и параллельные аспекты конкурентоспособности, что, однако, не входит в задачи данной статьи.

Как содержание конкуренции, так и характеристики конкурентоспособности во многом зависят от свойств продукта, который является результатом функционирования соответствующего субъекта-участника конкуренции. Если продукт (например, новая компьютерная программа) легко пересекает границы, а зафиксировать сам факт его производства на территории страны требует значительных издержек, то значение будут иметь другие факторы конкурентоспособности региона, связанные, к примеру, с качеством жизни непосредственного производителя данного продукта.

Если за точку отсчета принять конкуренцию между хозяйствующими субъектами на рынке, а также предположить, что принадлежность субъектов к одному и тому же рынку (с точки зрения продуктовых и географических границ) фактически означает одинаковость местоположения, то в этом случае данный фактор не имеет самостоятельного значения с точки зрения конкуренции. Ослабление этой предпосылки приводит к тому, что:

- 1) местоположение может оказывать влияние на условия реальной конкуренции (и, соответственно, конкурентоспособность производителя);
- 2) местоположение должно учитываться при оценке потенциальной конкуренции и соответствующей ей потенциальной конкурентоспособности.

Второй аспект важен в том случае, если субъекты не вступают друг с другом в прямую конкуренцию, так как работают на разные рынки, но параметры их деятельности являются сопоставимыми, так же как и результаты. Этот механизм известен как эталонная конкуренция [5].

Экономическая деятельность вообще и предпринимательская в частности осуществляется в определенных координатах времени и места. Значимость территориальной принадлежности, когда один и тот же субъект не может располагаться на разных территориях, иными словами, когда одно и то же юридическое лицо зарегистрировано в разных регионах и не может одновременно через одни и те же подразделения осуществлять одну и ту же деятельность в разных регионах, является материальной основой конкуренции по местоположению.

В чистом виде конкуренция по местоположению действует следующим образом. Предположим, что есть несколько обособленных территорий, между которыми случайным образом распределены экономические единицы, производящие стоимость. Каждая единица — центр принятия решений, в которых воплощаются интересы субъекта, контролирующего данную единицу.

Если условия взаимодействия с другими экономическими единицами, а также между рассматриваемой единицей и субъектом, контро-

лирующим данную территорию, оказываются менее благоприятными, чем на другой территории, то у лица, принимающего решения в данной экономической единице, возникают стимулы к перемещению деятельности на другую территорию. При прочих равных условиях, чем благоприятнее условия предпринимательской деятельности в регионе, тем больше предпринимателей будет вести свой бизнес в данном регионе. Причем важно отметить, что вовсе необязательно речь идет именно о межрегиональном перемещении бизнеса. Конкуренция может осуществляться и косвенным образом, когда развитие бизнеса происходит за счет принятия решений теми, кто живет в том или ином регионе, открыть (или, наоборот, закрыть) свой собственный бизнес³. В результате увеличивается количество регистраций и бизнесов в расчете на фиксированное число жителей (как правило, на 1000 человек).

Понятно, что для того чтобы конкуренция по местоположению работала, должны быть выполнены многочисленные условия, которые сводятся в конечном счете к тому, что ожидаемая чистая выгода от перемещения с одной территории на другую (с учетом дисконтирования) должна быть не меньше, чем издержки переключения, то есть те затраты, которые должен понести указанный субъект для того, чтобы перевести свой бизнес с одной территории на другую. В противном случае только значительная степень дифференциации условий ведения бизнеса (ухудшение условий в контрольном регионе) может побудить участников хозяйственной деятельности сменить место ее ведения.

Издержки переключения имеют принципиальное значение для обеспечения действенности конкуренции *ex post*, то есть для тех хозяйствующих субъектов, которые уже закрепились на территории одного из рассматриваемых регионов. Действенность конкуренции *ex post* во многом зависит от уровня развития инфраструктурных рынков, в том числе рынков купли-продажи бизнеса (особенно если речь идет о малом и среднем бизнесе, который практически не использует фондовые механизмы) [3], жилья и другой недвижимости, рынка труда, а также предоставляемых на региональном уровне государственных услуг. Функционирование инфраструктурных рынков сопряжено с физическим перемещением в пространстве участников экономической деятельности (в экономической теории такого рода перемещение в контексте конкуренции называется «голосованием ногами»).

Кроме того, следует учитывать еще две возможности — переключение на теневую схему деятельности, а также выход из бизнеса. В этом случае конкурентоспособность региона как таковая должна быть отделена от конкурентоспособности формальных институтов, регламентирующих деятельность хозяйствующих субъектов, в отличие от

---

³ Важно сделать одну оговорку: здесь мы не рассматриваем вопросы специализации той или иной территории на производстве того или иного класса продуктов, по умолчанию полагая, что сравнительные преимущества имеют значение, но не являются единственным фактором, определяющим экономический профиль территории.

институтов, которые регламентируют аналогичную деятельность, но уже вне поля государственного регулирования и гарантий безопасности прав собственности и контрактных прав.

Подчеркнем также, что на категориальном уровне следует проводить различия между привлекательностью (конкурентоспособностью) региона для ведения предпринимательской деятельности и для проживания (потребления свободного времени). Чем лучше развита транспортная инфраструктура, чем значительнее дифференциация соседних регионов по условиям жизни (стоимость и качество жилья, экология и т. д.), тем актуальнее данное различие.

Конкурентоспособность территории

Понимание содержания конкурентоспособности территории во многом зависит от того, какой контекст при этом используется. Очевидно, что, исследуя межрегиональные связи, в первую очередь возникает тезис об основах межстрановой, межрегиональной и, вообще, межтерриториальной торговли. С этой точки зрения фундаментальной основой объяснения направления движения товаров (а также ресурсов, если принимать во внимание экспорт товара с высокой долей издержек, связанных с использованием ресурса, например электричество через алюминий) и соответственно специализации, являются сравнительные преимущества, основанные на различиях в альтернативных издержках производства товаров на соответствующих территориях.

При всей сложности современной теории международной торговли базовая идея проста. Территории (страны, регионы) технически могут производить одно и то же (или достаточно сильно пересекающееся) множество товаров. Однако увеличение объема выпуска одного и того же товара будет сопряжено с различными объемами сокращения производства других товаров для разных стран.

Вместе с тем следует принимать во внимание два важных обстоятельства, которые сопряжены с пониманием содержания конкурентоспособности региона и условий ее повышения.

Во-первых, в теоретических моделях сравнительные преимущества являются исходными условиями в объяснении направления и масштабов торговли между территориями. Вместе с тем на практике выявление сравнительных преимуществ в многоотраслевой экономике — это самостоятельный вопрос. Соответственно, чем точнее механизм, с помощью которого выявляются сравнительные преимущества, тем выше конкурентоспособность соответствующей территории. Однако следует признать, что в двусторонней торговле неадекватность в выявлении сравнительных преимуществ может негативно сказаться и на партнерах в торговле.

Во-вторых, можно представить себе достаточно уникальный, но вместе с тем важный случай, когда для двух стран альтернативные издержки производства фиксированного набора видов товаров одинаковы. Различия лишь в прямых издержках, связанных с производитель-

ностью факторов производства. Означает ли это, что две страны (два региона) в равной степени конкурентоспособны? Причем понятно, что существенными являются различия в производительности труда, протекающие от особенностей регионов, например регулятивного режима. Применяя критерии эталонной конкуренции, можно дать однозначно отрицательный ответ.

Конкурентоспособность — относительная (сопоставительная) характеристика субъекта фактической или потенциальной конкуренции вне зависимости от характеристики конкуренции. Как следует из вышеизложенного, необходимо различать конкурентоспособность отдельного хозяйствующего субъекта (отрасли) и конкурентоспособность региона. С точки зрения схемы функционирования рыночного механизма конкурентоспособность региона производна от конкурентоспособности работающих в нем предприятий. Чем выше (ниже) конкурентоспособность предприятий, тем, при прочих равных условиях, выше (ниже) конкурентоспособность региона. В свою очередь в первом приближении конкурентоспособность предприятия выражается в том, с какой производительностью используются факторы производства, каковы цены на эти факторы. Однако следует учитывать, что предприятия разнообразны как в отраслевом разрезе, так и с точки зрения размеров, организационно-правовых форм. Вот почему указанное соотношение сложнее.

Кроме того, в экономической литературе не существует единообразного представления о конкурентоспособности отдельного хозяйствующего субъекта, отрасли или национальной экономики. В работе Е. Г. Ясина и А. А. Яковлева предложено рабочее определение конкурентоспособности товаров и услуг, которое сводится к «способности продавать их (товары и услуги. — *А. Ш.*) по рыночным ценам с нормальной прибылью» [7, с. 8]. По умолчанию предполагается, что хозяйствующий субъект выживает на рынке в долгосрочном плане только тогда, когда его полные средние издержки не ниже рыночной цены, что соответствует условиям равновесия на конкурентном рынке.

Однако, как уже было показано выше, статический вариант определения конкуренции не является единственно возможным. В принципе можно выделить пять основных подходов к решению вопроса об операционализации концепции конкурентоспособности⁴.

1. Простой подход, основанный на сравнении отдельных традиционно используемых косвенных показателей производительности и конкурентоспособности на уровне отрасли и национальных экономик.

2. Подход, основанный на четырехфакторной модели конкурентных преимуществ национальных экономик М. Портера.

3. Подход, основанный на оценке неэффективности функционирования фирмы (по сравнению с наилучшей существующей практикой) и

---

⁴ Эти результаты были получены на основе исследования, выполненного фондом «Бюро экономического анализа» в 2001 году.

построении регрессионной модели, объясняющей причины неэффективности (модель OCRA).

4. Проверка гипотез о направлениях специализации труда как факторов повышения конкурентоспособности фирм.

5. Подход, основанный на расчете показателей конкурентоспособности отрасли/фирмы через показатели конкурентоспособности товаров.

Подчеркнем, что здесь используются названия, которые не являются общепринятыми, но отражают суть, основную характеристику представляемой методики.

Задача разработки концепции конкурентоспособности региона, несмотря на сравнительную простоту общей идеи, которая может быть заложена в основу данной концепции, на самом деле может оказаться гораздо более сложной, чем для отдельной отрасли или субъекта.

Конкурентоспособность по местоположению, что в первом приближении фактически и означает конкурентоспособность региона, может быть рассмотрена через призму контрактных отношений между предпринимателем (инвестором) и региональными властями. Это вовсе не означает, что такого рода контракт обязательно должен существовать в явной форме (юридически обязывающий контракт). Как правило, речь идет о неявном, имплицитном контракте, который вместе с тем можно реконструировать с помощью инструментов экономического анализа.

Поскольку прямые инвестиции, если не принимать в расчет выданные кредиты, предполагают их большую или меньшую территориальную закрепленность, особенно если речь идет о строительстве зданий и сооружений, а также установке труднотранспортируемого в пространстве оборудования, то для инвестора принципиальное значение имеет не только предлагаемые условия, но и гарантии, что (а) они не будут изменяться, (б) заявленные условия будут соответствовать фактическому режиму (правила и механизмы, обеспечивающие их соблюдение, будут соответствовать друг другу). Иными словами, для региональных властей — это проблема обеспечения достоверности обязательств. Причем де-факто правом на оценку степени достоверности такого рода обязательств обладают участники хозяйственной деятельности. Эта достоверность состоит как минимум из двух частей. Первая связана с достоверностью обязательств региональных властей относительно создаваемых условий ими самими, а также достоверности обязательств властей более высокого уровня, которые в терминах классификации факторов конкурентоспособности могут быть отнесены к экзогенным.

Вместе с тем, как и в любых контрактных отношениях, проблемы, возникающие с формулированием обязательств, а также обеспечением их соблюдения, являются обоюдными. Вот почему выполняемость соглашения предполагает, что достоверность обязательств относительно предлагаемого режима предпринимательской деятельности дополняется действенными ограничениями недобросовестного поведения со

стороны хозяйствующих субъектов, которые в первую очередь выражаются в высокой вероятности пресечения нарушений установленных правил, включая защиту от недобросовестной конкуренции.

Конкурентоспособность региона тесно переплетается с его экономическим развитием. Вот почему соотношение между двумя феноменами требует специального внимания.

Если рассматривать конкуренцию между регионами за привлечение предпринимательской активности, направленной на создание стоимости, то экономическое развитие может быть представлено как следствие такого рода конкуренции. Соответственно, конкурентоспособность и экономическое развитие региона связаны положительно.

Следует проводить различие между экономическим развитием и экономическим ростом, что обусловлено, прежде всего, возможностями изменений в результирующих макроэкономических показателях, в первую очередь валового регионального продукта, без нововведений как ключевой характеристикой экономического развития. Иными словами, экономический рост возможен за счет увеличения количества ресурсов, интенсивности их использования, тогда как технология может оставаться неизменной, так же как и ассортиментный ряд производимой продукции, применяемые организационные формы, набор используемых ресурсов, а также состав рынков товаров и услуг, на которые работают хозяйствующие субъекты. В такой ситуации вряд ли стоит ожидать *повышения* конкурентоспособности без экономического развития, даже если наблюдается экономический рост.

Конкурентоспособность, определенная через выживание субъекта на рынке, не связана однозначно с эффективностью (по крайней мере, в краткосрочной перспективе). Это может быть обусловлено тем, что субъекты, конкурирующие друг с другом, могут обладать принципиально различными запасами ресурсов.

Рассмотрим более подробно соотношение между конкурентоспособностью и экономическим развитием. На первый взгляд соотношение между ними достаточно простое и однозначное. Чем выше конкурентоспособность, тем быстрее экономическое развитие. И наоборот, чем быстрее экономическое развитие, тем выше конкурентоспособность. Вместе с тем при анализе соотношения между двумя феноменами следует учитывать ряд обстоятельств.

1. Определение конкурентоспособности, как правило, предполагает соотнесение одного субъекта с другим в один и тот же момент времени, так как конкуренция происходит в режиме реального времени. В свою очередь экономическое развитие определяется через соотнесение последовательно возникающих состояний одного и того же объекта. Исключение составляет межвременная конкуренция, когда хозяйствующий субъект фактически конкурирует сам с собой, поставляя на рынок товары длительного пользования.

2. Возможно определение конкурентоспособности товаропроизводителей вне экономического развития как ситуации, в которой отсутст-

вуют новые комбинации по Шумпетеру, являющиеся важными признаками экономического развития. Понятно, что это лишь теоретическая абстракция, которая показывает, что один феномен (конкурентоспособность) нетождествен другому (экономическое развитие).

3. Вместе с тем повышение конкурентоспособности имеет еще более сложное соотношение с экономическим развитием, так как большое значение имеет способ повышения конкурентоспособности. Если он сопряжен с созданием стимулов хозяйствующих субъектов изыскивать новые способы производительного использования известных ограниченных ресурсов и/или открывать новые ресурсы, то в этом случае факторы повышения конкурентоспособности являются одновременно и факторами экономического развития. В то же время если повышение конкурентоспособности хозяйствующих субъектов, а также территорий обусловлено промышленной политикой, выражающейся в целенаправленном перераспределении ограниченных ресурсов в пользу определенных категорий отраслей, производителей, то в результате искажения стимулов данные факторы, повышая вроде бы конкурентоспособность товаров, вместе с тем не создают достаточных стимулов для экономического развития.

Основной вывод состоит в том, что содержание экономического развития региона, рассмотренное в контексте конкуренции между регионами в сфере развития предпринимательской деятельности, ориентированной на создание стоимости, и содержание конкурентоспособности региона в значительной мере пересекаются.

Факторы конкурентоспособности региона

Если конкурентоспособность региона — это относительная характеристика той или иной территории, определенная в контексте конкуренции как какого-то процесса, то обстоятельства, действия людей (групп), людей, влияющих на указанную характеристику региона, будут определяться как факторы конкурентоспособности.

Принимая во внимание тесную взаимосвязь и вместе с тем неоднозначность соотношения между экономическим развитием и конкурентоспособностью региона, необходимо отметить, что рассмотренное выше соотношение отражается и на факторах соответственно экономического развития и конкурентоспособности.

Работа по классификации факторов экономического развития региона была выполнена Л. Григорьевым и Ю. Урожаевой [2]. В соответствии с предложенной классификацией выделены три группы факторов: «естественные» (объективные), внешние по отношению к региону, институциональные. Принимая за основу предложенную классификацию, вместе с тем следует отметить, что она не соответствует требованиям теоретической классификации, так как недостаточно четко определены основания и множества факторов в рамках групп, которые могут частично совпадать. Данное обстоятельство будет учтено в даль-

нейшем изложении вопроса о факторах конкурентоспособности региона.

В той мере, в какой конкурентоспособность региона (ее повышение или поддержание на высоком уровне) является целью социально-экономической политики, возникает практический вопрос, каким образом данная цель может быть достигнута.

В качестве рабочих критериев можно выделить несколько критериев классификации:

- 1) уровень значимости фактора;
- 2) зависимость фактора от решений, принимаемых субъектами социально-экономической политики на уровне региона;
- 3) по срокам действия (кратко-, средне- и долгосрочные).

Далее основное внимание уделяется экзогенным и эндогенным факторам конкурентоспособности, то есть факторам из второй группы. Вот почему здесь мы кратко остановимся на двух других вариантах классификации. С точки зрения влияния на уровень конкурентоспособности, разумеется, факторы неравнозначны. Например, если рассматривать изменение ВВП как отражение предпринимательской активности, то в числе таких факторов, как человеческий капитал, макроэкономическая политика, качество институтов, последний оказывается наиболее существенным⁵ [9]. Напомним, что институтами называются правила (формальные и неформальные), а также механизмы, обеспечивающие их соблюдение, которые включают механизмы, связанные с применением санкций к нарушителям. Соответственно, если сопоставлять на достаточно длинном временном интервале относительную динамику реального ВВП в расчете на душу, то она в значительной мере будет отражать соотношение качества институтов. Однако и здесь следует учитывать третий критерий классификации: данные факторы могут приводить к разным результатам на временном интервале различной длины. В частности, в краткосрочной перспективе вполне могут оказаться более значимыми именно макроэкономические факторы (например, изменение обменного курса).

Экзогенными называются такие факторы конкурентоспособности региона, изменение значения которых не является прямым следствием решений и действий субъектов экономической политики на уровне соответствующего региона.

К экзогенным факторам относятся, прежде всего, институциональные условия ведения экономической деятельности, которые отражены в федеральных законах, а также связаны с механизмами, обеспечивающими соблюдение этих законов посредством организаций федерального уровня, в том числе с территориально распределенной сетью. Следует сделать лишь одну оговорку: если тот или иной регион не является доминирующим в плане формирования системообразующих правил игры.

---

⁵ Правда, следует отметить, что некоторые исследователи указывают на взаимосвязанность макроэкономической политики и качества институтов.

Большое значение имеют интеграционные процессы в экономике, которые выводят за пределы отдельного региона также решения, связанные с развитием бизнеса. Прежде всего это касается крупных интегрированных бизнес-групп (ИБГ). С одной стороны, решения, принимаемые в ИБГ, затрагивают сразу множество регионов, так что влияние на поведение той или иной ИБГ, предполагающее достижение определенной «критической массы», сопряжено с решением проблемы коллективного действия заинтересованных регионов. Однако, как правило, стратегические решения ИБГ принимают вне контекста взаимодействия с группой заинтересованных регионов.

В то же время большое значение может иметь и такой фактор, как количество ИБГ, чьи интересы представлены в регионе, а также месторасположение штаб-квартиры. Присутствие большого количества ИБГ в регионе значительно ослабляет проблему зависимости принимаемых на уровне региона решений от интересов отдельной ИБГ, особенно если ИБГ разнородны.

Другая группа экзогенных факторов связана с состоянием ключевых ресурсов до принятия решений субъектами, действующими в регионе и влияющими на его конкурентоспособность. Это связано с тем, что история имеет значение, проявляющееся во влиянии на конкурентоспособность различных форм накопленного капитала — человеческого, физического, а также социального, если под последним подразумевать совокупность институтов.

Наконец, еще одна группа сопряжена с изменениями, которые экзогенны и по отношению к действиям федерального центра, и по отношению к поведению подавляющего большинства ИБГ. В частности, речь идет об изменениях на мировых рынках товаров, являющихся важной компонентой производства в соответствующем регионе и экспорта из страны. Для России это прежде всего энергоносители (нефть и газ), а также продукция черной и цветной металлургии. Правда, следует учитывать, что в рамках достаточно узкого продуктового сегмента возможно влияние решений игроков в рамках национальной экономики на условия экономических обменов в масштабах мирового рынка, что в свою очередь может оказывать обратное влияние на конкурентоспособность того или иного региона.

Итак, к экзогенным факторам можно отнести:

1) решения федерального центра (в том числе решения о девальвации национальной валюты, приватизации или национализации тех или иных объектов);

2) решения, принимаемые в интегрированных бизнес-группах, чья деятельность осуществляется одновременно во многих регионах;

3) накопленные характеристики факторов производства (основной капитал, человеческий капитал, природные ресурсы, организационный капитал);

4) изменения конъюнктуры на мировых товарных рынках.

Все факторы, перечисленные выше, не являются экзогенными по определению, если, например, тот или иной регион самостоятельно или в коалиции с другими регионами в состоянии влиять на решение значимых для рассматриваемого региона вопросов (например, формирование промышленной политики).

Эндогенными называются такие факторы конкурентоспособности региона, изменение значения которых является прямым следствием решений и действий субъектов экономической политики на уровне соответствующего региона.

В качестве важнейшего комплексного эндогенного фактора конкурентоспособности региона можно выделить социально-экономическую политику властей, влияющую как на цену, которую участники экономического обмена должны платить за потребление услуг, предоставляемых региональными властями (институциональная инфраструктура, вещественная инфраструктура), так и на качество указанных услуг. Отметим в этой связи, что снижение цены в форме ослабления налогового бремени может рассматриваться как фактор повышения конкурентоспособности региона, который вместе с тем может перевешиваться действием факторов, направленных в другую сторону. Во-первых, за счет низкого качества предоставляемых услуг, особенно общественных благ и государственных услуг. Во-вторых, за счет ухудшения характеристик конкурентоспособности в будущем (ухудшение состояния региональных общественных финансов).

Есть другой аспект влияния социально-экономической политики на конкурентоспособность региона. Наиболее четко он прослеживается через соотношение промышленной и конкурентной политики. **Промышленная политика состоит в целенаправленном перераспределении ресурсов в пользу отдельных отраслей или группы предприятий. В то же время конкурентная политика нацелена на формирование стимулов хозяйствующих субъектов в плане генерирования нововведений (технологических, продуктовых, организационных) посредством создания и поддержания условий конкуренции на целевых рынках.**

Строго говоря, создание формальных институтов — единственный подконтрольный властям фактор, влияющий на конкурентоспособность региона через стимулы тех экономических агентов, которые принимают решения, связанные с созданием стоимости, а также (если такой способ поведения будет предпочтительнее) ее перераспределение и даже уничтожение. С этой точки зрения **конкурентоспособность по местоположению — это, прежде всего, конкурентоспособность институтов (национальных и региональных).**

В соответствии с подходом, предложенным Е. Г. Ясиным и А. А. Яковлевым, конкурентоспособность институтов — соответствие формальных и неформальных институтов страны — законодательства, норм и традиций поведения, распоряжения властью, степени свободы,

радиуса доверия требованиям производства конкурентоспособных товаров и услуг. В связи с представленным определением отметим следующее [7, с. 8].

1. Можно говорить не только о конкурентоспособности национальных, но и региональных институтов.

2. Следует ограничиться формальными и неформальными правилами, регламентирующими взаимодействие между хозяйствующими субъектами, а также взаимодействие хозяйствующих субъектов с органами государственной власти.

3. В качестве особого компонента институтов следует рассматривать механизмы, обеспечивающие соблюдение установленных правил. Предписания относительно разрешенных (запрещенных) видов действий могут соответствовать лучшей практике. Однако этого недостаточно для адекватной настройки стимулов.

Показатели конкурентоспособности региона

Действие факторов конкурентоспособности региона имеют своим результатом характеристики региона, которые в разделе «Конкурентоспособность территории» были проанализированы в контексте определения качественных характеристик, влияющих на стимулы лиц, принимающих хозяйственные решения. Вместе с тем в целях операционализации данной концепции важным представляется решение задачи вычленения показателей конкурентоспособности.

Поскольку показателей конкурентоспособности, так же как и факторов, достаточно много, возникает вопрос об их упорядочении и соотношении друг с другом. Сначала рассматривается вопрос о частных показателях конкурентоспособности, которые отражают отдельные аспекты функционирования субъекта конкуренции. Затем поставлена проблема построения обобщающего показателя конкурентоспособности.

Частным называется такой показатель конкурентоспособности региона, который отражает отдельные аспекты (подмножество аспектов) конкуренции по местоположению.

В соответствии с существующими стандартными подходами к количественной оценке конкурентоспособности можно выделить следующие частные показатели: 1) уровень производительности труда, 2) издержки на рабочую силу в расчете на единицу продукции, 3) коэффициент выявленных сравнительных преимуществ.

Если брать за точку отсчета теорию международной торговли, то ключевым является показатель, связанный со сравнительными преимуществами страны (региона). Во многих исследованиях используется коэффициент выявленных сравнительных преимуществ, который рассчитывается как соотношение доли данной страны (региона) на мировом (национальном) рынке данного товара (экспорт) к доле данной

страны в импорте соответствующего товара (ввозе из других регионов) [7, с. 16].

Технически этот коэффициент может быть построен следующим образом [8]:

$$RCA_i = \left(\frac{X_n}{\sum_{i=1}^n X_i} - \frac{M_n}{\sum_{i=1}^n M_i} \right) \cdot 100,$$

где RCA_i — коэффициент выявленных сравнительных преимуществ, теоретически изменяющийся от -100 до 100 , $\frac{X_i}{\sum_{i=1}^n X_i}$ — доля страны в

мировом экспорте, $\frac{M_i}{\sum_{i=1}^n M_i}$ — доля страны в мировом импорте.

Отметим сразу, что для регионов этот показатель практически неприменим ввиду отсутствия адекватной статистики по межрегиональному перемещению товаров (без пересечения национальных границ).

В числе показателей, отражающих отдельные аспекты конкурентоспособности региона, могут быть также текущие прямые инвестиции, изменение численности малых предприятий в расчете на 1000 человек (с поправкой на долю неработающих МСП), фактически отражающий интенсивность процесса регистрации.

Чем больше количество МСП в расчете на душу населения, тем, при прочих равных условиях, более конкурентоспособен соответствующий регион. Напомним, что большое значения в сформулированном тезисе имеет принцип «прочих равных условий».

Очевидно, что «следы» конкурентоспособности региона можно обнаружить и ретроспективно, если предположить, что динамика ключевых показателей является следствием конкуренции по местоположению. Это касается, прежде всего, таких показателей, как ВРП, в том числе ВРП на душу населения, текущие инвестиции и др.

В числе наиболее очевидных для применения показателей конкурентоспособности — величина добавленной стоимости в расчете на одного работающего. Поскольку результативность экономической деятельности оценивается через созданную стоимость, то чем больше созданной на территории региона стоимости, тем, при прочих равных условиях, более конкурентоспособны предприятия, работающие в данном регионе, тем, соответственно, более конкурентоспособен регион (если использовать логику сопряженности конкуренции по местоположению и конкурентоспособности региона, с одной стороны, и производительность конкурентоспособности региона от конкурентоспособности производящейся на территории данного региона продукции — с другой). Однако данные по добавленной стоимости не на уровне отдельного пред-

приятия, а в региональном разрезе, как правило, недоступны или для их вычленения необходимо проводить крайне трудоемкую работу с имеющейся статистикой.

Обобщающим называется такой показатель конкурентоспособности, который учитывает все основные ее аспекты. Обобщенный показатель конкурентоспособности вряд ли может иметь какую-то размерность. Скорее всего это число, так же как, например, показатель эластичности. Подходы к конструированию механизма получения этого числа могут быть разные.

1. Один вариант — на основе вычленения основных факторов, влияющих на конкурентоспособность, оценки их значения, а также установления весов каждого из факторов, выводится средняя для всей совокупности. Если значение показателя для отдельного региона превышает значение средней, то считается, что регион конкурентоспособен.

2. Другой вариант — выбор в качестве точки отсчета лучшего значения из выбранной совокупности и сопоставление с ним конкретного значения, полученного для изучаемого региона. В этом случае значение показателя не может быть больше единицы, хотя возможна ситуация, когда его значение будет равно 1 (для региона-лидера).

3. Третий вариант — в качестве точки отсчета выбраны максимально возможные значения показателей, тогда как фактические значения для каждого региона указывают на отклонения, обусловленные неиспользованными резервами. В этом случае для всех регионов нормированный показатель будет меньше единицы (включая регион-лидер).

Один из перспективных вариантов формирования обобщающего показателя конкурентоспособности — формирование рейтинга конкурентоспособности региона по аналогии с международными рейтингами, в которых ранжированы страны на основе взвешивания статистических показателей, а также показателей, полученных на основе специальных опросов. В числе таких индексов, например, индекс глобальной конкурентоспособности, индекс конкурентоспособности частного бизнеса, разрабатываемые экспертами Всемирного экономического форума, а также индекс конкурентоспособности национальной экономики Института развития управления [6, с. 10].

В числе важных показателей и характеристик региона, которые сопряжены с его конкурентоспособностью, но вместе с тем не исчерпывают его содержание, хотя и используются как самостоятельные характеристики региона, можно отметить инвестиционную привлекательность региона и состояние региональных бюджетов, отраженное в рейтингах платежеспособности.

В практике сравнительной оценки региона достаточно часто используются различного рода рейтинги, позволяющие упорядочить регионы в соответствии с установленными критериями.

Следует отметить, что рейтинг инвестиционной привлекательности может указывать на отраслевую принадлежность региона, если предположить, что на мировых рынках существует сравнительно устойчивая благоприятная конъюнктура на товары, которые соответствуют специализации данного региона. Вот почему между уровнем инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности региона хотя и возможна положительная корреляция, но вместе с тем она может и не быть такой сильной, как это представляется на первый взгляд.

Поскольку субъектом конкуренции по местоположению непосредственно является регион, то большое значение имеет состояние регионального бюджета как отражение не только текущего, но и будущего режима предпринимательской деятельности в данном регионе. Действительно, если бюджет региона сводится со значительным дефицитом, который финансируется с помощью заимствований на финансовом рынке, а финансирование среднесрочных и долгосрочных программ осуществляется за счет «коротких» денег, то с точки зрения привлекательности такой регион, при прочих равных условиях, будет проигрывать.

Повышение конкурентоспособности региона мерами социально-экономической политики на региональном уровне

Понимание содержания конкурентоспособности в позитивном плане имеет большое значение для разработки мер социально-экономической политики как на уровне экономики в целом, так и отдельного региона с учетом набора экзогенных и эндогенных факторов (переменных).

Так же как и для национального правительства, для регионального можно выделить три группы инструментов, посредством которых можно воздействовать на конкурентоспособность региона.

1. Меры общего характера, направленные на укрепление региональной экономики и ее позиций в системе национального и мирового хозяйства, ведущие в конечном счете к повышению конкурентоспособности фирм и их продукции. Меры такого рода создают базис конкурентоспособности экономики страны и региона. Среди мер общего характера можно выделить прежде всего институциональные рамки ведения хозяйственной деятельности, относящиеся к формированию условий предпринимательской деятельности безотносительно ожидаемых выигрышей конкретных групп хозяйствующих субъектов.

2. Государственная помощь в форме прямого содействия компаниям-изготовителям в осуществлении ими экспортной деятельности (дотации, налоговые льготы, освобождение от пошлин на импорт сырья и материалов, информационная поддержка экспортной деятельности).

Данное направление для региональных властей менее доступно, чем для федерального правительства (нет возможностей освободить от пошлин на импорт сырья и материалов), а также сопряжено с риском применения в отношении их норм федерального закона «О защите конкуренции» в том случае, если в их действиях будет усмотрено ограничение конкуренции.

3. Меры, направленные на формирование спроса на продукцию региональных производителей в других регионах, а также внешних рынках (выставки, создание за границей или других регионах торгово-информационных центров и т. д.).

Указанные группы мер неравнозначны с точки зрения настройки адекватных стимулов. Вместе с тем эти группы формируют пространство выбора как в обычных условиях, так и в условиях кризиса. В этой связи следует отметить, что конкурентоспособность региона во многом будет зависеть от сбалансированности мер, направленных на повышение его конкурентоспособности.

Ввиду того, что конкурентоспособность региона производна от конкурентоспособности производимой на его территории продукции, то принципиальное значение имеет вопрос выбора стратегии повышения конкурентоспособности региона в контексте повышения конкурентоспособности отраслей. Понятно, что отдача от усилий, направленных на повышение конкурентоспособности отраслей, будет дифференцированной. Далее, вполне понятно, что рациональным было бы решать вопросы повышения конкурентоспособности региона, которая сопряжена с наибольшей отдачей от повышения конкурентоспособности соответствующей отрасли.

В связи с этим самостоятельным вопросом является группировка отраслей как с точки зрения потенциальной отдачи в плане повышения конкурентоспособности, так и в плане инструментов, которые могут быть использованы для ее повышения.

Проблемы с использованием показателей конкурентоспособности в качестве контрольных — это минимизация риска манипулирования ими. Попробуем объяснить суть проблемы. Предположим, что всеми игроками используется допущение, что предложенные показатели являются адекватными с точки зрения сравнительной оценки региона (его конкурентоспособности).

Если благосостояние того или иного игрока зависит от уровня или динамики данного показателя, то возникает стимул к его соответствующему изменению. Причем действующие лица будут искать способы достигнуть этой цели с наименьшими издержками.

Например, если в качестве контрольного брать динамику производительности труда, то это может, при прочих равных условиях, стимулировать к применению трудосберегающих, капиталоемких технологий. Вместе с тем в условиях, когда сравнительно дешевая рабочая сила является конкурентным преимуществом по ресурсам, выбор дан-

ного показателя может привести к снижению конкурентоспособности (по крайней мере, в ряде отраслей).

Оценка конкурентоспособности региона сопряжена с необходимостью учета факторов, квантифицировать которые в настоящее время либо невозможно, либо достаточно трудно.

Особенно это касается факторов, которые на самом деле являются сложноорганизованными. В их числе качество институциональной среды на региональном уровне, в том числе не только содержание законов, но и механизмы, обеспечивающие их соблюдение.

Понимание указанного обстоятельства позволит более осторожно относиться ко всем количественным оценкам конкурентоспособности и ее изменениям, с одной стороны, и будет стимулировать к поиску приемов квантификации «неколичественных» на данный момент факторов, с другой стороны.

Выводы

Изложение основных вопросов конкурентоспособности региона позволяют сделать следующие выводы.

1. Конкурентоспособность региона — важный аспект как уровня экономического развития, так и уровня жизни населения в соответствующем регионе. Вот почему повышение конкурентоспособности региона — важная и комплексная задача экономической политики как на федеральном, так и региональном уровнях.

2. В настоящее время не существует общепринятого, строгого и операционального определения понятия «конкурентоспособность», применимого для всех случаев эмпирических исследований в данной области. Это касается как определения данного понятия применительно к отдельным производителям или товарам, так и к отдельным регионам.

3. Вместе с тем конкурентоспособность в долгосрочном плане целесообразно рассматривать через призму настройки стимулов лиц, принимающих решения, на поиск новых возможностей использования известных ресурсов, а также выявление неизвестных *ex ante* ресурсов создания стоимости. Это относится и к хозяйствующим субъектам, и к лицам, принимающим решения, от которых зависит качество институциональной среды на соответствующей территории. Такой подход основан на сопряженности понятий «конкуренция» и «конкурентоспособность».

4. Конкурентоспособность региона зависит от множества факторов, которые поддаются теоретической классификации. С точки зрения процесса принятия решений наиболее важными являются группы эндогенных и экзогенных факторов конкурентоспособности.

5. В прикладных исследованиях применяются разнообразные методики оценки конкурентоспособности на основе конструирования совокупности показателей, каждая из которых обладает сравнительными преимуществами и изъянами. В качестве наиболее распространенных

следует указать на такие показатели, как коэффициент выявленных сравнительных преимуществ, производительность труда и издержки на рабочую силу в расчете на единицу продукции. Выбор методики оценки конкурентоспособности зависит от поставленной цели, а также доступной информации. Причем следует учитывать, что доступная информация не всегда значима, а значимая информация не всегда доступна. Идеальной методики, применимой с одинаковым для всех случаев оценки конкурентоспособности, не выявлено.

6. Следует различать конкурентоспособность производителей в отрасли и на рынке. Если конкурентоспособность производителей на рынке непосредственно связана с уровнем удельных издержек, то конкурентоспособность в рамках отрасли (производящей разнородные и далеко не всегда легко взаимозаменяемые товары) — с дополнительным фактором — выбором специализации, адекватно отражающим сравнительные преимущества производителя. В свою очередь конкурентоспособность региона предполагает включение наряду с фактором издержек и специализации также и институциональные условия производства, что должно приводить к дифференциации издержек производителя ввиду не только естественных сравнительных преимуществ или преимуществ в организации, но вследствие различий в издержках, сопряженных с соблюдением обязательных требований, установленных государством (на федеральном и региональном уровнях).

Список литературы

1. Алчян А. А., Демсец Г. Производство, стоимость информации и экономическая организация // Вехи экономической мысли. Т. 5: Теория отраслевых рынков / под ред. А. Г. Слуцкого. СПб., 2003.
2. Доклад на конференции ГУ-ВШЭ в 2004 году «Региональные особенности экономического подъема РФ в 1999—2003 гг.».
3. Механизмы купли и продажи бизнеса / под ред. А. Е. Шаститко. М., 2002.
4. Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия // МЭиМО. 1989. № 12.
5. Шаститко А. Е. Альтернативные формы экономической организации в условиях естественной монополии. Бюро экономического анализа. М., 2000.
6. Шаститко А. Е. (ред). Обзор состояния делового климата в Российской Федерации / Общественная палата Российской Федерации. М., 2007.
7. Ясин Е. Г., Яковлев А. А. Конкурентоспособность и модернизация российской экономики. Начало проекта / Государственный университет-Высшая школа экономики. М., 2004.
8. Neven D. Trade Liberalization with Eastern Nations: How Sensitive? In: Faini R and Portes R (eds) European Union Trade with Eastern Europe: Adjustment and Opportunities. London, CEPR, 1995.
9. Stiglitz J., Hoff K. The Transition from Communism: A Diagrammatic Exposition of Obstacles to the Demand for the Rule of Law., March, 2004.

УДК: 311.313 (474/476)

Н. В. Каледин**ПОСТСОВЕТСКОЕ
ПРОСТРАНСТВО:
ПРЕДПОСЫЛКИ
И РЕЗУЛЬТАТЫ
РЕГИОНАЛИЗАЦИИ**

Рассматривается регионализация общественных процессов и специфика их проявления на постсоветском пространстве. По мнению автора, она развивается на четырех уровнях — международном (макрорегиональном), субрегиональном, внутрисубрегиональном и страновом. При этом наиболее заметным является международный уровень. Показаны особенности проявления регионализации на каждом из выделенных уровней постсоветского пространства и сделан вывод, что именно на постсоветском пространстве располагается эпицентр процессов регионализации современного мира.

The article deals with the regionalization of social processes and their specific manifestations in the post-Soviet space. According to the author, regionalization is developing at four levels - international (macroregional), subregional, intraregional and on country levels. The most important one is the international level. Specific features of regionalization at each level of the post-Soviet space are described. The author draws a conclusion that the post-Soviet space is the epicenter of regionalization in contemporary world.

Ключевые слова: регионализация, постсоветское пространство, международный (макрорегиональный) уровень регионализации, субрегиональный уровень регионализации, внутрисубрегиональный уровень регионализации, страновой уровень регионализации.

Key words: regionalization, post-Soviet space, international (macroregional) level of regionalization, subregional level of regionalization, intraregional level of regionalization, regionalization on the country level.

Одним из наиболее ярких геопространственных эффектов глобализации и ответной реакцией на нее стала *регионализация* общественных процессов — формирование территориальных (региональных) общностей различного масштаба, обладающих определенным внутренним единством (политическим, историко-культурным, цивилизационным, экономическим и др.). Она проявляется как на международном, так и внутригосударственном уровнях. При этом возникают и обычно накладываются друг на друга региональные общности (используя политико-географическую терминологию В. А. Колосова) *де-юре*, создаваемые целенаправленно, отличающиеся управляемостью и динамичностью развития, и более устойчивые во времени общности *де-факто* [1], в которых целенаправленность и управляемость отсутствуют либо выражены слабо, а для их формирования потребовался длительный исторический период. Тот или иной характер региональных общностей и процессов регионализации задается комплексом конкретно-исторических факторов регионализации.

С точки зрения природы и механизмов (движущих сил) процессы регионализации (как международной, так и внутренней) реализуются в форме двух взаимосвязанных тенденций — *дезинтеграционной* (распад

или его угроза для государств и их объединений, сопровождающиеся появлением новых стран, субрегионов, регионов) и *интеграционной* (формирование региональных общностей в результате объединения территориально-политических субъектов).

Обозначенные особенности регионализации важны для анализа и понимания ее специфики на постсоветском пространстве. Однако выявление современных тенденций требует также учета характера предшествующего исторического развития геопространства, в котором происходят эти процессы.

На протяжении четырех столетий на стыке Европы и Азии, во взаимодействии славяно-православной, западной, исламской и сопредельных с ними цивилизаций происходило формирование специфического в физико-географическом, этно-культурном и цивилизационном отношениях *евразийского макрорегиона*, отличного от европейского, азиатских и др. Как региональная геополитическая система де-юре, складывавшаяся на мультицивилизационной основе, он прошел в своем развитии четыре разнокачественные в общественно-политическом отношении исторические ступени, или региональные геополитические эпохи, — *доимперскую* (Московское государство), *имперскую* (Российская империя), *советскую* (СССР) и *постсоветскую* (Российская Федерация и постсоветские государства). Каждой из них соответствовало специфическое по характеру геополитическое пространство политического и духовного господства и влияния.

При этом можно видеть постепенно усиливающуюся тенденцию его внутренней регионализации, особенно заметную на территориально-политическом уровне. Об этом свидетельствуют, например, различия статуса колониальных окраин по сравнению с остальными административно-территориальными единицами в имперском пространстве, национально-государственная и культурная автономизация советского пространства в рамках советского федерализма и, наконец, активная суверенизация евразийской геополитической системы, трансформировавшейся в постсоветское пространство. Столь же очевиден процесс постепенной экономической регионализации евразийского региона, приведший в конечном счете к оформлению в советскую геополитическую эпоху восемнадцати крупных экономических районов. Таков результат воздействия комплекса конкретно-исторических факторов регионализации на евразийскую региональную общность, что особенно ярко проявилось в становлении постсоветского пространства.

Процесс распада СССР как необходимая предпосылка возникновения новых, постсоветских региональных общностей был обусловлен комплексом *дезинтегрирующих факторов регионализации* — как внешних («холодная» война в отношениях социалистической и капиталистической систем, кризис и распад социалистической системы в Европе в конце 1980-х — начале 1990-х гг. и др.), так и внутренних в СССР. В частности, обозначившиеся в первой половине 1980-х гг. социально-экономический и идеологический кризисы советского общественного строя обусловили его радикальные изменения в ходе пере-

стройки (1985—1991), которые, в свою очередь, стимулировали новые социально-экономические и политические проблемы, в том числе межнациональные конфликты, сепаратизм национальных политических элит в союзных и автономных республиках. Этому способствовала и «цивилизационная пестрота» советского общества — присутствие в нем различных в этноконфессиональном отношении фрагментов крупных цивилизаций: славяно-православной, западной, исламской, буддистской. Их «сплав» на базе коммунистической идеологии заложил основы формирования новой, «советской» цивилизации. Дезинтеграционная тенденция регионализации советского, а затем и постсоветского пространства проявилась не только в «параде» суверенитетов союзных республик в начале 1990-х гг., но и в появлении в ходе межнациональных конфликтов самопровозглашенных, международно непризнанных государств, ставших очагами устойчивых региональных конфликтов.

Наконец, названный тип регионализации постсоветского пространства стимулировался активизацией интеграционных процессов в Европе (расширение Евросоюза и других евроструктур, НАТО и т. п.), появлением в сопредельных с евразийским пространством новых региональных (Турция, Иран, Индия, Пакистан) и глобально-региональных (Китай) держав, а также новых региональных проблем и конфликтов (Афганистан, Ирак, Косово). Они стали мощными новыми факторами регионализации.

В то же время факторами *интеграционной регионализации*, способствовавшими формированию постсоветского пространства, оставались общность географического, соседского, положения новых территориально-политических субъектов, их длительное совместное историческое развитие в рамках Евразийского региона и, как следствие, сложившаяся политическая и социо-культурная общность народов, единая транспортная система и тесные, взаимонаправленные экономические связи, заложенные централизованной плановой экономикой в СССР, как и исторически традиционная финансово-экономическая зависимость периферийных национальных субрегионов от России. Также интеграцию объективно стимулировали усиливавшиеся глобальные и региональные вызовы и угрозы развитию молодых государств (международный терроризм, наркоторговля, нелегальная миграция и др.).

Рассмотренный выше комплекс предпосылок, факторов и особенностей развития стран «запустил» не только процессы регионализации постсоветского пространства, но и определил их *четырёхуровневую структуру*. С разной степенью яркости они реализуются на международном (макрорегиональном), субрегиональном, внутрисубрегиональном и страновом уровнях.

Наиболее заметным является *международно-интеграционный уровень*, активно воздействовавший на остальные уровни. Он представлен созданными государствами постсоветского пространства международно-региональными общностями де-юре — региональными объединениями и международными организациями экономического, политического и интегрального (комплексного) характера с ярко выраженными

ми управленческими функциями. При этом все более очевидными *геополитическими векторами*, трендами развития таких международно-интеграционных процессов становятся *европейский (евроцентричный) и евразийский (россиецентричный)*, заявившие о себе еще в 1991 г. Они стали векторами *регионализации де-юре* постсоветского пространства.

Хронология регионализации советского пространства и начала его трансформации в постсоветское время была, как известно, скоротечной: Прибалтийские республики (Латвия, Литва, Эстония) вышли из Союза летом 1991 г., а 8 декабря 1991 г. республики-учредительницы СССР (31 декабря 1922 г.) — Белоруссия, Россия и Украина — подписали Соглашение об образовании Содружества Независимых Государств (СНГ), зафиксировав в нем ликвидацию СССР и заявив о стремлении к добровольному сотрудничеству в политической, экономической, гуманитарной и других сферах. Двадцать первого декабря в Алма-Ате (тогда столице Казахской ССР) к ним присоединились Азербайджан (фактически с 1993 г.), Армения, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, подписавшие Декларацию о целях и принципах СНГ. В 1993 г. к ней присоединилась Грузия.

Процессы регионализации, происходившие в дальнейшем на европейском (западном) и евразийском векторах постсоветского пространства, приобрели различный характер, приводя к формированию в этом пространстве евразийского региона де-факто двух новых геополитических субрегионов де-юре — прибалтийского и собственно евразийского.

Европейский вектор межгосударственной регионализации представлен прежде всего *европрибалтийским субрегионом*, включающим три бывших союзных республики советской Прибалтики — Эстонию, Латвию, Литву, национально-политические элиты которых избрали путь интеграции в западноевропейские региональные группировки и исторического возвращения в лоно западной цивилизации. Это был первый шаг в регионализации еще советского пространства летом 1991 г. Дальнейшими ступенями реализации западного вектора интеграции и оформления новой субрегиональной общности стали: создание этими странами Балтийской ассамблеи, вступление в Вышеградскую группу (Центрально-Европейская зона свободной торговли), Западноевропейский союз, ОБСЕ, Совет Европы, Совет государств Балтийского моря, ЕБРР и другие европейские экономические структуры, наконец, выполнение необходимых условий вступления в ключевые интеграционные группировки стран Запада, завершившиеся в 2004 г. вхождением в Европейский союз и НАТО. Это заметно расширило и окончательно оформило балтийскую субрегиональную составляющую общеевропейской региональной общности. «Разрушителем» ее территориально-политической и цивилизационной целостности стал российский эксклав на балтийском побережье — Калининградская область («евразийская Прибалтика»).

Евразийский вектор международных интеграционных процессов для большинства постсоветских государств стал главным и имел своими результатами формирование в 1990-е гг. и в первое десятилетие нового века нескольких международных региональных объединений, среди которых ключевую роль в становлении постсоветского пространства выполняло СНГ. Содружество — главный результат в его регионализации де-юре.

Современное Содружество (на 2007 г.) это — 22,25 млн км² с населением около 280 млн чел. (5 % мирового). Здесь сосредоточено 5 % производства мирового ВВП (3 % из них приходятся на Россию), 10 % мирового промышленного потенциала и 25 % базовых видов природных ресурсов. Сельскохозяйственные угодья составляют 11 % мирового итога, но лишь четверть из них благоприятны для сельского хозяйства.

Главной целью объединения была обозначена *реинтеграция* суверенных республик в международную региональную межгосударственную организацию с единым политическим, экономическим и социальным пространством, но создающимся на новых принципах. В Уставе СНГ зафиксированы сферы совместной деятельности — обеспечение прав и свобод человека, координация внешней политики и обеспечение безопасности, разностороннее экономическое сотрудничество, развитие совместной системы транспорта и связи, охрана здоровья населения и окружающей среды, совместная оборона и охрана государственных границ, социальная и миграционная политика, борьба с организованной преступностью и др. Для их реализации были созданы необходимые органы — более 50 межгосударственных консультативных и координирующих органов, в том числе Исполнительный комитет, Советы глав государств и глав правительств, министров иностранных дел и обороны, межгосударственные и межправительственные советы по важнейшим сферам экономики (энергетики, транспорта, связи, инноваций), Межпарламентская ассамблея и др. Благодаря им сложилась такая структура международных связей, которая позволила учитывать разную готовность стран к интеграции. Каждое из государств получило возможность участвовать в интеграционных процессах в той мере и в тех направлениях, которые отвечали его национальным интересам [2]. Сложились также три политических центра Содружества — Минск, Москва и Санкт-Петербург, где разместились главные межгосударственные координирующие органы, придавшие этим городам региональный статус в постсоветском пространстве.

Роль России как естественноисторического интеграционного ядра отличало Содружество от других региональных группировок и от однотипных по общественному строю стран Центрально-Восточной Европы, также вступивших в период радикальной трансформации своих обществ и международной интеграции. Главной чертой общественного развития государств СНГ стали политические, социально-экономические и идеологические преобразования прежнего социалистического

общества в новое, постсоциалистическое. Эти подлинно революционные изменения происходили посредством заимствования исторического опыта (в том числе не самого современного) заметно социализированных в XX в. и в основном уже посткапиталистических стран Запада (особенно европейских) и во многом при поддержке этих стран. Вот почему наиболее точным термином, обозначающим совокупность происходивших преобразований, повлиявших и на интеграционные процессы, представляется «*вестернизация общества*», но не его «капитализация», хотя и она имеет место. Однако геополитические векторы, темпы, глубина и результаты реформирования были неодинаковы в Центрально-Восточной Европе и на пространстве СНГ.

По большинству аспектов многоплановой деятельности Содружество можно считать вполне состоявшейся международной региональной организацией. К ее несомненным достижениям, особенно в начальный, наиболее сложный, кризисный период развития государств (1992—1997), можно отнести следующие: сохранение в основных чертах системы культурно-исторических и экономических связей на постсоветском пространстве, беспрепятственное и мирное (в отличие от распадавшейся в это время в кровопролитных межнациональных конфликтах Югославии), становление новой государственности, проведение политических и социально-экономических реформ (переход большинства стран к многопартийной парламентской системе, создание механизмов и инфраструктуры рыночной экономики и др.), режим свободной торговли в отношениях между странами, безвизовый режим общения людей, валютный союз, основой которого был российский рубль (по 1993 г.), сдерживание региональных конфликтов на постсоветском пространстве, противодействие внешним угрозам.

Но постепенно эти интеграционные преимущества ослабевали и усиливались дезинтеграционные тенденции, обусловленные действием ряда *новых факторов регионализации*, усиливших во второй половине 1990-х гг. тенденцию дезинтеграции постсоветского пространства.

Этому изначально содействовали размытость правовой и институциональной основы Содружества и почти полное отсутствие финансовых инструментов и механизмов, обеспечивающих сотрудничество. В отличие от многих международных организаций в основополагающих документах СНГ перед государствами-участниками не ставились задачи достижения определенной конечной цели, на них не налагаются обязанности (принцип свободы выбора сфер взаимодействия), а лишь фиксируется их готовность к сотрудничеству [2]. Но были и более весомые объективные факторы, стимулировавшие центробежные тенденции.

Среди них первыми необходимо назвать *разные темпы политических и социально-экономических реформ* в постсоветских странах в 1990-е гг. — ускоренные и более радикальные в России, Казахстане, позднее в Азербайджане, запаздывающие и замедленные на Украине, в Молдавии, этноцентричные в Белоруссии, Узбекистане, Таджикистане, Туркмении. Это было обусловлено многочисленными типологическими различиями между странами географического, историко-культурного,

цивилизационного, политического, демографического и экономического характера, ранее, в СССР, «законсервированными» в условиях жесткой централизации, но весомо заявивших о себе в процессе суверенизации бывших союзных республик и ставших фундаментом дезинтеграционных процессов.

Так, по размерам территории (17,1 млн км²) и, соответственно, природно-ресурсного потенциала, по численности населения (142,5 млн чел. из 270 млн жителей Содружества в 2007 г.) Россия намного превосходит любую из стран и даже их совокупные показатели. Минимальные из названных показателей характерны для Армении, Молдавии, Грузии. Весомы территориальный, ресурсный и демографический потенциалы Украины, Казахстана и Узбекистана, способные обеспечить их успешное экономическое развитие в том числе путем привлечения иностранных инвестиций. Заметно различаются и темпы роста населения: от естественной убыли, сокращения населения на Украине, в Грузии, России, Армении, Молдове и Беларуси (–0,7—0,3 %) до ускоренного роста в Таджикистане, Туркмении, Узбекистане, Киргизии (1,1—2 %). Соответственно обозначенным особенностям контрастно различаются и показатели ВВП (от 2,1 трлн дол. у России, 0,33 у Украины и 0,17 у Казахстана до менее 0,02 у Грузии, Армении, Киргизии, Таджикистана и 0,1 у Молдовы в 2007 г.), а также ВВП в расчете на душу населения (от почти 15 тыс. дол. в России до 6—7 у Казахстана, Беларуси, Украины и до минимальных 1,5—3 у Таджикистана, Молдовы, Грузии). Различны позиции стран и по качеству жизни населения (индексу развития человеческого потенциала): у большинства оно оценивается ООН (2007 г.) как среднее, а у Беларуси и России как высокое. Но места в мировой таблице о рангах (из 187 стран) различны — от достаточно высоких у России (57) и Беларуси (62) до малопривлекательных мест в девятой десятке у Азербайджана, Грузии, Туркмении и минимальных у Киргизии (110), Молдовы (113), Таджикистана (116).

Наконец, различна у государств Содружества и исторически сложившаяся цивилизационная принадлежность, вновь заявившая о себе еще в процессе распада СССР, формировавшего в течение восьми десятилетий новую — советскую — цивилизацию. Россия, Украина, Беларусь, Молдова, Грузия и Армения относятся к восточно-христианской (славяно-православной) цивилизации, а Азербайджан и центральноазиатские страны — к исламской. При этом на западе Украины и Беларуси представлены фрагменты западной цивилизации, а в России, в ряде субъектов, — исламской и буддистской.

Отражением цивилизационных особенностей, в том числе советских, стали различия внутривнутриполитических режимов стран и степени их поддержки странами Запада — от демократических (по западным меркам к ним и, соответственно, к Западу ближе других Украина и Грузия), до авторитарно-демократических по тем же меркам (Россия, Казахстан) и сугубо авторитарных в среднеазиатских государствах и в Беларуси.

Второй, возможно, самый мощный фактор разобщения в постсоветском пространстве — *экономический кризис* и снижения объемов ВВП

в 1990-е гг. (более чем на 50 % к 1991 г. в Таджикистане, Грузии, Азербайджане, Молдове, Украине), а как следствие — сокращение и разрыв традиционных экономических связей, исторически ориентированных друг на друга, их переориентация на новых зарубежных партнеров в Европе, Азии и Америке, сопровождавшиеся также корректировкой и сменой внешнеполитических приоритетов.

В 2000—2005 гг. среднегодовые темпы экономического роста в странах СНГ были самыми высокими в мире (8 %), существенно превышая среднемировые (5 %), темпы Евросоюза (1 %) и большинства развивающихся стран. За тот же период совокупный ВВП Содружества увеличился на 39 %, промышленное производство — на 40 %, сельскохозяйственное — на 20 %, внешнеторговый оборот — в 2,5 раза.

Но несмотря на ускоренное развитие, после масштабных сокращений ВВП за 1990-е гг. (в большинстве стран на 40—60 % к 1991 г.) в 2006 г. в среднем по СНГ удалось лишь достичь уровня советского 1991 г. И только шесть стран (Армения, Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Азербайджан и Россия) в 2002—2006 гг. смогли превзойти его, причем первые три страны — на 30 % и более. Заметно ниже него остаются показатели Молдовы, Таджикистана, Грузии. При этом взаимная торговля стран СНГ обрела устойчивую тенденцию отставания от роста торговли с другими странами мира, то есть ориентации на дальнейшее зарубежье. Если в 1994 г. ее доля в общем внешнеторговом обороте Содружества составляла более 35 %, то к 2005 г. она сократилась до 25 %, в то время как в Евросоюзе охватывает 60 %, в НАФТЕ — около 50 %, в МЕРКОСУР — 30 % всего внешнеторгового оборота этих международных региональных организаций [3].

Не менее опасным по своей дезинтеграционной силе для стран Содружества оказался глобальный финансовый кризис 2008—2009 гг., приведший к новым сокращениям производства и взаимного товарооборота.

Третий дезинтегрирующий фактор — распад в 1993 г. валютного союза и отказ от рубля в международных расчетах, в том числе друг с другом, введение национальных валют, а в дальнейшем — ограничение и, по сути, свертывание сферы свободной торговли, что обеспечило прогресс отмеченной тенденции.

Четвертый, производный от предыдущих, — *разнонаправленные и меняющиеся во времени геополитические векторы развития* («пророссийский», «прозападный», «проазиатский», «многосторонний») правящих национальных элит и выборочная, «индивидуальная» политика «поощрения» и «сдерживания» по отношению к ним со стороны России, США, стран-соседей (Турции, Ирана, Китая), НАТО, Европейского союза, организация «Исламская конференция», других международных организаций (ОБСЕ, Совета Европы и т. п.). При этом Центральная Азия и Каспийско-Черноморский регион с Кавказом стали зонами стратегических интересов США и НАТО в связи с добычей и транзитом (в том числе потенциальными) через них в Европу российских, казахстанских, азербайджанских и туркменских энергоносителей,

а также борьбой с наркотрафиком и международным терроризмом, противодействием стран Запада Ирану. Противоречия же между странами СНГ в сфере топливно-энергетической политики способствуют нарастанию геополитических противоречий, стимулирующих дезинтеграционные тенденции в региональном сообществе.

Пятый — активизация *интеграционных процессов с европейскими региональными организациями* приграничных с СНГ стран Центральной и Восточной Европы, в том числе постсоветских республик (особенно их вступление в НАТО, ЕС в 1999—2007 гг.). Это стимулировало авторитет «прозападного» вектора развития у некоторых национальных элит в СНГ. В свою очередь Евросоюз «разогревает» этот интерес новыми евроинтеграционными проектами — как комплексного характера (вроде «Восточного партнерства», адресованного прежде всего Украине, Беларуси, Молдове, Грузии, Армении, Азербайджану), так и энергетического («Набуко», «Белый поток» и др.).

Шестой — *массовая эмиграция русского и русскоязычного населения* из большинства стран Содружества в Россию (только за 1990-е гг. переместились около 5 млн чел. из более чем 20-миллионной русской диаспоры), что создало для стран и мигрантов серьезные социально-экономические проблемы. К этому следует добавить многомиллионную нелегальную трудовую миграцию коренного населения этих стран (особенно молдаван, украинцев, таджиков, узбеков), прежде всего в Россию.

Седьмой — *энергогеополитический фактор*: экономические и политические противоречия и конфликты между странами СНГ по поводу энергоносителей (нефти и газа прежде всего) — их стоимости, организации и направлений транспортировки и др. Здесь сталкиваются интересы стран-экспортеров (России, Казахстана, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана), транзитных стран («транзитеров») (Украины, Беларуси, России, Грузии) и энергетической политики прежде всего европейских и азиатских стран-получателей нефти и газа. Наиболее конфликтными являются отношения в «энерготреугольнике» Россия — Украина — Евросоюз.

Наконец, разобщению стран СНГ способствовали их *внутренние, преимущественно этнополитические, конфликты* — в Молдавии, Грузии, Азербайджане, России, приведшие к появлению непризнанных государств (Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии, Нагорного Карабаха, Ичкерии (1996—1999)). Этому же содействовали внутривнутриполитическая нестабильность и конфликты региональных элит на Украине, в Киргизии, Таджикистане. Максимальное выражение данный дезинтегрирующий фактор достиг в августе 2008 г. в результате неудавшейся попытки Грузии военным путем решить ее территориально-политические проблемы (при открытой поддержке Украины и нейтралитете остальных стран), что привело к окончательной независимости Южной Осетии и Абхазии и началу процесса их международного признания сначала Россией, обеспечившей их военную безопасность, а затем другими государствами. Это привело к фактическому выходу Грузии из

СНГ, разрыву дипломатических отношений с Россией и к еще большей активизации ее руководством западного вектора развития.

Весомым фактором углубления регионализации де-юре (как интеграционного, так и дезинтеграционного характера) постсоветского пространства в пределах евразийской региональной общности в первое десятилетие нового века стало формирование новых и активизация ранее возникших межгосударственных структур с участием стран-членов СНГ — Центрально-Азиатского сотрудничества (с 1994 г.) в составе Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и России (вошла в 2004 г.); Евро-Азиатского экономического сообщества (ЕврАзЭС) (с 1995 г.) в составе России, Беларуси, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана; Союза Беларуси и России (СБР) (с декабря 1996 г.); первоначально экономической, а затем и политической («страны демократического выбора») организации ГУАМ в составе Грузии, Украины, Азербайджана, Молдовы (с 1997 г., сначала с участием Узбекистана в 1999—2004 гг.); военно-политического союза стран СНГ — Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) (с 2002 г.), объединившего страны ЕврАзЭС и Армению; Единого экономического пространства (ЕЭП), соглашение о создании которого в 2003 г. подписали Россия, Беларусь, Казахстан и Украина, при непоследовательной, противоречивой позиции последней). В 2006 г. было принято решение о слиянии сходных по задачам ЕврАзЭС и ЦАС.

Таким образом, наиболее тесно связанной международной региональной общностью на пространстве СНГ в настоящее время являются страны-члены СБР, ЕврАзЭС и ОДКБ — Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан и Армения, а наименее интегрированными в Содружество остаются Грузия, провозгласившая своей целью выход из СНГ, скорейшее вступление в НАТО и Евросоюз, и Туркмения, придерживающаяся в международной политике принципов нейтралитета и минимально участвующая в структурах СНГ.

Кроме того, обозначились *западно- и восточноазиатские направления* интеграционных процессов стран-членов СНГ, добавляющие новые штрихи в регионализацию евразийской части (субрегиона) постсоветского пространства благодаря политической, экономической и социокультурной активности Турции (возрождение идеологии «пантюркизма»), активизации деятельности Организации экономического сотрудничества, организации Черноморского экономического сотрудничества, организации «Исламская конференция» и др. На восточноазиатском направлении это относится прежде всего к деятельности Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества (АТЭС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) (с 2001 г.) в составе России, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и Китая; к приграничному сотрудничеству, внешней торговле и совместным проектам России и Китая.

С позиций факторов *регионализации де-факто* — физико-географического, цивилизационного, этнокультурного, исторического и внешнеэкономического, не менее очевиден и *субрегиональный уровень*

регионализации постсоветского пространства на четыре историко-культурных субрегиона — *Европрибалтийский* (Эстония, Латвия, Литва), *Балтийско-Черноморский* (Россия, Беларусь, Украина, Молдова, Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия), *Центрально-Азиатский* (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан) и *Закавказский* (Азербайджан, Армения, Нагорный Карабах, Грузия). Эти региональные общности де-факто, формировавшиеся более трех столетий, не имеют собственной международной управленческой функции, но пока достаточно устойчивы.

Внутренние (в пределах субрегионов) этнокультурные, цивилизационные, социально-экономические и политические различия и сходства стран, их противоречия и привязанности позволяют говорить об еще одном, более дробном уровне регионализации де-факто — *внутри-субрегиональном*, то есть открывают возможности выделения в субрегионах более дробных региональных общностей — специфических групп стран — Литва и Латвия — Эстония, Беларусь — Россия — Абхазия — Южная Осетия, Украина — Приднестровье — Молдова, Казахстан — Среднеазиатская группа стран, Армения — Нагорный Карабах и Грузия — Азербайджан.

Под воздействием тех же причин, рассмотренных выше, в некоторых странах (Россия, Украина, Молдова, Грузия, Азербайджан, Киргизия, Таджикистан) обозначился *внутристрановой уровень регионализации* — в различных формах (этнополитической, электоральной, геополитической и др.) реализуется *политико-географическая регионализация* внутреннего пространства на основе ранее сложившихся *историко-культурных областей*.

Так, *Украина* демонстрирует территориально-политическую дифференциацию на два региона — Западно-Центральный и Юго-Восточный, в России первоначальная тенденция автономизации субъектов Федерации (в 1990-е гг.) сменилась с начала 2000-х гг. тенденцией их геополитической интеграции — сначала в шесть федеральных округов, а затем укрупнением ряда субъектов посредством сокращения их числа, в Киргизии отчетливо обозначились различия между Севером и Югом, без учета которых невозможно устойчивое развитие страны. Не менее очевидными являются примеры Молдовы, Таджикистана, Азербайджана и Узбекистана.

Рассмотренное многообразие (своеобразная «матрешка регионализации») и динамика процессов регионализации постсоветского пространства позволяют без преувеличения говорить о том, что именно здесь последние два десятилетия располагается эпицентр процессов регионализации современного мира.

Список литературы

1. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Политическая география и геополитика. М., 2005.
2. Эксперт. Спец. выпуск. «Жизнь после СССР». 2006. 25—31 дек.
3. 15 лет СНГ: сотрудничество и интеграция. Тематическое приложение к еженедельнику «Экономика и жизнь». 2006. Октябрь.

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

УДК: 341.176 (474/476)

Т. Пальмовский

**БАЛТИЙСКАЯ ЕВРОПА:
ОТ ИДЕИ К СТРАТЕГИИ**

Статья посвящена историческим предпосылкам и формам международного сотрудничества в Балтийском регионе («Балтийское сотрудничество»). По мнению автора, здесь складывается регион Балтийская Европа как единая область административных, экономических, культурных и инфраструктурных отношений, которая может стать новым экономическим и культурным центром Европы. Значительное место уделено политике и стратегии ЕС в Балтийском регионе.

This article focuses on the historic prerequisites and forms of international cooperation in the Baltic region (“Baltic cooperation”). According to the author, Baltic Europe is being formed as a single administrative, economic, cultural and infrastructural area, which could become a new economic and cultural center of Europe. Special emphasis is given to policies and strategies of the EU in the Baltic Sea region.

Ключевые слова: Балтийское море, Балтийский регион, Балтийская Европа, Европейский союз (ЕС), «Северное измерение», балтийское сотрудничество, стратегия.

Key words: Baltic Sea, the Baltic Sea region, Baltic Europe, the European Union (EU), “Northern Dimension”, Baltic cooperation strategy.

Исторические предпосылки и формы сотрудничества

Балтийское море многие века объединяло народы и страны. Периоды сотрудничества перемежались периодами конкуренции и борьбы за гегемонию в регионе.

Развитие городов и ремесел в Западной и Центральной Европе в IX—XII веках создало предпосылки для возникновения Ганзейской лиги. Тот факт, что возглавляемые Любеком 200 городов, включая 60 расположенных на территории современной Европы, зачастую весьма удаленные друг от друга, 500 лет проявляли солидарность и сохраняли верность Лиге, в которую вступили добровольно, представляется исключительным явлением.

Сообщество, которое на протяжении двух столетий совместно принимало решения относительно экономического, политического и культурного развития Балтийского региона, хоть и объединенное материальными соображениями, вне зависимости от национальных проблем и даже религиозных различий, ценило мир и прибегало к оружию лишь в крайних случаях. Культурные ценности городов Ганзейской лиги пережили саму Лигу. Достижения этого периода, особенно в культуре и искусстве, стали известны далеко за пределами Балтии и ценятся по сей день.

Прочные связи в области как сотрудничества, так и конкуренции оставили след в истории Балтийского региона. Море соединяло людей и страны, равно как и побуждало к установлению гегемонии в регионе. На протяжении сотен лет здесь, с одной стороны, процветала интенсивная торговля, а с другой — велись кровопролитные войны за господство на Балтике.

После Второй мировой войны реализации идеи балтийского сотрудничества препятствовало разделение региона на две политические системы, хотя на словах все поддерживали идею сотрудничества. Балтика представляла собой «северный фланг» политического, военного и идеологического противостояния, где две нейтральные страны — Финляндия и Швеция — разделяли два лагеря, противопоставленных в социальном, экономическом и военном планах. Эти группы были изолированы двумя социальными, экономическими и военными системами. Равновесие обеспечивалось ощущением угрозы, создаваемой обеими политическими и военными доктринами. Страны, расположенные на противоположных берегах Балтийского моря, были этнически, культурно, политически и экономически различны. Единственным объединяющим фактором было наличие выхода к Балтийскому морю. Понятие «Балтийская Европа» в то время было лишь теоретическим инструментом физической и географической регионализации. В рамках категории, определяющей совокупность политических, социальных и экономических связей, этот инструмент оставался абстрактным понятием.

В 1991 г. старая политическая система претерпела фундаментальные изменения, дав возможность преодолеть искусственные барьеры, изолировавшие соседей по Балтике. Регион Балтийского моря столкнулся с одним из важнейших вызовов за свою тысячелетнюю историю. Он возник в результате преобразований в Польше, воссоединения Германии, обретения независимости Эстонией, Латвией и Литвой, вступления Швеции и Финляндии в ЕС в 1995 г., а также возрастающего значения Калининградской области как российской стратегической военно-морской базы. Эти геополитические изменения создали новые возможности для интенсивного экономического и культурного сотрудничества в этой части Европы.

В 90-е гг. XX века наблюдался «взрыв» разнообразных инициатив и форм сотрудничества. Принимая во внимание количество и разнообразие отношений к данной ситуации, было введено понятие «феномен Балтийского сотрудничества» [26].

После вступления в Евросоюз еще десяти стран 1 мая 2004 г., Балтийская Европа вступила в новую фазу развития. Балтийское море ста-

ло внутренним морем ЕС, что, естественно, укрепило сотрудничество между странами региона. Это обусловило возникновение совместных инициатив в Европейском союзе, нацеленных на достижение периферийными областями общего уровня региона. Политическая стабильность и экономическое развитие в долгосрочном плане могут превратить складывающуюся Балтийскую Европу без границ в новый экономический и культурный центр Европы [23, s. 31].

В первом десятилетии XXI века регион **Балтийской Европы** как единой области административных, экономических, культурных и инфраструктурных отношений все еще остается гипотетической концепцией. Тем не менее существуют очевидные предпосылки становления многонационального функционирующего региона [17] путем налаживания связей, торговых отношений, взаимодействия на рынке труда и решения экологических проблем. Основным связующим субъектом является политическая воля к сотрудничеству во всех сферах жизни, ставящая цель — обеспечение общей безопасности (избежание стрессов и конфликтов, социальная защищенность населения), свободное перемещение товаров, людей и информации, а также экономическая безопасность.

Сотрудничество северных стран берет начало в прошлом веке. После Второй мировой войны эти страны, хотя и имели различный политический статус, приняли решение развивать региональное сотрудничество, имевшее изначально экономический, культурный и научный характер.

В 1952 г. был создан Северный совет, который совместно с Советом министров северных стран, созданным в 1971 г., стал одним из главных координаторов всех аспектов внутренней и внешней политики северных стран и сотрудничества с соседними государствами. Их деятельность подразумевала поиск общих решений, благоприятных для всех сторон [7, s. 183]. Сотрудничество развивалось в области культуры, науки, образования, защиты окружающей среды, гражданских прав, экономики, рыболовства и правовых вопросов.

Особое внимание уделялось поддержке и созданию условий для прямого сотрудничества институтов, организаций и органов местного самоуправления, равно как и компаний и граждан северных стран. В 1977 г. было заключено соглашение о регулировании приграничного сотрудничества, инициированного ранее Данией, Финляндией, Норвегией и Швецией.

Цель северного сотрудничества — сохранение общего культурного наследия и популяризация скандинавской модели общности культуры и науки, вдохновляемых демократическими идеалами. Особое внимание уделяется защите морской среды Балтийского моря и всего района охвата.

В 1991 г. было положено начало сотрудничеству во внешней политике и вопросах безопасности.

Тесные исторические связи Скандинавии с Литвой, Латвией и Эстонией, Северным советом и Советом министров северных стран способствовали развитию государственных административных структур в этих странах и поддержали их вступление в Евросоюз.

Институты, вовлеченные в северное сотрудничество, складывались десятилетиями¹. Изначально они включали в себя только некоторые северные страны, но со временем к ним присоединились и остальные. Некоторые институты стали центром притяжения других Балтийских стран, заинтересованных в сотрудничестве в данной области. Северные страны создали определенную модель балтийского сотрудничества. Эта модель или ее элементы находят применение во многих областях более широкого сотрудничества балтийских государств.

Европейский союз и Балтийская Европа

Возрастающий интерес ЕС к Балтийской Европе возник с падением железного занавеса в 1989 г. и расширением ЕС в 1995 и 2004 гг. Хотя Дания вступила в Европейское экономическое сообщество в 1973 г., ЕС представил концепцию Балтийской Европы как единого целого в 1994 г. в рамках сообщения Европейского совета «Инструкции по единому подходу к региону Балтийского моря» [3]. Она была развита в отчете 1995 г. о состоянии и перспективах сотрудничества в регионе Балтийского моря [12]. На приведенных выше основаниях Европейский совет отдал распоряжение Европейской комиссии составить рамочный документ по сотрудничеству в регионе [9]. Европейская комиссия представила документ под названием «Инициатива Комиссии Европейских сообществ по региону Балтийского моря» в 1996 г. [4].

По инициативе Пааво Липпонена, премьер-министра Финляндии, было внесено предложение по созданию «Северного измерения» в Европейском союзе. Целью инициативы было развитие и определение интересов Евросоюза в Северной Европе: от Исландии до Северо-Запада России, от Баренцева моря до южного побережья Балтийского моря. Этот проект был ориентирован в основном на Россию (Северо-Запад), Литву, Латвию, Эстонию и Северо-Восточную Польшу. Не только Финляндия, но и остальные северные страны, т. е. Швеция, Норвегия, Дания и Исландия, приняли участие в реализации проекта «Северное измерение». Инициатива основывалась на апробированных и эффективных структурах сотрудничества, существующих в данной части Европы, и финансовой поддержке региона без создания новых институтов [8, с. 4—5].

«Северное измерение» было нацелено на улучшение координации политики Европейского союза в Северной Европе и устранение различий в экономическом развитии, особенно стран Евросоюза и России и государств ЕС и бывших членов восточного блока. Концепция «Северного измерения» была представлена финнами как основа для диалога между странами Евросоюза и остальными странами, чтобы предотвра-

---

¹ Скандинавский туристический комитет, один из старейших институтов, основан в 1925 г. В 1945—1990 гг. решением Совета министров северных стран было создано еще 95 институтов, специализирующихся в области северного сотрудничества.

тить разделение Европы с Польшей, Литвой, Латвией и Эстонией как членами Евросоюза и Россией, которая не может рассчитывать на членство в Союзе в обозримой перспективе, за пределами ее европейских структур.

С 2006 г. отношения в рамках «Северного измерения» определялись двумя документами: декларацией политики «Северного измерения» и документом об основах политики «Северного измерения». В них названы следующие приоритеты:

- экономическое сотрудничество, в том числе развитие торговли, инвестиций, финансовых услуг, инфраструктуры, энергетики, сельского хозяйства, лесного хозяйства, транспорта и логистики;

- свобода, безопасность и правосудие, в том числе укрепление межличностных связей, улучшение управления пограничными и таможенными процедурами, эффективная система взаимодействия в сфере правосудия, борьба с организованной преступностью, торговлей людьми и наркотиками, нелегальной иммиграцией;

- наука, образование и культура — меры, стимулирующие сотрудничество в рамках исследовательских программ, образовательного и культурного обмена;

- окружающая среда, ядерная безопасность и природные ресурсы, в том числе минимизация ядерных рисков и других видов загрязнения, защита акваторий, морских сред Балтийского и Баренцева морей и биологического разнообразия;

- благосостояние и здравоохранение, в том числе борьба с инфекционными и социально обусловленными заболеваниями, а также сотрудничество [13, с. 17—18].

Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР), Арктический совет (АС), равно как и Совет стран Балтийского моря (ССБМ) и Совет министров северных стран (СМСС), играют особую роль в «Северном измерении». После вступления Литвы, Латвии и Польши в Евросоюз, «Северное измерение» перестало быть типичным инструментом регионального сотрудничества в Балтийской Европе и стало основой сотрудничества Евросоюза и Российской Федерации.

Новые формы сотрудничества

Поворотным моментом, положившим начало балтийскому сотрудничеству, безусловно, был выход Польши из-под российского влияния и падение Берлинской стены. «Взрыв» сотрудничества начался в 90-е гг. и развивался в разных сферах и направлениях, на всех уровнях государственного управления, а также между негосударственными организациями. В статье 15 «Декларации Балтийского моря» говорится о том, что участие местных и региональных органов управления стран Балтийского моря должно «поощрять развитие сотрудничества и содействовать контактам в регионе с целью улучшения окружающей среды Балтийского моря, включая участие местных и региональных властей, правительственных и частных институтов, промышленных и неправительственных организаций».

тельствственных организаций в сферах экономики, торговли, науки, культуры и информации и т. п.» [25, с. 48].

Убеждение, что свободное и полноценное сотрудничество в регионе Балтийского моря будет возможно при условии независимости стран Балтийского моря привело в 1992 г. к созданию Совета государств Балтийского моря² в Копенгагене. Это форма сотрудничества осуществлялась на уровне правительств, под эгидой министров иностранных дел. Цель это регионального проекта — инициирование, поддержка и развитие сотрудничества, а также сохранение прочных связей со странами и организациями Балтийского моря.

Копенгагенская декларация Совета государств Балтийского моря выделила шесть приоритетных областей сотрудничества: поддержка новых демократических институтов, экономическая и техническая поддержка и сотрудничество, понимаемые как важный шаг к будущему Европейской интеграции, социальная поддержка и здравоохранение, защита окружающей среды и энергоснабжение, сотрудничество в сфере культуры, образования, туризма, информации, транспорта и коммуникации.

Независимая организация, действующая под эгидой Совета стран Балтийского моря — Субрегиональная конференция стран Балтийского моря³ — ставит своей целью развитие сотрудничества в сферах экономики, технологии, экологии, здравоохранения, социального обеспечения, молодежной политики, культуры, транспорта и коммуникации между субрегионами Балтийского моря [21, с. 19]. Основные мероприятия, утвержденные конференцией, включают в себя:

- принятие на себя роли контактного центра Балтийского региона;

- разработка общей политики Балтийского региона и ее представление Совету стран Балтийского моря, Европейскому союзу и правительствам конкретных стран на международном форуме;

- меры по оптимизации использования имеющихся финансовых источников и реализация данных проектов во благо всего Балтийского региона;

- поддержка по модели СГБМ всех акторов и организаций в регионе, равно как эффективное информирование и дальнейшее развитие субрегионального сотрудничества [21, с. 19].

Шведский министр Герел Турдин в 1992 г. в Карлскруне возложил на министерства ответственность за стратегическое планирование и развитие одиннадцати стран Балтийской Европы при участии Норвегии и Беларуси, что положило начало программе «Перспективы и стратегии развития региона Балтийского моря до 2010 г.» [24]. Цели данной программы:

- поддержка развития сетевых отношений в Балтийском регионе;
- передача знаний, навыков и технологий странам с переходной экономикой;

---

² Council of the Baltic Sea States (CBSS)

³ Baltic Sea States Subregional Conference (BSSSC)

- расширение информированности о проблемах и направлениях развития других стран региона;
- содействие процессу планирования путем популяризации достижений и концепций развития в других странах региона Балтийского моря;
- обеспечение доступа к инфраструктурным проектам международной значимости [22, s. 22].

Эта инициатива направлена на установление общих рамок территориальных структур в будущем. Общие стратегии должны способствовать принятию решений в отношении территориального развития на национальном, региональном и местном уровнях. Стратегии и рекомендованные меры затрагивают общие интересы Балтийского моря. Они обращены к субъектам, определяющим будущее региона: политикам, управленцам, экономическим организациям, работникам сельского хозяйства, частным инвесторам, финансовым институтам, неправительственным организациям, способствующим региональному развитию и охране окружающей среды, и исследовательским институтам, вовлеченным в территориальное развитие.

В 1994 г. министерства, вовлеченные в территориальное развитие в Таллине, утвердили стратегию территориального развития Балтийской Европы. Это был один из первых в мире проектов подобного рода, предтеча схожих проектов, реализуемых в Евросоюзе [26, s. 95].

«Перспективы и стратегии развития региона Балтийского моря до 2010 г.» обуславливают общую стратегию относительно:

- комплекса населенных пунктов со сбалансированной структурой;
- влияния транспортных коридоров на региональное развитие;
- сотрудничества в сфере морского транспорта, включая узлы, связывающие различные виды транспорта;
- территориального планирования и развития значимых культурных и природных областей;
- комплекса пристаней для яхт на Балтийском море;
- приграничного сотрудничества;
- обмена опытом в сфере территориального планирования;
- наблюдения за процессом территориального планирования [26, s. 96].

Цель Конференции министров транспорта стран Балтийского моря — это повышение эффективности и безопасности транспорта, внедрение экологически чистых средств передвижения, в особенности паромной и смешанной транспортировки, а также интегрирование балтийской транспортной системы в европейскую.

Основные задачи в сфере морского транспорта таковы:

- развитие морских перевозок на малое расстояние в транспортной системе региона;
- улучшение технического состояния и модернизация инфраструктуры морских портов;
- координация транспортного сообщения морских портов с удаленными от побережья районами;

- повышение эффективности и качества услуг портового сектора;
- повышение безопасности мореплавания;
- развитие честной и открытой конкуренции в Балтийском регионе;
- пересмотр стандартов по защите окружающей среды [19, s. 25].

Начало конференции министров транспорта и конференции министров культуры стран Балтийского моря было положено на Стокгольмской конференции в 1993 г.

Цель этих конференций — стимулировать культурное сотрудничество, являющееся фундаментальным фактором формирования идентичности Балтийского региона [14, s. 61]. Совместные декларации не только определяют главные сферы сотрудничества, но и предлагают способы устранения препятствий на пути этого сотрудничества.

Новый взгляд на регион Балтийского моря, объединяющий и создающий возможности для сотрудничества, привлек внимание парламентариев стран региона. Первая встреча членов парламентов Балтийских стран состоялась в 1991 г. в Хельсинки, в дальнейшем подобные мероприятия проходили в виде форумов по обмену взглядами на сотрудничество. Конференции членов парламентов способствовали диалогу с Советом стран Балтийского моря, Субрегиональной конференцией стран Балтийского моря, Балтийской ассоциацией торговых палат, Союзом Балтийских городов и другими организациями. Необходимость объединения европейской интеграции с балтийской была также отражена в условиях расширенного регионального сотрудничества на местном уровне. Значительное внимание было уделено социальным проблемам расширившегося Евросоюза в Балтийском регионе и защите окружающей среды. Проблема сокращения выбросов загрязняющих веществ была выделена наряду с необходимостью эффективного управления энергоресурсами, в том числе и возобновляемыми. Конференция была переименована. Сейчас она действует под названием Парламентская конференция по сотрудничеству в регионе Балтийского моря.

Сотрудничество и защита окружающей среды в регионе Балтийского моря

Регион Балтийского моря обладает уникальной экосистемой.

Сотрудничество в области защиты морских биоресурсов началось еще в 1899 г. Ухудшение состояния среды Балтийского моря, общая экологическая угроза для балтийских стран заставила в 70-х гг. государства с диаметрально противоположными политическими ориентациями вместе обратиться к решению общей проблемы [1, s. 71]. Проблема загрязнения морской среды стала предвестником балтийской интеграции в геополитической среде того времени.

Гданьская конвенция о рыболовстве и сохранении биологических ресурсов в Балтийском море, вступившая в силу в 1977 г., была направлена на сотрудничество балтийских стран в сфере защиты биологических ресурсов в Балтийском море.

По финской инициативе была подписана конвенция о защите морской среды района Балтийского моря, известная как Хельсинкская конвенция. Конвенция создала общие предпосылки для сотрудничества в сфере защиты морской среды стран, принадлежащих к двум противоположным политическим, идеологическим и экономическим блокам, что стало беспрецедентным событием. Конвенция контролирует все известные виды источников загрязнения моря с суши, загрязнений в результате отведения сточных вод, аварийных выбросов нефти и последствий исследования и эксплуатации морского дна. Исполнительным органом Хельсинкской конвенции является Балтийская комиссия по охране морской среды.

Хельсинкская конвенция вступила в силу в 1980 г. До 1990 г. деятельность Конвенции напрямую зависела от текущей политической ситуации, что привело к ухудшению состояния окружающей среды, несмотря на многочисленные предпринятые меры.

Быстро меняющаяся политическая ситуация в Балтийской Европе привела к пересмотру Хельсинкской конвенции после того, как в 1990 г. премьер-министры стран Балтийского моря подписали «Декларацию Балтийского моря» в Роннебю. Этот процесс происходил параллельно с распадом Советского Союза и восстановлением независимости Литвы, Латвии и Эстонии [15, s. 12].

В 1992 г., министры по защите окружающей среды девяти балтийских стран и представители европейского сообщества подписали в Хельсинки «новую» Хельсинкскую конвенцию, в которой представлена новая философия защиты морской среды, уделено особое внимание совместным мерам по охране Балтийского моря, а также превентивным мерам в отношении потенциальных загрязняющих веществ, использованию современных технологий и устранению рассеянных источников загрязнения.

Также было введено требование предварительной оценки воздействия на окружающую среду инвестиционных проектов и ограничения по выбросам веществ, загрязняющих воду и воздух. Кроме того, общественности гарантирован широкий доступ к информации о результатах экологических проверок. Конвенция обязывает охранять естественную морскую экосистему и прибрежные зоны, а также сохранять разнообразие населяющих их видов [15, s. 13].

Поворотным моментом признания защиты окружающей среды, неотъемлемой частью социального и экономического развития региона стало представление балтийской версии «Повестки дня на XXI век».

В 1997 г. Дания, Эстония, Финляндия, Латвия, Литва, Германия, Норвегия, Россия, Польша и Швеция начали разрабатывать стратегию семи основных секторов, для которых интеграция экологических аспектов играет значительную роль: производство, энергетика, транспорт, лесное хозяйство, рыболовство и туризм. Разработка стратегии была направлена на улучшение условий для проживания и работы населения региона в соответствии с принципами устойчивого развития, обновление природных ресурсов и защита естественной среды, необхо-

димой для углубления экономической интеграции и общественного благосостояния.

Сотрудничество стран Балтийского моря в рамках устойчивого развития (в экономическом, социальном и экологическом измерениях) нацелено на достижение следующих результатов:

- безопасная и здоровая среда обитания для нынешних и будущих поколений;
- экономический рост, удовлетворяющий социальным потребностям;
- региональное сотрудничество, основывающееся на демократии, открытости и участии граждан в общественной жизни;
- восстановление экологического баланса экосистемы и сохранение биологического разнообразия, а также уменьшение загрязнения окружающей среды;
- эффективное управление возобновляемыми ресурсами;
- сокращение использования невозобновляемых ресурсов и популяризация использования вторичного сырья [22, s. 56].

Защита морской среды в бассейне Балтийского моря обычно рассматривается как основная региональная проблема [2, s. 77]. Многостороннее сотрудничество в этой сфере привело к некоторому улучшению ее состояния. Меры, предпринятые на различных уровнях, направлены против воздействия цивилизации и технического прогресса, угрожающего естественной морской среде.

Стратегия ЕС в регионе Балтийского моря

В декабре 2007 г. Европейский совет принял положение, обязавшее Европейскую комиссию разработать стратегию ЕС в отношении региона Балтийского моря.

Суть стратегии заключается в раскрытии потенциала Балтийского моря, который появился после расширения ЕС в 2004 г. Согласно прогнозам Европейского совета, данная цель будет достигнута путем решения следующих приоритетных задач: защита окружающей среды, достижения благополучия, привлекательность и доступность, а также безопасность (см. рис.). В Европейской комиссии члены парламентов, в основном балтийских стран ЕС, из неформальной группы «Балтийская Европа», подготовили и представили документ, названный «Стратегия ЕС в регионе Балтийского моря», президенту Еврокомиссии в ноябре 2005 г. Это исследование в значительной степени повлияло на резолюцию о развитии «Северного измерения» [5], которая была отклонена Европейским парламентом 16 декабря 2005 г. Документ определял роль балтийского сотрудничества в контексте расширения ЕС в 2004 г. Это было первое предложение принять отдельную стратегию для Балтийской Европы, которая стала бы важным элементом «Северного измерения» внутри сообщества.

Рис. Приоритеты и возможные меры в отношении европейской стратегии в регионе Балтийского моря [13]

Европейский парламент принял резолюцию о стратегии в регионе Балтийского моря 16 ноября 2006 г. Резолюция включала в себя призыв к Еврокомиссии разработать стратегический документ, обеспечивающий условия для развития потенциала региона балтийского моря после расширения ЕС в 2004 г., популяризации Балтийского моря как привлекательного и конкурентоспособного региона, приложения совместных усилий к улучшению состояния окружающей среды региона.

Этот документ должен стать одним из трех приоритетов в период шведского президентства в Европейском совете во второй половине 2009 г.

Заключение

Благодаря совместным инициативам Европейского союза, в XXI веке Балтийский регион перестанет быть периферийным регионом. Политическая стабильность и экономическое развитие могут в долгосрочной перспективе трансформировать складывающуюся Балтийскую Европу без границ в экономический и культурный центр Европы.

Список литературы

1. Andruliewicz E., 1994, Morze Bałtyckie, jego zagrożenia i ochrona, Państwowa Inspekcja Ochrony Środowiska, Warszawa.
2. Ciechanowicz J., 1995, Polska racja stanu a Europa Bałtycka, [in:] Cz. Ciesielski (ed.), Ku wspólnocie Europy Bałtyckiej, Instytut Bałtycki, Gdańsk.

3. Communication from the Commission, Orientations for a Union Approach towards the Baltic Sea Region, SEC(94) 1747.
4. Communication from the Commission, Baltic Sea Region Initiative, SEC(96) 6008.
5. European Parliament resolution on the future of the Northern Dimension, 16.11. 2005.
6. Hägerhäll B., 1980, International Cooperation to Protect the Baltic, *Ambio*, Vol. 9 No. 3—4.
7. KołECKA B., 1997, Rada Nordycka, Nordycka Rada Ministrów, [in:] S. Parzymies (ed.) *Europejskie struktury współpracy*, Warszawa.
8. Lipponen P., 1999, The Northern Dimension of The European Union, *New Northern Europe Business Magazine*.
9. Madrid European Council, 15—16.12.1995, Conclusions of the Presidency, *Bulletin of the European Communities* no 12.1995.
10. Ognik H., Popiński R., 1992, Instytucjonalizacja współpracy w regionie Europy Bałtyckiej — stan i perspektywy, [in:] B. Jałowicki, (red.), *Europa Bałtycka*, Uniwersytet Warszawski, Europejski Instytut Rozwoju Regionalnego i Lokalnego, Warszawa.
11. Palmowski T., 2000, Rola regionów transgranicznych w procesie integracji Europy Bałtyckiej, *Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego*, Gdańsk.
12. Report on the Current State and Perspectives for Cooperation in the Baltic Sea Region, Commission of the European Communities, COM(95)609.
13. Ryba J., 2008, Strategia Unii Europejskiej dla regionu Morza Bałtyckiego, *Biuletyn Analiz* no 19, Office for the Committee of European Integration, Warsaw.
14. Stålvant C. E., 1996, *Actors around the Baltic Sea*, Baltic Sea Stateésummit, Stockholm.
15. Sroczyński P., Tyszecki A., (ed.), 1995, *Konwencja Helsińska a ochrona środowiska Morza Bałtyckiego*, Gdańsk.
16. Sroczyński P., Krzyżanowski P., 1990, Ocena współpracy międzynarodowej w Regionie Bałtyckim, *Budownictwo Okrętowe i Gospodarka Morska*, nr 11—12.
17. Storm Pedersen J. S., 1993, *The Baltic Region and the New Europe*, Roskilde University, Roskilde.
18. Studzieniecki T., 1995, BTC, Bałtycka współpraca turystyczna, *Czas Morza*, nr 2(6).
19. Toczyski W., (red.), 1998, *Instytucje i programy współpracy bałtyckiej*. RCSS, Biuro Rozwoju Regionalnego w Gdańsku.
20. Toczyski W., Sartorius W., Zaucha J., 1997, *Międzynarodowa współpraca regionów*, Warszawa.
21. Toczyski W., 1998, *Profile współpracy bałtyckiej*, Pomost, nr 7.
22. Toczyski W., (ed.), 1999, *Region bałtycki, rozwój przestrzenny, programy, instytucje*, Gdańsk Weihe-Lindeborg L., 1998, *Cultural Cooperation as Strategy of Modernization, The Baltic Sea Region*.
23. Veggeland N., 1994, *Building the Baltic Sea Region in a New Europe, The Baltic Sea Region*, Freiburg.
24. *Vision and Strategies around the Baltic Sea 2010 (VASAB 2010)*.
25. Wiejacz J., 1992, *Bałtycka współpraca regionalna*, [in:] *Polska w Europie, Ośrodek Studiów Międzynarodowych we współpracy z Fundacją Polska w Europie*”, Warszawa.
26. Zaucha J., *Integracja wokół Bałtyku*, [w:] E. Toczyska (red.), *Podstawy reformy samorządowej*, Uniwersytet Gdański, Gdańsk, 1998.

УДК: 339.96 (474/476)

И. М. Бусыгина
М. Г. Филиппов

**«СЕВЕРНОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ»:
СТРАТЕГИИ
УЧАСТНИКОВ**

Статья посвящена инициативе ЕС «Северное измерение», в которой участвуют также Северо-Запад России, Норвегия и Исландия. Отмечается, что «Северное измерение» в теоретической перспективе может рассматриваться как часть стратегически связанных многоуровневых взаимодействий между государствами-членами ЕС и Россией. На этой основе анализируются последствия и эффекты стратегической взаимозависимости между всеми уровнями отношений России и Евросоюза.

This article is devoted to the “Northern Dimension” initiative of the EU which also includes North-West Russia, Norway and Iceland. It is noted that the “Northern Dimension” in the theoretical perspective can be considered as part of strategic multi-level interactions between member-states of the EU and Russia. On this basis, the authors analyze implications and effects of the strategic interdependence of all the EU-Russia relation levels.

Ключевые слова: Европейский союз (ЕС), Россия, «Северное измерение» (СИ), трансграничное сотрудничество, межрегиональное сотрудничество, субсидиарность во внешней политике ЕС.

Key words: European Union (EU), Russia, the “Northern Dimension” (ND), cross-border cooperation, inter-regional cooperation, subsidiarity in the EU foreign policy.

Инициатива ЕС «Северное измерение» была выдвинута Финляндией в 1997 г. и принята Европейской комиссией в качестве стратегии ЕС в 1999 г. первоначально на период с 2000 по 2003 г. Важнейшей составной частью «Северного измерения» является развитие трансграничного сотрудничества между сопредельными административными единицами стран-участниц. В соответствии с документами ЕС оно охватывает территории Финляндии, Швеции, Норвегии, Исландии, стран Балтии и Польши, а также Карелию, Мурманскую, Архангельскую, Ленинградскую, Псковскую, Новгородскую, Вологодскую, Калининградскую области Российской Федерации и г. Санкт-Петербург.

Уникальность программы «Северное измерение» состоит в том, что сотрудничество между странами-участницами должно осуществляться горизонтально и вертикально на нескольких уровнях: государственном, региональном, локальном. «Северное измерение» означает для России дополнительную возможность привлечь внимание партнеров как к освоению богатств еще плохо обжитых территорий, так и к совместному решению проблем российского Северо-Запада, имеющих трансграничное влияние [2, с. 180]. Среди них: защита окружающей среды, развитие транспортной и пограничной инфраструктуры, проблемы безработицы и здравоохранения.

Углубление «Северного измерения ЕС» — в значительной мере работа по конкретным направлениям (*policies*). Однако она имеет выра-

женное горизонтальное измерение, в котором большую роль играет координация. Особенно в сфере финансирования взаимодействие и координация деятельности инструментов ЕС и международных финансовых учреждений может обеспечить большую эффективность и дать практические результаты.

В 2003 г. Еврокомиссия учредила Второй план действий «Северного измерения» на 2004—2006 гг. Второе «Северное измерение» должно было внести вклад в реализацию политики добрососедства. В настоящее время в рамках «Северного измерения» действуют два партнерства: Природоохранное партнерство и Партнерство в области здравоохранения и социального обеспечения (создано в соответствии с Декларацией, принятой на состоявшейся 27—28 октября 2003 г. в Осло международной конференции). За четыре года функционирования Природоохранное партнерство зарекомендовало себя как действенный многосторонний механизм сотрудничества, имеющий адекватную финансовую базу и менеджера проектов — Европейский банк реконструкции и развития. Общий объем средств Партнерства — 1,8 млрд евро. В рамках Партнерства осуществляются 15 проектов, которые в основном финансируются международными банками развития на возвратной основе, а часть средств предоставляется в форме грантов в качестве софинансирования из специального фонда Природоохранного партнерства. Проектами первой очереди в рамках партнерства являются юго-западные очистные сооружения Санкт-Петербурга (проект завершен в 2005 г.); строительство комплекса защитных сооружений от наводнений в Санкт-Петербурге; завод по сжиганию отходов в Санкт-Петербурге (проект завершен в 2007 г.); программа природоохранных инвестиций для Ленинградской области; проекты модернизации ЖКХ в Архангельске, Сыктывкаре и Новгороде; проекты реконструкции систем централизованного теплоснабжения в Калининграде и Мурманске; организация сбора и удаления отходов в Калининграде; проект прекращения прямого сброса стоков в реку Неву; экологическая программа реки Ладоги, проекты городского водоснабжения Калининграда и Вологды [3, с. 31].

Несмотря на то что инициатива «Северное измерение» с самого начала ожесточенно критиковалась, в ее рамках было достигнуто немало; возможно, ключевым ее достоинством является то, что она способствовала эффективному вовлечению России в европейские структуры вне так называемой «высокой политики». Интерес к «Северному измерению», его практике и теоретическому опыту ныне распространяется гораздо шире Северной Европы и стран, непосредственно в эту инициативу вовлеченных [6].

Однако инициатива «Северное измерение» интересна не только сама по себе, но в контексте отношений между Европейским Союзом и Россией. В теоретической перспективе «Северное измерение» можно рассматривать как часть стратегически связанных многоуровневых взаимодействий между государствами-членами ЕС и Россией. Исследователи уже неоднократно подчеркивали принципиальную важность

многоуровневого характера отношений между этими двумя субъектами: речь идет об 1) отношениях между институтами ЕС и российскими институтами; 2) двусторонними отношениями Россия — государства-члены ЕС; 3) трансграничными связями и сотрудничеством на региональном (субнациональном) уровне [12]. Базируясь на этом, мы можем сделать следующий шаг и попытаться более предметно проанализировать последствия и эффекты стратегической взаимозависимости между всеми уровнями отношений России и Евросоюза.

Основной наш аргумент заключается в том, что оба субъекта, взаимодействуя на множестве институциональных уровней и балансируя между ними, пытаются достичь различных целей в одно и то же время. Основные акторы должны принимать во внимание последствия взаимодействий на всех уровнях, однако при этом они придают разный «вес» (разную значимость) результатам этих взаимодействий. Поэтому выбор стратегии (или тактики) сотрудничества или отказа от нее на одном уровне может объяснить характер решений, принимаемых на других уровнях.

Отношения ЕС — Россия: общий контекст

Отношения между Россией и Европейским союзом в последние годы складываются крайне интересно: наблюдается все более усиливающийся контраст между бурно развивающейся сферой взаимной торговли и внешнеполитическими отношениями, которые близки к «точке замерзания». В 2007 г. этот контраст уже в качестве устойчивой тенденции закрепился и даже усилился, поскольку взаимная торговля продолжала динамично развиваться к взаимной выгоде участников, а сфера внешнеполитических отношений принимала все более неблагоприятные для России формы, значительно ослабляя внешнеполитические позиции нашей страны не только сейчас, но и на будущее. Можно утверждать, что к середине 2007 г. произошел переход к принципиально новой парадигме в позиции ЕС по отношению к России — европейские лидеры признали несостоятельность попыток влиять на реформы в России и начали создавать механизм выработки общих мер, позволяющих нейтрализовать возможные негативные действия России в отношении Союза.

Благоприятный вектор развития внешнеполитических отношений с европейскими странами и Союзом в целом достиг максимума в 1997 г., когда наконец полностью вступило в силу подписанное еще в 1994 г. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между ЕС и Россией. К этому моменту Амстердамский договор определил конституционные (договорные) принципы внешней политики ЕС.

Отношения с Россией рассматривались как тот общий внешнеполитический проект, относительно которого у стран-членов ЕС имеется единство целей и который станет «пилотным проектом», на котором

можно будет отработать механизмы взаимоотношений ЕС (как объединения) с внешним миром. Найти такой общий проект было крайне важно, ведь трудность развития общей внешней политики для ЕС заключается в противоречивых внешнеполитических интересах разных стран, и прежде всего Германии, Франции и Великобритании. Но поскольку все страны Евросоюза заинтересованы в предсказуемости России, ее обеспечение и есть наиболее очевидный первоочередной проект новой общей внешней политики [1]. Амстердамский договор учредил в качестве одного из главных инструментов внешней политики «общие стратегии» ЕС во внешней политике. Самой первой «общей стратегией» ЕС (принятой в июне 1999 г.) стала программа действий по обеспечению демократии и рыночной конкуренции в России. В целом ожидалось, что совместными усилиями на Россию можно будет влиять таким же образом, как влияли западные державы-победительницы на развитие послевоенных Германии и Японии, добиваясь развития в них демократии и конкурентного рынка как главных средств обеспечения предсказуемой и добрососедской внешней политики. Как известно, государства с демократически избранными правительствами не могут позволить себе враждовать друг с другом.

Летом 1999 г. могло бы показаться, что перед Россией открылись хорошие возможности извлечь значимые дивиденды из заинтересованности функционеров ЕС в успехе своего первого внешнеполитического проекта, нацеленного на превращение России в демократическую европейскую державу, играющую по общим европейским правилам. Однако вскоре после прихода к власти Владимира Путина российская сторона стала активно сопротивляться попыткам ЕС проводить единую внешнюю политику в адрес России. Прежде всего Россия пыталась играть на противоречиях внутри Европейского союза. Однако быстро выяснилось, что попытки играть на противоречиях, а особенно противопоставлять «старую» Европу новым членам Союза оказываются контрпродуктивными. Это стало совершенно очевидным в 2007 г., когда неожиданно для российской дипломатии Польша заблокировала запланированное на саммите Россия — ЕС в Самаре подписание новой версии СПС, чего Россия добивалась более пяти лет. Руководство Союза не только не стало «одергивать» Польшу, как надеялась российская сторона, но на самом саммите (который из-за польского вето оказался провальным) председатель Еврокомиссии Мануэль Баррозо твердо заявил о поддержке позиции Польши.

Здесь необходимо пояснить, что важнейшей особенностью ЕС является то, что это межгосударственное объединение находится в процессе формирования. Это в существенной мере определяет внешнеполитические стратегии Союза, которые мотивированы не столько внешнеполитическими интересами ЕС (каковые по большей части еще не сформированы), сколько попытками создать условия для дальнейшего расширения полномочий Союза, в том числе полномочий, необходи-

мых для формирования из него реального субъекта внешнеполитической деятельности. Для этого страны-участницы должны отказаться от наиболее существенной части своего суверенитета, а это может произойти только при наличии серьезных побудительных мотивов. К настоящему моменту экономическое сотрудничество в рамках ЕС во многом достигло уровня федеративного союза, так что Союз выступает в качестве полноправного представителя общих интересов стран-участниц. В других же сферах, прежде всего в сфере внешней политики, объединение весьма ограничено: принципы принятия решений носят межгосударственный характер, т. е. решения принимаются только в том случае, если достигнут консенсус среди стран-участниц. А это означает, что в этой сфере еще не сложился механизм выработки общего «интереса», а есть всего лишь возможность опираться на «общий знаменатель» интересов отдельных стран.

Данная посылка: Европейский союз не сформировал еще механизм выработки общих интересов, часто приводит российских дипломатов к *ложному* выводу о том, что можно (и следует) пытаться играть на противоречиях интересов стран-участниц Союза. При этом не учитывается, что в настоящий момент для многих европейских политиков основной интерес заключается в выстраивании общих институтов (правил) внешней политики ЕС. Несмотря на различия в предпочтениях по поводу конкретных вопросов, объединяющим является понимание необходимости выработать правила, определяющие будущее развитие внешней политики Союза.

Однако растущее политическое напряжение между ЕС и Россией может быть «компенсировано» сотрудничеством на других институциональных уровнях. Так, политические трения на самом верхнем уровне может стимулировать правительство России более активно участвовать в региональных (пространственных) инициативах Союза (таких как СИ). При этом *критически важным* является то, что для достижения успеха в этом балансировании между уровнями, контекст СИ должен быть строго отделен от проблематики «высокой политики». В этом случае программа(ы) трансграничного и межрегионального сотрудничества станут работать более эффективно, если будут концентрироваться вокруг локализованных и неполитизированных вопросов. Надо признать, что программы такого рода слабо приспособлены для разработки таких «высоких» политизированных тем, как развитие демократии в России, свобода СМИ, права человека, а также безопасность и вопросы поставок энергоресурсов. Иными словами, как идеологи, так и практики СИ должны сознательно избегать вовлечения в определенные (политизированные) проблемы.

Можно предположить, что если одни акторы выберут как приоритет уровень отношений между Россией и ЕС в целом, то другие будут заинтересованы в развитии двусторонних отношений. Точно также и приоритетные области у разных акторов будут различны. В целом

можно ожидать, что члены ЕС и субнациональные территории (регионы) будут следовать разным, возможно, даже противоречивым стратегиям в отношении России. Более того, один и тот же актор станет использовать разные стратегии на разных институциональных площадках. Например, Финляндия будет по-разному действовать в Евросовете, в рамках «Северного измерения» и в двусторонних отношениях с Россией. Так что дефицит последовательности во внешней политике ЕС — это естественное следствие его многоуровневой структуры управления.

Развитие «Северного измерения» — это хорошая иллюстрация того, что напряжение в области «высокой политики» не обязательно должно резко сократить возможности практического сотрудничества на нижних уровнях. Разные формы межрегионального сотрудничества в рамках «Северного измерения» продвинулись гораздо дальше, чем полагали критики этой инициативы; несмотря на многочисленные трудности, инициатива не была серьезно затронута и вовлечена в ухудшающиеся отношения между Россией и ЕС, и, что наиболее важно, Россия не вышла из инициативы, сохранив свои обязательства.

Формула успеха: малые шаги малых стран

Как показывает Аальто [4], СИ было прежде всего попыткой преодолеть нарастающее размежевание между ЕС и Россией посредством совместного решения практических функциональных проблем, а не еще одним каналом борьбы за «высокую политику». Безопасность и вопросы политики были либо исключены из повестки дня, или обсуждались в самом ограниченном объеме. Возможно, наиболее удачным стало решение не поднимать в рамках СИ вопросов поставок нефти и газа; лишь ядерная безопасность и энергосбережение были включены в Экологическое партнерство в рамках СИ. Важность Севера для энергетической стратегии ЕС прекрасно осознается «евробюрократией»: «Северное измерение представляет собой существенную границу для безопасности поставок в силу важности российских и норвежских поставок энергоносителей (“The Northern Dimension represents one essential frontier for security of supply due to the importance of Russian and Norwegian energy supplies” (Commission, 1999)).

Так, с самого начала СИ было ориентировано на партнерский и равноправный подход, было открытым для равноправного участия стран — не членов ЕС. Как подчеркивают Ланнон и Ван Эльсуведе, «тот факт, что эти страны-партнеры были вовлечены в процесс с самого начала и участвовали в конференции министров иностранных дел по «Северному измерению», весьма необычен в контексте ЕС. Другими словами, ожидалось, что страны-партнеры будут не только принимать политику, но и делать ее (“the fact that these partner countries have become involved in the process from the very beginning and participated in the Foreign Ministers’ conferences on the Northern Dimension is rather unusual

in the EU context. In other words, the partner countries were expected to be not only policy-takers but also policymakers”) [9, p. 25]. Браунинг и Йонниemi также согласны с тем, что открытость для участия внешних партнеров в смысле возможности формирования политики — это действительно отличительная черта СИ [5]. Для всех участвующих стран эта вовлеченность в инициативу создает возможность (и площадки!) для обсуждения интересующих всех проблем на равноправной основе. Так что партнерский и равноправный подход фактически гарантировал то, что СИ будет заниматься ограниченным числом вопросов, «приемлемых» для всех участников. И действительно, как правило, СИ занимается функциональным сотрудничеством в сфере так называемой «низкой» политики.

С течением времени Финляндия начала прилагать усилия к трансформации образа СИ — от внешнеполитического проекта к проекту сотрудничества, который в равной степени принадлежал странам-партнерам и ЕС [14, p. 6]. Из всех стран-партнеров по СИ только Финляндия входит в ЭВС, однако довольно скептически относится к продвижению общей оборонной политики. Так что для внешнего наблюдателя СИ может показаться проектом, в рамках которого страны Севера Европы намерены сепаратно строить свои отношения с миром, и в частности с Россией. СИ может рассматриваться даже как своего рода «северная альтернатива» «восточному» и «южному» векторам развития ЕС. Как предполагает Тренин [13], существует возможность формирования новой общей глобальной идентичности — «северной».

Неоднократно подчеркивалось, что СИ доказывает то, что малые страны ЕС могут много добиться, проводя «умную маленькую политику» (“smart small policies”). В случае России речь идет о регионах, которые активно участвовали в деятельности СИ, а успех сотрудничества в высшей степени зависел от интереса и вовлеченности местных и региональных (субнациональных) акторов.

Такого рода инициативы и проекты не случайно разворачиваются на субнациональном уровне — этого требует, помимо прочего, технология практически-ориентированного сотрудничества. Попытки согласовать и реализовать подобные проекты между национальными правительствами неизбежно влекут за собой огромные транзакционные издержки. Межрегиональные контакты, напротив, позволяют сохранить издержки низкими; сотрудничество развивается как «общая практика», вне «высокого» политического контекста.

Принцип субсидиарности во внешней политике ЕС и «Северное измерение»

Развитие «измерений» — это форма исключения: партнерство в определенном измерении означает, что государство не может рассчитывать на полноценное членство в Союзе [8, p. 7]. СИ имеет и северную, и

восточную составляющие. И с точки зрения его восточной «географии» это действительно граница между Европой и не-Европой [11, р. 96]. Если понимать СИ в этом смысле, то оно действительно базируется в Брюсселе, в тех кабинетах, где разрабатывается внешняя политика ЕС [11, р. 97]. Иными словами, если концептуализировать СИ как один из элементов внешней политики ЕС, то оно превращается не более чем в усеченную региональную часть общей стратегии ЕС по отношению к России.

Альтернативное будущее для СИ могло бы заключаться в поддержке определенной степени автономии от внешней политики ЕС; СИ уже имеет важные инновации и отличия от традиционных инструментов внешней политики, что облегчает достижение автономии. СИ — это комбинация партнерского, равноправного и многоуровневого подходов, и такая уникальная комбинация создает «особую форму субсидиарности», которая заключается в том, что страны-члены ЕС формулируют и реализуют внешнюю политику в сотрудничестве с внешними акторами, способными генерировать необходимую «мощность» для решения отдельных проблем [7, р. 390]. Субсидиарность такого рода позволит ЕС проводить многоуровневую внешнюю политику. С другой стороны, «наиболее заинтересованные» (“the member states most concerned”) смогут избежать противоречий «высокой политики», сосредоточившись на тех областях сотрудничества, где вовлеченность региональных и субрегиональных акторов приведет к созданию добавленной стоимости (Northern Dimension Policy Framework Document, 2006).

Принцип субсидиарности в применении к СИ принципиально отличается от идей концепций «Европы разных скоростей» или «Европы региональных блоков». Возможно, его легче всего объяснить через подход многоуровневого управления, который предполагает, что акторы могут воздействовать на процесс принятия решений в ЕС через разнообразные каналы — от работы с европейскими институтами до непрямого действия через региональные, национальные и субнациональные структуры. Формирующаяся таким образом политика есть «результат накладывающихся друг на друга компетенций, напряженностей и конфликтов в системе многоуровневого управления [10].

С применением субсидиарной логики к СИ можно ожидать, что процесс принятия решений по частным, «локализованным» вопросам, будет децентрализованным, т. е. рассредоточенным между различными институциональными уровнями — региональным, национальным, субнациональным, при этом наднациональные институты будут сохранять ответственность за формулирование общей политики в отношении России. Таким образом, разные вопросы будут входить в компетенцию различных игроков в зависимости от степени их важности и наличия общего интереса.

Отметим, что логика субсидиарности для СИ ни в коем случае не противоречит (и дополняет) наш аргумент, выдвинутый в начале ста-

тьи: ключевые акторы при определении своих стратегий будут руководствоваться, во-первых, общим контекстом отношений между Россией и ЕС, а во-вторых, выдвиганием разных приоритетов на разных уровнях и по отношению к различным вопросам. Вовлеченность СИ в области «высокой политики» выгодна скорее европейским (наднациональным) акторам, нежели странам-участницам, субнациональным единицам и региону в целом.

Список литературы

1. Бусыгина И. Асимметричная интеграция в Евросоюзе // Международные процессы. 2007. Т. 5, №3. С. 18—28.
2. Кондратьева Н. Большая Европа и региональное развитие// Расширение Европейского Союза и Россия. М., 2006.
3. Финляндия и Северное измерение. Издательство Министерства иностранных дел Финляндии, 2008.
4. Aalto Pami. European Union and the making of a wider northern Europe. New York: Routledge, 2006.
5. Browning Christopher, Pertti Joenniemi. The European Union's Two Dimensions: The Eastern and the Northern // Security dialogue. 2003. 34 (4):463—78.
6. Busygina I., Filippov M. End comment: EU-Russian relations and the limits of the Northern Dimension // The New Northern Dimension of the European Neighborhood / ed. by Michael Emerson and Pami Aalto, Centre for European Policy Studies (CEPS), Brussels, Belgium, 2008. P. 204—220.
7. Filtenborg, Mette Sicard, Stefan Ganzle, Elisabeth Johanson. An Alternative Theoretical Approach to EU Foreign Policy: Network Governance and the Case of the Northern Dimension Initiative. Cooperation & Conflict. 2002. 37 (4):387—407.
8. Haukkala Hiski. A hole in the wall?: dimensionalism and the EU's «new neighbourhood policy». Helsinki: Finnish Institute of International Affairs, 2003.
9. Lannon Erwan, Peter Van Elsuwege. The EU's Northern Dimension and the EMP-ENP: Institutional Frameworks and Decision-Making Processes Compared // The European Union and the Mediterranean the Mediterranean's European challenge. Vol. 5 / ed. P. G. Xuereb. Msida: EDRC, University of Malta. 2004.
10. Marks Gary, Francois Nielsen, Leonard Ray, Jane E. Salk. Competencies, Cracks, and Conflicts: Regional Mobilization in the European Union // Comparative political studies. 1996. 29 (2):164—92.
11. Moisio Sami. Back to Baltoscandia? European Union and Geo-Conceptual Remaking of the European North // Geopolitics. 2003. 8 (1):72—100.
12. Smith Hanna (ed.). The two-level game: Russia's relations with Great Britain, Finland and the European Union. Vol. 2. Helsinki: Aleksanteri Institute, 2006.
13. Trenin Dmitrii. Introduction: The Grand Redesign // Ambivalent neighbors: the EU, NATO and the price of membership / ed. A. Lieven and D. Trenin. Washington D. C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2003.
14. Vysotskaya Guedes Vieira, Alena. Dimensionalism in the EU External Relations and its implications for the ENP: the case of the Northern Dimension. The EU in International Affairs Conference 24—26 April 2008: Egmont Palace, Brussels, 2008.

УДК: 339.97 (474/476)

К. К. Худолей

Д. А. Ланко

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Рассматривается место Санкт-Петербурга в международном сотрудничестве в Балтийском регионе и роль Балтийского региона как одного из приоритетов системы внешних связей города. Отмечается неизменность внимания Санкт-Петербурга к международным связям в Балтийском регионе. Указано, что сейчас одним из важнейших направлений международного сотрудничества становится участие города в обновленной политике Северного измерения.

The article describes the place of St Petersburg in international cooperation in the Baltic Sea region and the role of the Baltic region as one of the priorities of the international relations of the city. The authors show continual attention of Saint-Petersburg to developing international relations in the Baltic Sea region. The article indicates one of the most important areas of international cooperation – the participation of the city in the renewed Northern Dimension policy.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, Балтийский регион, международные связи, Совет государств Балтийского моря (СГБМ), Союз балтийских городов, Северное измерение.

Key words: Saint-Petersburg, the Baltic Sea region, international relations, the Council of Baltic Sea States (CBSS), the Union of the Baltic Cities, the Northern Dimension.

В современном русском языке приставка «евро-» значит что-то хорошее. Например, слово «евроремонт» означает качественно сделанный ремонт. Это слово понятно жителям всей России — от Калининграда до Петропавловска-Камчатского. Одновременно в каждом российском регионе существуют свои слова, обозначающие не просто географические названия, топонимы, но и имеющие ярко выраженную позитивную коннотацию. Например, в Челябинске это прилагательное «уральский», а в Красноярске — «сибирский». Для Санкт-Петербурга таким словом является прилагательное «балтийский»; оно часто используется здесь в названиях фирм, специалисты по маркетингу пытаются с его помощью увеличить спрос на тот или иной товар, а простые петербуржцы с удовольствием покупают «балтийские» товары и пользуются услугами «балтийских» фирм. Интерес петербуржцев к «балтийским» товарам существовал и до появления в городе рыночной экономики, не ослабевает он и сегодня.

То особое место, которое международные связи в Балтийском регионе занимают в системе внешних связей Санкт-Петербурга, обусловлено не только и не столько географическим положением города. В самом деле, в период подготовки к празднованию своего трехсотлетия в 2003 г. Санкт-Петербург поставил целью развития своей системы внешних связей превращение его в город глобального значения. И на протяжении вот уже почти десятилетия Правительство Санкт-Петербурга, «приписанные» к городу коммерческие предприятия и неправи-

тельственные организации, учреждения, работающие в сфере образования, науки и культуры, а также отдельные горожане успешно ведут город к достижению этой цели. Благодаря этим усилиям, географическое положение партнеров играет все меньшую роль при распределении приоритетов во внешних связях Санкт-Петербурга. Город активно сотрудничает и с ближайшей европейской столицей — Хельсинки, и с Нью-Йорком, расположенным в западном полушарии.

Гораздо большую роль в том, что сотрудничество в Балтийском регионе имеет для Санкт-Петербурга приоритетное значение, играет неослабевающий интерес петербуржцев ко всему «балтийскому». Высокая роль Балтийского региона в системе внешних связей города опирается на устойчивое общественное мнение. Петербургские политики и общественные деятели стояли у истоков формирования самого Балтийского региона — ведь еще двадцать лет назад словосочетание «Балтийский регион» не использовалось ни в практике мировой политики, ни в науке о международных отношениях. Они оказали существенную поддержку процессу создания региональных международных организаций: Совета государств Балтийского моря и многочисленных институтов, действующих под его эгидой, например Союза балтийских городов. Сегодня у Санкт-Петербурга появились новые приоритеты, которым отвечают новые проекты, например Балтийские метрополии. Однако «балтийский» вектор городской политики остается неизменным.

Рождение Балтийского региона

Основной характеристикой современной мировой политики является множественность и разнообразие ее участников. Уже давно миновали те времена, когда участниками мировой политики признавались исключительно государства, а все остальные участники международных связей либо были «столами переговоров» для государств, как международные организации, либо «инструментами» в реализации государственных интересов. Сегодня и политики, и исследователи мировой политики признают самостоятельность международных организаций по ряду вопросов, признают их самостоятельными участниками мировой политики. Помимо международных правительственных организаций, участниками мировой политики выступают также транснациональные корпорации, неправительственные организации, учреждения науки, образования и культуры, регионы внутри государств, наконец, отдельные люди. Участниками мировой политики следует считать и крупные города [22].

Такое многообразие участников значительно затрудняет составление «целостной картины» современной мировой политики, заставляет политиков и ученых создавать все новые способы классификации ее участников. Одним из важных способов классификации представляется региональный: мировая политика делится на европейскую и азиатскую, североамериканскую и латиноамериканскую, африканскую и ближневосточную. В отношении всех участников мировой политики, за ис-

ключением государства, региональная классификация не является строгой, однако ее значение для мировой политики велико. Например, распространено мнение, что Ассоциация международных исследований является «американской» неправительственной организацией, хотя в ее работе могут принимать участие ученые из всех стран мира. Эта убежденность стала главной причиной попыток создания, начиная со Стамбульской конференции 2005 г. [26], Всемирной ассоциации международных исследований.

Способы классификации мировой политики по регионам различаются в разных странах. Например, американские политики и исследователи выделяют регион Центральная и Южная Азия¹ [14]; к этому региону американцы относят страны постсоветской Средней Азии, а также Афганистан, Пакистан, Индию, Бангладеш, Шри-Ланку, Бутан и Мальдивы. По мнению же российских политиков и ученых, эти страны относятся к двум разным регионам: частично к региону, объединяющему страны Содружества Независимых Государств, а частично — к региону Азии, вместе со странами Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Часто случается так, что во внешней политике одного государства две страны рассматриваются как часть одного региона, а во внешней политике другого государства — как части разных регионов. Отсюда происходят и внешнеполитические противоречия, когда одно государство утверждает, что в двух похожих случаях должны применяться одинаковые «правила игры», а другое — что эти два случая относятся к разным регионам, следовательно, правила также должны различаться.

Регионы могут менять свои границы. То или иное государство, раньше рассматривавшееся как принадлежащее к одному региону, со временем может «переехать» в другой регион. Некоторые государства временно «застревают» на границе двух регионов. Например, нельзя однозначно определить, принадлежит ли Турция к Европе или к Азии. Или же Турция является частью региона Евразии вместе с Россией и Закавказскими республиками. Проведенные исследования показывают, что даже одни и те же европейские политики постоянно «путаются» в этом вопросе, иногда заявляя, что Турция уже является «частью общего европейского дома», а иногда — что она только «движется в направлении Европы» [16, р. 82—98]. Аналогично за последние несколько десятилетий исследователи стали свидетелями «переезда» Афганистана с Ближнего Востока в Центральную Азию, а также того факта, что Австралия более не является частью отдельного региона под названием Австралия и Океания, а стала частью Юго-Восточной Азии.

---

¹ В соответствии с этой тенденцией, в начале 2006 г. Государственный департамент США принял решение о расширении полномочий Бюро по делам Южной Азии также на страны Средней Азии, благодаря чему оно получило название Бюро по делам Южной и Средней Азии. См. официальную биографию главы Бюро по делам Южной и Средней Азии Государственного департамента США Ричарда А. Бучера.

Регионы могут исчезать. Специалисты по международным отношениям в последние годы активно обсуждают перспективу исчезновения из мировой политики так называемого региона Запад [15]. В годы «холодной войны» слово «Запад» для большинства жителей «восточного блока» означало непримиримого врага, а для большинства из «западного блока» было символом демократии и процветания. После завершения «холодной войны» исчезновение «восточного блока» поставило под вопрос и существование Запада. В настоящее время обсуждаются два сценария исчезновения Запада как региона. Во-первых, противоречия между Европой и Америкой могут усугубиться, благодаря чему регион Запада распадется на два региона: Европа и Западное полушарие. Этот сценарий представляется маловероятным. Однако нарастающие противоречия между «глобальным севером» и «глобальным югом» могут привести к исчезновению Запада и без серьезного конфликта между Европой и Америкой — в этом случае на смену Западу придет регион Севера.

Наконец, в мировой политике могут возникать и новые регионы. Ярким примером здесь может служить Балтийский регион, или регион Балтийского моря. Двадцать лет назад Балтийский регион не упоминался в выступлениях политиков, в научной литературе понятие «регион Балтийского моря» существовало лишь в естественных науках: физической географии, биологии, экологии, климатологии. Политические, экономические, культурные и даже личные связи в границах того географического пространства, которое мы сегодня называем Балтийским регионом, существовали и в годы «холодной войны», однако они не рассматривались в качестве единого целого — этому мешал «железный занавес». Лишь после его падения Балтийский регион сформировался как понятие в социальных и гуманитарных науках [17], а вскоре нашел себе место и в выступлениях политиков. Санкт-Петербург — крупнейший город на Балтике — стал одним из первых городов, где руководители начали говорить о Балтийском регионе как одном из приоритетов системы внешних связей.

Роль Санкт-Петербурга в формировании системы международных организаций Совета государств Балтийского моря

С того самого момента, когда Балтийский регион стал неотъемлемым элементом мировой политики, Санкт-Петербург принимал активное участие в региональном сотрудничестве. И когда десять государств, расположенных на берегах Балтийского моря, включая и Российскую Федерацию, приняли решение о создании региональной международной организации — Совета государств Балтийского моря — российская сторона позаботилась о том, чтобы представитель Санкт-Петербурга всегда включался в состав российской делегации на переговорах в рамках СГБМ [10, с. 78]. Представитель мэрии Санкт-Петербур-

бурга участвовал и в самой первой конференции министров иностранных дел стран Балтийского моря в Копенгагене в марте 1992 г., когда было принято решение о создании этой региональной организации. В июне 2002 г., когда Россия председательствовала в СГБМ, Санкт-Петербург принимал четвертую встречу глав правительств государств Балтийского моря, участие в которой принял и Президент Российской Федерации.

Сегодня СГБМ редко упоминается в числе международных организаций, играющих важнейшую роль в мировой политике. Эта организация не была упомянута в Концепциях внешней политики Российской Федерации ни в 2000 г., ни в 2008 г. [6; 7]. Вместе с тем в начале 1990-х гг. значение этой организации было трудно переоценить. Ведь, несмотря на падение «железного занавеса», с обеих его сторон сохранялась напряженность в отношениях с другой стороной. Эти опасения включали в себя не только озабоченность России по вопросу расширения НАТО или обеспокоенность Запада по поводу таких инициатив, как заключение Ташкентского договора о коллективной безопасности, но и недоверие к межблочным организациям, считающимся «наследием холодной войны», например ОБСЕ. В отношении новых международных организаций, в том числе СГБМ, такой настороженности не существовало, благодаря чему они смогли сыграть позитивную роль в развитии отношений между Россией и НАТО, Россией и Евросоюзом [18, р. 30].

Благодаря тем инициативам, которые выдвинула или поддержала Российская Федерация в контексте балтийского «вектора» своей внешней политики, в Балтийском регионе с самого момента окончания «холодной войны» была создана атмосфера, благоприятствующая развитию регионального сотрудничества на всех уровнях мировой политики. В отличие от Балканского региона, который в 1990-х гг. стал эпицентром многочисленных этнических конфликтов в Европе, международные отношения в Балтийском регионе развивались исключительно мирным путем. В журналистику, а затем и в научный оборот было введено понятие «балтинизация» [11] в качестве антонима понятию «балканизация», введенному бывшим комиссаром Евросоюза по внешним связям К. Паттэном [20]. Исключительно мирным характером международных отношений в регионе всецело воспользовался Санкт-Петербург, включая и городскую администрацию, и расположенные в городе компании, неправительственные организации, учреждения науки, образования и культуры, и горожан.

Их усилия помогли создать в Балтийском регионе многочисленные организации, нацеленные на развитие международного сотрудничества. В работе Парламентской конференции Балтийского моря принимали участие не только депутаты национальных парламентов, но и региональных; активную работу в рамках ассамблеи вели депутаты Законодательного собрания Санкт-Петербурга. Мэрия, а позднее — администрация и правительство Санкт-Петербурга участвовали в работе конференции по субрегиональному сотрудничеству в Балтийском регионе, Санкт-Петербург стал одним из учредителей Союза Балтийских горо-

дов. Торгово-промышленная палата Санкт-Петербурга принимает деятельное участие в работе Ассоциации торговых палат Балтийского моря. Всего, по данным Министерства иностранных дел Российской Федерации, под эгидой СГБМ действует около шестидесяти международных организаций разных уровней [9], и Санкт-Петербург, а также его отдельные представители активно работают в этих организациях.

Именно благодаря существованию этих международных организаций представляется возможным говорить о существовании системы международных организаций Совета государств Балтийского моря, подобно тому, как говорят о системе международных организаций ООН. Всего же международных организаций разных уровней, действовавших в Балтийском регионе в середине 1990-х гг., насчитывалось в десять раз больше [21], и по крайней мере в работе половины из них принимали участие петербуржцы. Важное место среди этих организаций занимают экологические организации. Собственно, сотрудничество в области охраны окружающей среды Балтийского моря и легло в основу системы международных отношений в Балтийском регионе. Даже СГБМ первоначально формировался по геоэкологическому принципу: в организацию приглашались те страны, по территории которых пролегают русла рек, текущих в Балтийское море. Например, в работе Совета изначально участвовала Норвегия, не имеющая выхода к Балтийскому побережью. Тем же мотивировалась важность принятия Беларуси в СГБМ.

Экологическое сотрудничество в Балтийском регионе помогло Санкт-Петербургу — крупнейшему городу на Балтике и крупнейшему урбанистическому источнику загрязнения морской среды — существенно снизить количество загрязняющих веществ, выбрасываемых в море. В сентябре 2005 г. были открыты Юго-западные очистные сооружения, построенные благодаря капиталовложениям и технологиям, предоставленным городу партнерами по сотрудничеству в Балтийском регионе, в первую очередь странами Северной Европы. И если в начале 1990-х гг. именно российская часть побережья Балтийского моря считалась основным источником загрязнения окружающей среды, то сегодня эта «честь» принадлежит польской части побережья [24, р. 639—649]. Единственными объектами, расположенными в окрестностях Санкт-Петербурга и продолжающими вызывать настороженность регионального экологического сообщества, являются огромные птицефабрики, построенные вокруг города еще в советское время.

Новые приоритеты Санкт-Петербурга в Балтийском регионе

К сожалению, в новом веке система международного сотрудничества в Балтийском регионе начала уделять меньше внимания взаимодействию в области охраны окружающей среды. Во-первых, снизилось внимание к региональным экологическим проблемам. Например, важнейшей проблемой для окружающей среды Балтийского моря является химическое оружие, произведенное Германией накануне и в годы Вто-

рой мировой войны, которое на основе договоренностей между союзниками по антигитлеровской коалиции следовало уничтожить после победы. Изначально предполагалось затопить герметичные контейнеры с трофейным химическим оружием на дне Атлантического океана, но потом этот проект был признан слишком дорогим, и химическое оружие затопили на дне Балтийского моря. В годы «холодной войны» эта проблема практически не обсуждалась, поскольку захоронения химического оружия находились как раз на линии, где проходил «железный занавес».

После его падения эта проблема начала обсуждаться в научной литературе [19, р. 93—103], обсуждалась она и на второй сессии Парламентской конференции Балтийского моря. Санкт-Петербург, где обеспечение химической безопасности считается одним из основных направлений экологической политики города [8], сделал существенный вклад в эту дискуссию. Об этой проблеме писали петербургские ученые [1, с. 4—8], ее поднимали петербургские политики [3], в том числе те, кто в начале нового века перешел на работу в федеральные органы государственной власти Российской Федерации. В 1990-е гг. решение этой проблемы было затруднено в связи с тем, что все страны Балтийского региона испытывали материальные трудности: Германия в связи с объединением, Швеция и Финляндия — в связи с вступлением в Евросоюз, а Россия, страны Балтии и Польша — в связи с переходом к рыночной экономике. Однако и в новом веке, когда финансовые трудности были преодолены, этой проблемой всерьез не занимались.

Вновь о ней вспомнили лишь недавно, в связи с планами строительства Североевропейского газопровода. Лидеры стран Балтии, для которых строительство газопровода в обход их территории невыгодно, заявили об опасности его прокладки, связанной с тем, что во время работ может быть нарушена целостность контейнеров с химическим оружием [1]. Таким образом, позиция партнеров Санкт-Петербурга в Балтийском регионе по данной проблеме свелась к тому, что химическое оружие не следует «трогать», поскольку, таким образом, оно останется безопасным еще на какое-то время, а саму проблему придется решать будущим поколениям. Для Санкт-Петербурга, который в силу своих демографических проблем уделяет значительное внимание вопросам здравоохранения и сохранения безопасной окружающей среды, такая позиция неприемлема. Напротив, строительство Североевропейского газопровода — это возможность частично решить эту проблему за счет частных инвесторов.

Во-вторых, постепенно сменились и приоритеты работы СГБМ, а также международных организаций, работающих под его эгидой, в результате чего экологическим проблемам стало уделяться гораздо меньшее значение. Эта смена приоритетов стала особенно заметна в 1995 г., когда членом СГБМ стала Исландия, однако Беларуси было отказано во вступлении в организацию. Российская сторона не возражала против вступления Исландии в Совет, понимая, что раз Исландии

все равно придется выполнять нормативно-правовые акты, выработанные в рамках СГБМ, когда они станут частью нормативно-правовой базы сотрудничества в рамках Северного Совета, страна должна иметь право принимать участие в их разработке. Однако возражения других стран-участниц СГБМ относительно Беларуси, основанные на представлениях о нарушениях в ходе демократизации этой страны, не могут не вызывать сожаления, поскольку демократизация не связана напрямую с проблематикой охраны окружающей среды.

Демократизация связана напрямую с проблематикой расширения Европейского союза, так как лишь демократические европейские государства могут стать членами этого интеграционного объединения. СГБМ, для которого подготовка к расширению Евросоюза и превращению Балтийского моря во «внутреннее море» ЕС, постепенно вытеснила охрану окружающей среды из списка важнейших приоритетов работы, изменил и свою политику принятия новых членов, благодаря чему Беларусь так и не стала его участницей. Для Санкт-Петербурга — «северной столицы» Российской Федерации, которая не собирается вступать в Европейский союз даже и в долгосрочной перспективе — такая расстановка приоритетов в Совете оказалась не самой выгодной. Это не означает, что Санкт-Петербург полностью утратил интерес к проектам, реализуемым под эгидой СГБМ. Например, проект «Еврофакультет», сделавший значительный вклад в развитие системы высшего образования Калининградской области, представляет для Санкт-Петербурга определенный интерес.

Вместе с тем нельзя не отметить снижение интереса Санкт-Петербурга к работе международных организаций, созданных под эгидой СГБМ. Например, в последние годы значительно снизился интерес к работе Союза балтийских городов. Связано это с тем, что участниками Союза являются более сотни городов Балтийского региона, в большинстве из которых проживает от ста до двухсот тысяч жителей, а часто — и меньше. Представляется, что интересы малых городов не в полной мере соответствуют интересам городов крупных. Зачастую интересы городов глобального значения противоречат интересам примыкающего к нему региона; это справедливо и для малых городов, расположенных в этом регионе. Это не означает, что Санкт-Петербург планирует «сворачивать» программы сотрудничества с крупными городами Балтийского региона. Напротив, в этой сфере можно отметить новые инициативы. Так, в 2002 г. был запущен проект «Балтийские метрополии» [13], объединяющий столицы и крупные города, расположенные на Балтийском побережье.

Неизменность внимания Санкт-Петербурга к международным связям в Балтийском регионе

Определенное снижение интереса Санкт-Петербурга к работе некоторых международных организаций системы СГБМ и к некоторым проектам сотрудничества в Балтийском регионе ни в коем случае не

означает уменьшения интереса города к сотрудничеству на Балтике в целом. Ведь в Санкт-Петербурге «балтийские» товары, услуги и инициативы автоматически приобретают положительный имидж. Беглый просмотр телефонного справочника петербургских компаний показывает, что в городе работает больше «балтийских» компаний, чем «европейских», «российских» и даже «петербургских» [4, с. 9—13]². Именно поэтому Санкт-Петербург поддерживает усилия ряда неправительственных организаций по созданию положительного имиджа Балтийского региона в глобальном масштабе [12]. К сожалению, эти усилия пока не принесли ожидаемого результата из-за внутренних конфликтов в Балтийском регионе, в частности из-за того негативного имиджа, который имеет Санкт-Петербург в некоторых странах Балтийского региона.

Основой для создания нового региона в мировой политике часто являются представления людей, проживающих на определенной территории, разделенной государственными границами, об общности некоторых проблем, которые приобретают статус региональных. Для Балтийского региона важнейшими региональными проблемами являются экологические. Однако список региональных проблем не исчерпывается вопросами охраны окружающей среды. В регионе существуют экономические, энергетические и социальные проблемы, проблемы в области здравоохранения и образования, и даже — несмотря на исключительно мирный характер международных отношений в регионе и в годы «холодной войны», и после его завершения — проблемы военного характера [25]. В свое время осознание общности этих проблем привлекало значительное внимание региональной общественности к Калининградской области, где, как представлялось, были сосредоточены все эти проблемы.

Усилия калининградской элиты, среди которых особое место занимает работа преподавателей Российского государственного университета имени И. Канта [5, с. 128—133], позволили за последние десять лет существенно «исправить» имидж Калининградской области. Сегодня Калининград уже не рассматривается на Западе в качестве «сосредоточения всех бед» Балтийского региона, одновременно ведутся поиски другого населенного пункта, который смог бы занять это «почетное» место. Одно время в качестве кандидата на эту «роль» рассматривался Санкт-Петербург. Так, были сделаны отдельные попытки существенно преувеличить значение отдельных проблем Санкт-Петербурга, которые являются общими и для всего Балтийского региона. В частности, на рубеже веков была сделана попытка представить город в качестве «криминальной столицы» и России, и Балтийского региона [23, S. 121—123], пятью годами позже — центром межэтнических конфликтов, российской и балтийской столицы «скинхедов».

---

² Научное исследование на эту тему было проведено И. Н. Барыгиным и А. С. Мартыновым и опубликовано на правах рукописи.

Конечно, определенную выгоду можно извлечь и из отрицательного имиджа. Так, крупные российские корпорации приобретают небольшие пакеты акций социально значимых компаний в европейских странах, например компаний в сфере распределения энергии. Затем в прессе этих стран распространяются слухи о стремлении российской корпорации приобрести блокирующий пакет акций данной компании. Пресса и даже политические лидеры этих стран выступают с заявлениями, в которых высказываются о перспективах такой сделки крайне негативно. Представляется, что в основе таких заявлений лежит негативный политический имидж России. При этом цена акций компании растет, и российская корпорация, сэкономив на рекламе, продает свой пакет акций по более высокой цене, чем та, за которую он был приобретен. Однако Санкт-Петербург не стремится извлекать выгоду из негативного имиджа, напротив, он способствует формированию позитивного имиджа города, а вместе с ним — и позитивного имиджа всего Балтийского региона.

Тому существует несколько причин. Во-первых, в Санкт-Петербурге позитивный имидж Балтийского региона уже сформировался, а значит, его формирование и в более широком масштабе является возможным. Во-вторых, положительный имидж Балтийского региона выгоден Санкт-Петербургу с экономической точки зрения. Если потребители во всем мире станут покупать больше товаров, произведенных в Балтийском регионе, значит, они будут покупать и больше петербургских товаров. В-третьих, общественность в Санкт-Петербурге ощущает свою социальную ответственность не только за субъекты федерации российского Северо-Запада, но и за весь Балтийский регион. Выше уже говорилось о противоречии интересов городов глобального значения и окружающих регионов. Именно эти противоречия делают невозможным объединение Санкт-Петербурга и Ленинградской области даже и в долгосрочной перспективе, несмотря на то, что некоторые петербургские политики поднимают вопрос об объединении каждый раз накануне региональных выборов.

Однако тот факт, что в Санкт-Петербурге существуют сторонники объединения, доказывает, что горожане ощущают свою социальную ответственность. Представляется, что именно осознание этой ответственности позволит Балтийскому «вектору» сохраниться в качестве приоритета системы внешних связей Санкт-Петербурга. Благодаря сотрудничеству в Балтийском регионе Санкт-Петербург сумел многого достичь за последние два десятилетия. Были решены сложные экологические проблемы. В лучшую сторону изменился политический имидж города. Были привлечены иностранные инвестиции и создан рынок сбыта для петербургских товаров. Сотрудничество в гуманитарной сфере позволило обогатить разнообразие культурной жизни Санкт-Петербурга, а в области науки и высшего образования — выйти на качественно новый уровень. Сегодня Санкт-Петербург считает себя должным и имеет возможность «отдавать» больше, чем «брать» от международного сотрудничества на Балтике.

Заключение

Регионы в мировой политике появляются, меняют свои границы и исчезают. Двадцать лет назад вокруг Балтийского моря начал формироваться Балтийский регион. Сегодня представляется возможным заявить, что Балтийский регион состоялся, его существование уже не вызывает сомнений у политиков и ученых не только в самом Балтийском регионе, но и далеко за его пределами. За почти двадцать лет существования Балтийского региона удалось разрешить значительное число конфликтов, наладить сотрудничество по множеству вопросов. В этом есть большая заслуга и Санкт-Петербурга, на всех этапах участвовавшего в формировании и развитии международных институтов сотрудничества — как СГБМ и международных организаций, действующих под его эгидой, так и самостоятельных организаций. Но самое главное — Санкт-Петербург всегда участвовал в дискуссии о Балтийском регионе, в том числе, если этого требовали обстоятельства, — полемизировал и с международными институтами, созданными при его участии.

Три года назад в международном сотрудничестве в Балтийском регионе была открыта новая страница. Северное измерение, до этого бывшее политикой Европейского союза, направленной на превращение Балтийского моря во «внутренне море» ЕС, стало четырехсторонней политикой, совместно реализуемой Россией, Евросоюзом, Норвегией и Исландией. В свое время ученые немало потрудились над концепцией обновленного Северного измерения, размышляя о том, чем оно должно стать. За три года было сделано немало. Осуществлено огромное количество международных проектов. И сегодня ученые должны приложить усилия к тому, чтобы переосмыслить этот опыт, понять, чем же Северное измерение в итоге стало. Примечательно, что инициатива в этом вопросе принадлежит Санкт-Петербургскому государственному университету, выступившему с инициативой создания научно-исследовательского института Северного измерения. Сегодня эта инициатива получила поддержку партнеров из других стран Балтийского региона.

Между Санкт-Петербургом и другими городами Балтийского региона, как и между Санкт-Петербургским университетом и его партнерами на разных берегах Балтийского моря, всегда существовали разногласия о том, какую роль Балтийский регион должен играть в мировой политике и какая роль принадлежит ему в настоящее время. В данной статье авторам удалось лишь бегло коснуться некоторых из них. Такие разногласия существуют и сегодня. Их научное переосмысление станет одной из важнейших задач Института Северного измерения, создающегося сегодня по инициативе из Санкт-Петербурга. И само существование этих разногласий показывает, что дискуссия о Балтийском регионе будет продолжаться и впредь, и участвовать в ней будут и политики, и ученые, и общественные деятели, и средства массовой информации. А будет продолжаться дискуссия о Балтийском регионе — значит, к нему будет сохраняться интерес, а следовательно, будет существовать и сам Балтийский регион.

Список литературы

1. *Адамкус В.* Это дорогостоящая альтернатива наземному газопроводу // *Время новостей*. 2007. № 3. 12 янв.
2. *Алимов А. А.* «Мягкие риски» и социально-экологические проблемы Балтийского региона // *Риски мягкой безопасности: приоритетные проблемы Балтийского региона* / под ред. С. Л. Ткаченко. СПб., 2002.
3. *Депутатов* Санкт-Петербурга волнует проблема захоронения химического оружия в Балтийском море // *ИА «Регнум»*. 2002. 3 апр.
4. *Дискурс* в региональном контексте: Балтийское измерение: материалы исследовательского семинара / под ред. И. Н. Барыгина. СПб., 2005.
5. *Клемешев А. П.* Глобализация и регионализм как факторы преодоления конфликтности эксклавов // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. Языкознание. Литературоведение*. 2005. № 1.
6. *Концепция* внешней политики Российской Федерации, Утверждена Президентом Российской Федерации 28 июня 2000 г. // СПС «Гарант».
7. *Концепция* внешней политики Российской Федерации, Утверждена Президентом Российской Федерации 12 июля 2008 года // СПС «Гарант».
8. *Постановление* Правительства Санкт-Петербурга «Об экологической политике Санкт-Петербурга на 2008—2012 годы» от 25.12.2007, № 1662 // СПС «Гарант».
9. *Совет* государств Балтийского моря: информация департамента информации и печати Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: <http://www.mid.ru/ns-dos.nsf/45682f63b9f5b253432569e7004278c8/0591e37431a9b97dc3257022002a7a2c?OpenDocument> (дата обращения: 07.04.2009).
10. *Ягья В. С.* Балтийская идея и роль Санкт-Петербурга на рубеже XX — XXI веков // *Рассвет над Петербургом: Санкт-Петербург в мировом сообществе* / под ред. В. С. Ягья. СПб., 2005.
11. *Ягья В. С.* Назовем мир именем нашего моря // *Невское время*. 2002. 15 февр.
12. *Anholt S.* Government Advisor on Nation Branding and Public Diplomacy, UK. Presentation at the 8th Summit of the Baltic Development Forum. Helsinki, October 31, 2006.
13. Baltic Metropolis Network. URL: <http://www.baltmet.org/> (07.04.2009)
14. *Boucher Richard A.* URL: <http://www.state.gov/r/pa/ei/biog/61773.htm> (дата обращения: 07.04.2009)
15. *Browning C., Lehti M.* (eds.) *The Struggle for the West: A Divided/ Contested Legacy*. London: Routledge, 2009.
16. *Huelsse R.* Turkey's Europeanness, Europe's Identity and the EU: Explorations below the Surface of the Enlargement Discourse // *Borders, Identities and Nationalism: Understanding the Relationship* / ed. by K. K. Khudoley, D. Lanko. St. Petersburg, 2004.
17. *Joenniemi P.* *Cooperation in the Baltic Sea Region*. London: Taylor and Francis, 1993.
18. *Khudoley K. K.* Russia and NATO: What Expects Us in the Future // *Challenges to International Relations in Post — Cold War Europe* / ed. by K. Khudoley and S. Tkachenko. St. Petersburg, 2002.
19. *Krohn A.* The challenge of dumped chemical ammunition in the Baltic Sea // *Security dialogue*. 1994. Vol. 25, No. 1.
20. *Patten C., Rt. Hon.* Examination of Witness: Minutes of Evidence: Committee on Foreign Affairs: House of Commons: March 1, 2001.

21. *Perko S.* Verkostojen Itämeri. Vuorovaikutus ja sen merkitys alueellistumiskehitykselle. Tampere: Rauha- ja konfliktitutkimuskeskuksen julkaisuja, 1995.
22. *Sassen S.* Globalization and its Discontents: Essays on the New Mobility of People and Money. New York: New Press, 1998.
23. *Susiluoto I.* Pieni Pietarikirja. Helsinki: Ajatus, 2000.
24. *Тынккынен N.* Action Frames of Environmental Organizations of Post — Soviet St. Petersburg // Environmental Politics. 2006. Vol. 15. No. 4.
25. *Vesa U., Moeller F.* Security Community in the Baltic Sea Region: Recent Debate and Recent Trends. Tampere, 2003. No. 88.
26. *World International Studies Committee:* URL: <http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/wisc/index.htm> (дата обращения: 07.04.2009)

ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

УДК: 65.012.6 (470.26)

М. Ю. Плехин

ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

После вступления Польши и Литвы в Евро-союз кардинально изменились характер, формы и содержание их приграничных контактов с Калининградской областью. Наблюдается тенденция к усилению взаимодействия политики соседства. Отмечены уже имеющийся обширный и разноплановый опыт участия области в программе «Интеррег», сделан существенный вклад в социально-экономическое развитие региона. Открывающиеся новые финансовые перспективы требуют увязки стратегий регионального развития соседних территорий. Эффективное сопряжение российских ресурсов со средствами Евросоюза позволит отработать новую технологию регионального развития Северо-Запада России.

Since the accession of Poland and Lithuania to the EU, the nature, forms and content of their border cooperation with the Kaliningrad region have fundamentally changed. There is a tendency towards strengthening the neighborhood policy. The already gained extensive and varied experience of the participation of the Kaliningrad region in the INTERREG Programme contributed to the socio-economic development of the region. The new financial tools should be linked to the regional development strategies of the neighboring territories. Efficient use of both Russian and the EU funds will help develop a new technology for regional development of North-West Russia.

Ключевые слова: Калининградская область, приграничное сотрудничество, Европейский союз (ЕС), программа «Интеррег», программа «Литва, Польша, Россия: 2007—2013», программа «Регион Балтийского моря».

Key words: the Kaliningrad region, cross-border cooperation, the European Union (EU), the Interreg program “Lithuania, Poland, Russia: 2007-2013”, “The Baltic Sea region” programme.

Национальные государства постепенно утрачивают возможность самостоятельно справляться с экономическими, экологическими, социальными, военно-техническими и прочими проблемами. Как один из выходов из сложившейся ситуации — объединение усилий с другими, как правило, соседними странами. Именно этим объясняется тяга к региональным сообществам, поскольку вместе легче противостоять возрастающим вызовам.

«Регионализм — один из способов справиться с глобальной трансформацией, поскольку большинству стран недостает сил и средств для того, чтобы одолеть такие проблемы на национальном уровне», — пишет шведский политолог Бьерн Хеттне.

Вместе с тем процесс европейской интеграции, расширение Евросоюза на восток создали совершенно новую ситуацию в российской части. Фактически северо-западные территории Российской Федерации вошли в непосредственное соприкосновение с расширенным Европейским союзом. Вместо границы с отдельными странами Россия теперь имеет дело с единой пограничной и таможенной системой Брюсселя. При этом ЕС динамично и весьма эффективно обустроивает свои новые рубежи. Речь идет о комплексе мер, направленных против неконтролируемого въезда на его территорию, нелегальной миграции, трансграничной преступности. Логика предпринимаемых шагов вполне объяснима, но вместе с тем очевидно: сохранить созданный ранее потенциал приграничного сотрудничества будет весьма непросто.

Преобразование государственной границы с Польшей и Литвой в новые рубежи Евросоюза кардинально меняет характер, формы и даже отчасти содержание приграничных контактов. Другими словами, уже сегодня можно прогнозировать значительное уменьшение объемов взаимных поездок, свертывание некоторых сегментов приграничного туристического обмена, появление дополнительных трудностей в осуществлении совместных инвестиционных, торгово-производственных, культурных и гуманитарных проектов. Решение данной проблемы состоит в подписании соглашения о местном приграничном движении.

Одновременно Евросоюз несколько лет тому назад начал выстраивать в отношениях с новыми соседями так называемую европейскую политику соседства. Одна из ключевых задач этой политики — проецирование на сопредельные государства стабильности, безопасности и процветания путем использования специальных форм помощи.

Таким образом, приграничное сотрудничество в настоящее время развивается под воздействием двух разнонаправленных тенденций: к «уплотнению» внешних рубежей ЕС, с одной стороны, и к усилению взаимодействия с помощью политики соседства — с другой.

Приграничное сотрудничество Калининградской области имеет свою, не слишком продолжительную, но при этом достаточно богатую историю, которая началась с момента превращения ее в российский эксклав на Балтике. В регионе накоплен обширный и разноплановый опыт взаимодействия с нашими соседями. С помощью международных проектов имеется возможность совместными усилиями решать общие проблемы сопредельных территорий. В приграничное сотрудничество вовлечены практически все муниципальные образования, десятки неправительственных организаций, деловые круги, многие учреждения бюджетной сферы. К видимым и осязаемым итогам в рамках программы «Интеррег» можно отнести работу по реконструкции очистных сооружений в Гурьевске и Краснознаменске, создание комплекса по управлению твердыми отходами в Гусеве, улучшение музейного дела в

Советске, Озерске и Светлогорске, практические результаты некоторых экологических проектов. Проведены полноценные исследования потенциала развития ветро- и гидроэнергетики, налажены постоянные контакты в сфере культуры, здравоохранения, высшей школы, туризма. Особо следует отметить проекты, нацеленные на создание сегментов будущей инновационной системы Калининградской области. С 2004 г. с участием калининградских партнеров подготовлено и реализовано 46 проектов на общую сумму около 8 млн евро. Прделанная работа внесла существенный вклад в социально-экономическое развитие области.

Министерство по развитию территорий и взаимодействию с органами местного самоуправления Калининградской области является участником одного из проектов действующей программы «Интеррег» — «Партнерство между российскими и польскими органами местного самоуправления как основа приграничного сотрудничества». Цель проекта — изучение польского опыта муниципальной реформы и его возможное использование при переходе на двухуровневую организацию местного самоуправления в Калининградской области. Также министерство поддерживает ряд проектов, направленных на обследование инвестиционных возможностей муниципальных образований региона, подготовку специалистов, способных оформлять проектные заявки, развитие туристического потенциала городов с сохранившимися готическими замками. Один из таких проектов — «Окно: Восток — Запад», разработанный с целью стимулирования территориальной интеграции Северо-Запада России в регион Балтийского моря путем совместного пространственного планирования и участия в проектах по развитию таких приоритетных сфер деятельности, как бизнес, транспорт, ИКТ и пространственное планирование морских акваторий. Общая цель проекта заключается в создании условий для ускоренного развития региона Балтийского моря посредством более эффективного использования существующего потенциала территории. Реализация поставленной цели будет способствовать и решению региональных проблем успешного социально-экономического развития Калининградской области и других связанных с Балтикой регионов Северо-Запада России.

Программа «Интеррег» превратилась в институциональную платформу делового сотрудничества, обеспеченную финансовыми ресурсами, прозрачным механизмом их распределения, четкими процедурами и согласованными приоритетами. Фактически возникает новая модель приграничного сотрудничества, скроенная по европейским лекалам, но позволяющая в полной мере учитывать особенности каждой территории.

Программа «Интеррег», наряду с другими инициативами Евросоюза, способствует формированию у проживающих здесь народов чувства общей ответственности за состояние окружающей среды, устойчивое и сбалансированное развитие, активный межкультурный диалог, за все то, что часто называют общебалтийскими ценностями. Для Калининградской области это означает, прежде всего, встраивание региона в поток глобализационных изменений, характерных для всей Европы.

Эти процессы происходят посредством сетевых технологий, тесно сопряженных с сущностью программно-проектной деятельности. В результате возникают своеобразные «сетевые кластеры» с участием калининградских организаций, способные достаточно эффективно использовать финансовые средства ЕС и свои собственные на цели территориальной, инфраструктурной, технологической и культурной связанности региона Балтийского моря.

Как представляется, наступило время совместно приступить к решению крупных проблем, обусловленных процессами глобализации, потеплением климата, неблагоприятными демографическими изменениями. В этом отношении в регионе соседства необходимо эффективно использовать ресурсы и механизмы, которые сегодня предлагаются в рамках европейского инструмента соседства и партнерства, европейского территориального сотрудничества и либерализации визовой политики с помощью режима местного приграничного движения.

Мы будем продолжать проекты, направленные на поддержку профильных направлений деятельности министерства, а именно: изучение условий и факторов влияния процессов миграции на рынок труда в зоне российско-польско-литовского соседства, оздоровление экологической обстановки в бассейне реки Неман, повышение квалификации муниципальных служащих, комплексное развитие сельских территорий, создание инфраструктуры водного туризма в ряде муниципальных образований.

В свете новых финансовых перспектив возникает потребность увязки стратегий регионального развития соседних территорий. Особенно это важно в отношении совершенствования инфраструктуры погранпереходов и трансъевропейских транспортных коридоров, стыковки систем электрических сетей, охраны окружающей среды, управления миграционными потоками, совместных усилий в борьбе с организованной преступностью. На наш взгляд, такого рода стратегическим вопросам желательно посвятить часть проектов «первой волны» в новой программе «Литва, Польша, Россия: 2007—2013». Это позволит нам работать над достижением согласованных целей весь программный период с учетом специфики российско-польско-литовского пограничья. Не менее важно для Калининградской области и участие в программе «Регион Балтийского моря», поскольку здесь имеется возможность координации сотрудничества всех стран и регионов, расположенных на побережье Балтики.

Активное и заинтересованное участие партнеров по обе стороны границы в общих программах и проектах будет реально содействовать процессу минимизации диспропорций в социально-экономическом развитии сопредельных территорий. Эффективное сопряжение средств Евросоюза с российскими ресурсами позволит отработать новую технологию регионального развития на Северо-Западе России.

УДК: 65.012.6 (474/476)

Э. Спиряевас

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА
ВНЕДРЕНИЯ СРЕДСТВ ГРАНТОВ
НОРВЕГИИ, ИСЛАНДИИ
И ЛИХТЕНШТЕЙНА
НА ТЕРРИТОРИИ ЛИТВЫ ЧЕРЕЗ
ФИНАНСОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ
«ЕВРОПЕЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ПРОСТРАНСТВО» И «НОРВЕГИЯ»

Проведен географический анализ подачи заявок и выделения средств в 2004—2009 гг. грантов по программам «Европейское экономическое пространство» и «Норвегия» на территории Литвы. Указаны приоритетные сектора сотрудничества в рамках этих грантовых механизмов.

The article presents a geographic analysis of applying for grants and allocation of funds in the framework of the “European Economic Area” and “Norway” programmes in the territory of Lithuania in 2004-2009. Priority sectors of cooperation are identified.

Ключевые слова: программа «Европейское экономическое пространство», программа «Норвегия», Литва, гранты, приоритетные сектора сотрудничества.

Key words: the “European Economic Area” programme, the “Norway” programme, Lithuania, grants, priority sector of cooperation.

Хотя Норвегия, Исландия и Лихтенштейн не являются членами Европейского союза, эти страны также стараются внести свой вклад в процесс сокращения существующих социально-экономических различий в пределах европейской территории и в особенности в Восточной и Центральной Европе. В связи с расширением Евросоюза и Европейского экономического пространства в 2004 г. Исландия, Норвегия и Лихтенштейн учредили два грантовых механизма, направленные на решение этих задач [3]. Соглашение о Европейском экономическом пространстве (ЕЭП) формирует правовую основу функционирования единого внутреннего рынка для 27 стран-членов Евросоюза и трех государств-членов Европейской ассоциации свободной торговли и Европейского экономического пространства. Соглашение законодательно закрепляет «четыре свободы» передвижения товаров, услуг, людей и капитала для 30 государств-членов ЕЭП. Кроме того, Соглашение предусматривает сотрудничество и по другим важным направлениям, включающим научные исследования и разработки, образование, социальную политику, защиту окружающей среды, охрану прав потребителей, туризм и культуру [1]. Соглашение гарантирует равные права и обязанности в пределах внутреннего рынка для граждан и экономических субъектов стран-участников ЕЭП.

Соглашение устанавливает два вида финансовых механизмов: многосторонний финансовый механизм (Норвегия, Исландия и Лихтенштейн) и двусторонний финансовый механизм Норвегии. На период с

2004 по 2009 г. в рамках многостороннего финансового механизма предусмотрено выделение 600 млн евро, а в рамках двустороннего механизма — 567 млн евро, которые могут направляться только в страны, ставшие членами Евросоюза с 2004 г.

Таблица 1

**Размещение грантов, выделяемых в рамках программ
«Европейское экономическое пространство» и «Норвегия»,
в странах Европы**

Страна	Финансовый механизм программ			
	«Европейское экономическое пространство»		«Норвегия»	
	Млн евро	Доля, %	Млн евро	Доля, %
Чехия	48,54	8,09	62,37	11,0
Кипр	1,26	0,21	3,40	0,6
Эстония*	10,08	1,68	22,68	4,0
Греция	34,36	5,71	—	—
Латвия*	19,74	3,29	34,02	6,0
Литва*	27,00	4,5	40,25	7,1
Венгрия	60,78	10,13	74,28	13,1
Мальта	1,92	0,32	1,70	0,3
Польша*	280,8	46,8	277,83	49,0
Португалия	31,32	5,22	—	—
Словакия	32,34	5,39	37,99	6,7
Словения	6,12	1,02	12,47	2,2
Испания	45,84	7,64	—	—
<i>Всего</i>	600,00	100,00	567,00	100,00

* Страны региона Балтийского моря.

Источник: Министерство финансов Литвы, 2008 г. URL: [http:// www. bin- min.lt/web/binmin/home](http://www.binmin.lt/web/binmin/home)

Договорами, заключенными с государствами-бенефициарами, установлены следующие приоритетные направления для оказания финансовой поддержки: защита окружающей среды, устойчивое развитие, культурное наследие, человеческие ресурсы, здравоохранение и социальная защита детей, соответствие требованиям, предусматриваемым в связи с вхождением в зону Шенгенского соглашения, региональная политика и приграничные мероприятия, академические исследования, техническая поддержка для соответствия требованиям к вступлению в Евросоюз (*Acquis communautaire*). Ключевыми критериями, относящимися ко всем проектам, являются обеспечение условий для гендерного равенства, «хорошего управления» и устойчивого развития [4].

В 2005 г. между Литвой и странами Европейской ассоциации свободной торговли подписано соглашение о предоставлении грантов в рамках финансовых инструментов «Европейское экономическое пространство» и «Норвегия». Соглашение предусматривает следующие приоритетные секторы сотрудничества для Литвы.

1. Защита окружающей среды (сокращение количества источников загрязнения и развитие возобновляемых энергетических ресурсов).
2. Охрана европейского культурного наследия путем развития системы общественного транспорта и восстановления объектов городской среды.
3. Развитие человеческих ресурсов, в том числе в рамках системы образования и обучения.
4. Здравоохранение и социальная защита детей.
5. Внедрение инициатив, направленных на соответствие требованиям Шенгенского соглашения.
6. Академические исследования.

В Литве проведены два открытых раунда отбора индивидуальных проектных заявок: осенью 2006-го и летом 2008 г. В общей сложности были распределены средства в объеме 51,3 млн евро. Была подана 341 заявка (193 в первом раунде и 148 — во втором). Общий объем запрашиваемых заявителями средств в пять раз превысил объем выделяемых программой. После первого раунда отбора был сформирован «короткий список» из 50 проектов, переданных для оценивания в Министерство финансов Литвы и в Европейскую комиссию для проверки и дальнейшего утверждения странами-донорами. Проекты второго созыва были переданы в Министерство финансов для оценки и дальнейшего утверждения донорами в конце 2008 г. Около 70 % финансирования будет направлено на поддержку проектов в сфере культуры и здравоохранения.

В Латвии с целью финансирования проектов также были проведены две открытые процедуры подачи заявок для распределения грантов на сумму 30,5 млн евро. Общая сумма запрашиваемых средств в рамках заявленных 358 проектов (218 в первом раунде и 140 — во втором) превысила имеющиеся средства в шесть раз. В результате первого раунда для дальнейшего рассмотрения и оценки было отобрано 43 проекта. Национальные «короткие списки» проектов второго раунда отбора готовились в период с сентября по ноябрь 2008 г.

В Эстонии около 23,3 млн евро распределено в рамках процедуры отбора, проведенной в период с 1 июня до 31 августа 2006 г. Общая сумма запрашиваемых в рамках 309 поданных на рассмотрение заявок в 12 раз превысила имеющуюся сумму выделяемых субсидий. После оценки на национальном уровне 35 проектов были направлены в Министерство финансов Эстонии на оценку, а затем в Европейскую комиссию и странам-донорам для проверки и утверждения. К началу сентября 2008 г. в общей сложности 25,7 млн евро было выделено для финансирования 30 эстонских проектов, что составило 82 % от общей суммы, выделенной для Эстонии. Около 85 % средств будут направлены на поддержку проектов в сфере культуры, здравоохранения и экологии.

В Польше в соответствии с национальными приоритетами на конкурс было подано 400 заявок. Около 82 % средств будет направлено на культурные и экологические проекты, а также проекты, связанные с вступлением в зону Шенгенского соглашения.

Количество подготовленных и одобренных проектных заявок также свидетельствует о межрегиональном неравенстве в пределах Литвы, что подтверждается активностью заявителей (региональных властей, муниципалитетов, организаций общественной сферы, университетов, научно-исследовательских центров и т. д.) и выделением территорий или субрегионов, проявивших наибольшую активность в подготовке заявок и реализации проектов.

Во время первых созывов проектных предложений для выделения грантов в рамках финансовых инструментов «Европейское экономическое пространство» и «Норвегия» в Литве уровень активности был довольно высок, только небольшие по площади и малонаселенные муниципалитеты не подали проектных заявок (рис. 1).

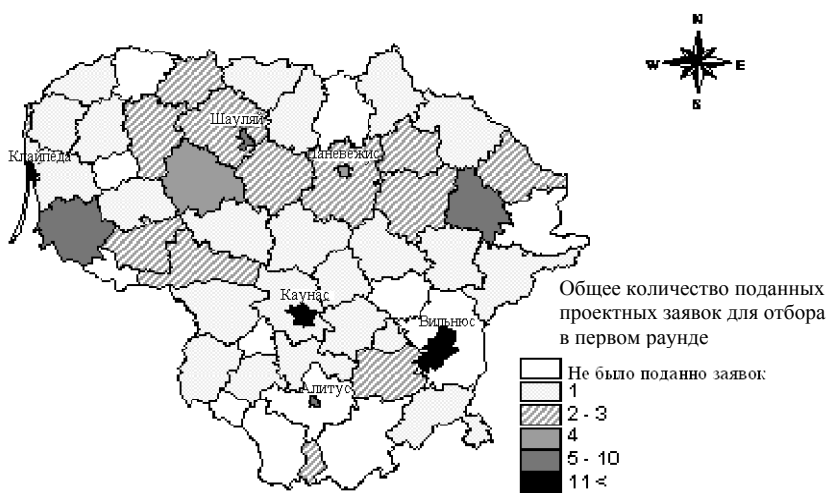

Рис. 1. Количество поданных заявок на выделение средств в рамках финансовых инструментов «Европейское экономическое пространство» и «Норвегия» в Литве в первом раунде отбора проектных предложений

Источник: личные материалы автора (2008).

Наибольшую активность в подаче заявок по второму приоритету программы, затрагивающему вопросы охраны европейского культурного наследия, включая развитие системы общественного транспорта и восстановления объектов городской среды, продемонстрировали организации Вильнюса, Каунаса, Западной Литвы, а также Шауляя и Паневежиса (рис. 2). Эти районы характеризуются наиболее высокой концентрацией объектов культурного туризма (деревянные усадьбы, церкви) по всей Литве. Принятые к финансированию проектные предложения предполагают инвестиции в реконструкцию объектов и их адаптацию для общественных нужд, например, размещение центров туризма, центров обучения традиционным направлениям искусства и ремесел, библиотек, музеев, малых концертных залов.

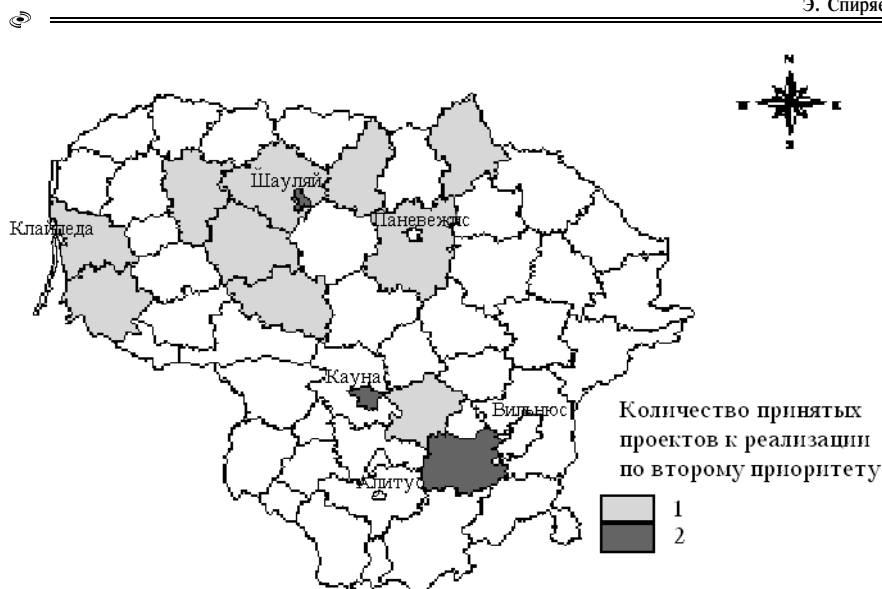

Рис. 2. Принятые к реализации проекты по второму приоритету программы «Охрана культурного наследия»

Источник: личные материалы автора (2008).

В рамках четвертого приоритета, направленного на развитие системы здравоохранения и социального обеспечения детей, были приняты к финансированию заявки, поступившие из муниципалитетов Плунге, Кельме, Радвилишкиса, Таураге, Вилкавишкиса, Укмерге, а также Электреная и Паневежиса (рис. 3). Средства грантов будут направлены на реконструкцию детских домов и больниц, улучшение условий пребывания в них, а также для работы персонала.

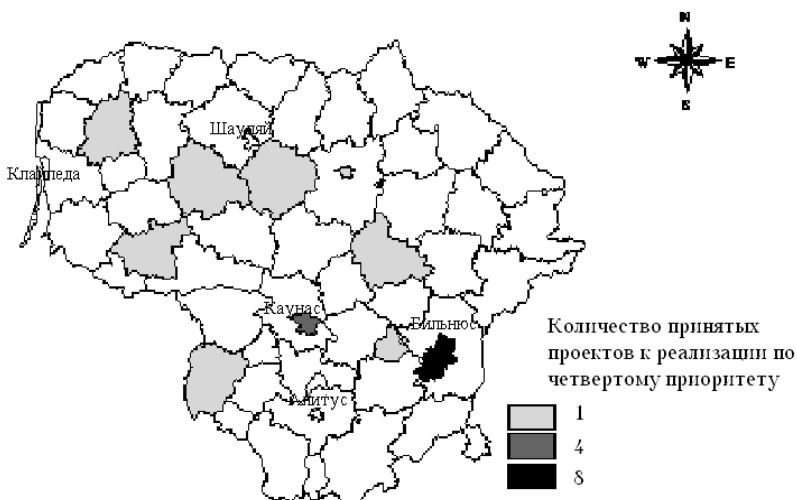

Рис. 3. Принятые к реализации проекты по четвертому приоритету программы «Здравоохранение и социальная защита детей»

Источник: личные материалы автора (2008).

Гранты, выделяемые через финансовые механизмы «Европейское экономическое пространство» и «Норвегия», сфокусированы на сокращение разрыва в социально-экономическом развитии между странами и регионами.

Наиболее привлекательными с точки зрения реализации проектов являются приоритеты, затрагивающие вопросы социального развития и охраны культурного наследия. Для стран, расположенных на внешней границе Евросоюза, также особое значение имеют вопросы охраны окружающей среды и инициативы по обеспечению требований вхождения в зону Шенгена. Дополнительную привлекательность программе придает возможность привлечения инвестиций в развитие общественного сектора на безвозмездной основе при довольно низком пороге софинансирования мероприятий со стороны заявителя (15 %).

Список литературы

1. *Central Agency of Project Management*, 2008. URL: www.cpva.lt
2. *EEA Financial Mechanism and Norwegian Financial Mechanism website*. URL: www.eeagrants.org
3. *Ministry of Finances of Lithuania*, 2008. URL: www.finmin.lt
4. *Seminar material on EEA and Norway Grants in Lithuania*. In Klaipėda, 17th July, 2006.

РОССИЯ И ПРИБАЛТИКА

УДК: 339.168.6 (474/476)

Н. М. Межевич

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКО- ПРИБАЛТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 2007—2008 ГОДАХ

Проанализировано влияние событий, связанных с переносом останков и памятника советским солдатам в центре Таллина, на потоки российских транзитных грузов через Прибалтику. Показано, что произошло перераспределение российских грузопотоков в пользу портов Латвии и Литвы. По мнению автора, следует поддерживать положительную динамику российско-латвийских и российско-литовских связей, исходя из того, что рано или поздно логика экономического сотрудничества может оказаться сильнее политической конъюнктуры.

The influence of the events related to the transfer of the remains and the monument to Soviet soldiers in central Tallinn on the Russian cargo transit flows through the Baltic Sea region is described. The author shows that there has been a redistribution of Russian cargoes and their shipment through the ports of Latvia and Lithuania lately. According to the author, the positive dynamics of Russian-Latvian and Russian-Lithuanian relations should be sustained, proceeding from the assumption that sooner or later, the logic of economic cooperation may prove stronger than political considerations.

Ключевые слова: Прибалтика, Эстония, Латвия, Литва, Россия, российско-прибалтийские отношения, российский транзит, порты Прибалтики.

Key words: Baltic States, Estonia, Latvia, Lithuania, Russia, Russian-Baltic relations, Russian cargo transit, ports of the Baltic States.

Существует старый анекдот про дипломата, военного и метеоролога, построенный на обыгрывании профессиональной специфики построения ответов (да — нет — может быть) на те или иные актуальные вопросы. Дипломат из анекдота, как и дипломаты из реальной жизни, действительно, предпочитают ответ «может быть». Именно поэтому провозглашение той или иной бескомпромиссной позиции, скорее, это профессиональный ответ военного.

В связи с этим следует обратить внимание на заявление заместителя председателя Правительства РФ Сергея Иванова, сделанное в июне 2008 г. на заседании Морской коллегии Российской Федерации. Иванов заявил, что к 2015 г. Россия прекратит экспорт любых грузов через порты Прибалтики, поскольку «у нас будет достаточно своих пропускных способностей». Вопрос, связанный с оценкой транзита как яв-

ния, также не предполагает однозначного ответа. Транзит — процесс перемещения товаров или услуг от производителя к потребителям через территорию третьих стран. Он предполагает сложную систему взаимозависимостей между производителями, потребителями и транзитными странами. В том случае, когда климат доверия между производителями и потребителями отсутствует, транзитные страны приобретают несвойственные им функции суперарбитра в дискуссиях более крупных и влиятельных государств.

Российский транзит через Прибалтику сам по себе не является положительным или отрицательным фактором в экономике и тем более в политике. Транзит — это прежде всего технический инструмент обеспечения внешней торговли. В свою очередь, внешняя торговля — не более чем механизм реализации ключевых интересов государства. Любая торговля предполагает минимизацию издержек, именно поэтому страны, имеющие возможность не прибегать к транзиту, стараются использовать этот ресурс по минимуму. В этом контексте возникает принципиальный вопрос: существует ли политическая и экономическая необходимость полного свертывания транзита и какие экономические (или не экономические) результаты могут быть получены в итоге этих действий?

В данной статье мы не рассматриваем конфликтную ситуацию, связанную с переносом останков и памятника советским солдатам в центре Таллина. Нас интересует лишь то, как отразились эти события на транзите через эстонские порты. Еще до этого случая влиятельнейшие представители российского транзитного бизнеса, имеющие собственные мощности в Эстонии, в ультрарадикальной форме информировали эстонские власти о том, что предполагаемый перенос захоронения и памятника не улучшит торгово-экономических связей России и Эстонии. Бизнесмены, конечно, люди циничные, но и у них есть отцы и деды и прадеды, которые воевали, а многие остались лежать между Волгой и Эльбой. Именно поэтому не надо демонизировать Кремль, якобы давший распоряжение о санкциях. В 2007 г. произошел тот редкий случай, когда общественная реакция опередила государственную и стала более жесткой, чем «кремлевская». Затем, после известных печальных событий, крупный транзитный бизнес, опять же избегая громких заявлений, начал тихо выводить активы. Но вернемся к транзиту (табл. 1).

Таблица 1

Грузооборот большого Таллинского порта в 2007 г. [2]

Грузы	Перегружено, тыс. т		2007/2006
	2006	2007	%
Генеральные	1039,4	749,9	72,1
Насыпные и навалочные	11334,0	7827,7	69,1
Наливные	24051,4	22369,1	93,0
Ро-ро	3338,8	3562,7	106,7
Неморские	174,5	152,9	87,6
<i>Всего</i>	41258,6	36027,6	87,3
Контейнеры, TEU	152399	180911	118,7

Снижение масштабов российского транзита очевидно, однако возможно возражение: а может быть, это просто конъюнктурные цифры, отражающие не самые ключевые тенденции? Для того чтобы разобраться с этим вопросом, рассмотрим данные по грузообороту латвийских портов (табл. 2—4) [2].

Таблица 2

Грузооборот порта Вентспилс (январь — декабрь, 2007 г.)

Грузы	Перегружено, тыс. т		2007/2006
	2006	2007	%
Наливные	17997,0	20017,1	111,2
Насыпные и навалочные	8596,5	8510,7	99,0
Генеральные	2468,7	2509,5	101,7
<i>Всего</i>	29062,2	31037,3	106,8
Контейнеры, TEU	14241	16846	118,0

Таблица 3

Грузооборот порта Лиепая (январь — декабрь, 2007 г.)

Грузы	Перегружено, тыс. т		2007/2006
	2006	2007	%
Наливные	965,7	818,7	84,8
Насыпные и навалочные	1652,3	1880,5	113,8
Генеральные	1382,7	1339,5	96,9
<i>Всего</i>	4000,7	4038,7	100,9
Контейнеры, TEU	7809	7665	98,2

Таблица 4

Грузооборот порта Рига (январь — декабрь, 2007 г.)

Грузы	Перегружено, тыс. т		2007/2006
	2006	2007	%
Наливные	4933,1	4823,0	97,8
Насыпные и навалочные	15348,5	15485,2	100,9
Генеральные	5075,4	5624,6	110,8
<i>Всего</i>	25357,0	25932,8	102,3
Контейнеры, TEU	176826	211840	119,8

Такую же ситуацию можно было наблюдать и в 2008 г. За первые пять месяцев 2009 г. порты Прибалтики перевалили в общей сложности 59 млн тонн грузов. Это всего лишь на 3,4 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года [1]. Таким образом, совокупные изменения

несущественные, но как изменилась география транзита! Откуда и куда продолжали уходить транзитные грузы в пределах восточной части Балтийского моря?

Объем перевалки в эстонских портах в январе — мае 2008 г. сократился сразу на 31,6 % — до 15,5 млн тонн. При этом Латвия за это время обработала 27,2 млн тонн грузов (+5,3 %), Литва — 16,4 млн тонн (+29,3 %) [2]. Действительно, как-то мало предпосылок для расширения транзита через Эстонию — государство, выбравшее антироссийскую пропаганду как механизм этнополитической консолидации до/после/во время выборов. В Риге появилась даже сугубо транзитная шутка — поставить в рижском порту памятник эстонскому премьер-министру А. Ансипу с надписью «Освободителю эстонского отечества от российского транзита — благодарные латвийские транспортники».

Итак, часть грузов просто сбежала из Эстонии в Латвию, оценив не качество логистики (достаточно высокое, но примерно равное от Таллина до Клайпеды), а иной политический климат. Ратифицированный Сеймом (Парламентом) Латвии пограничный договор с Россией, осторожные переговоры по подключению газопровода «Северный поток» к Инчукалинским и Баусским подземным газохранилищам как к резервным мощностям дают определенный запас прочности — прагматизма в наших отношениях. И вот результат: прибыль латвийского железнодорожного концерна в 2007 г. выросла в 10 раз по сравнению с предыдущим. Конечно же, следует учитывать и рост тарифов, и инфляционную составляющую, но тем не менее показатель интересный, значимый.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: а стоит ли зачеркивать те минимальные результаты российско-латвийского сближения, едва появившиеся после семнадцатилетней микрохолодной войны? Следует ли считать текущий характер политических российско-литовских отношений единственно возможным, или в большей степени надо ориентироваться на сугубо позитивную динамику российско-литовской (и литовско-российской) торговли? С нашей точки зрения, необходимо поддерживать положительную динамику российско-латвийских и российско-литовских связей, исходя из того, что рано или поздно логика экономического сотрудничества может оказаться сильнее политической конъюнктуры, к тому же привнесенной со стороны. К сожалению, российско-эстонские отношения, вероятно, уже не подлежат быстрой реанимации.

Список литературы

1. Дунда А. Иванов испугал Латвию // Бизнес & Балтия. 2008. № 127 (3498).
2. Журнал «Балтийский курс». URL: www.baltic-course.com/rus

РУССКИЕ ДИАСПОРЫ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

УДК: 339.924 (474/476)

В. В. Воронов

РУССКИЕ В ЛАТВИИ:
ОСОБЕННОСТИ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
АДАПТАЦИИ
И ИДЕНТИЧНОСТИ

Выделены тенденции и определены варианты социально-культурной идентичности и интеграции русских в жизнь Латвии. По мнению автора, с середины 1990-х гг. проявляются две тенденции: во-первых, «врастание» русского населения в жизнь независимой Латвии и, во-вторых, обретение им новой идентичности. Рассмотрены причины торможения интеграции русских в жизнь латвийского общества. Выделены варианты социально-культурной идентичности и интеграции (или ассимиляции) русских в жизнь республики.

The author identifies trends and variations of the socio-cultural identity and integration of Russians in Latvia. According to the author, since the middle 1990s, two trends have been recognized - first, the "ingrowing" of ethnic Russians into the life of independent Latvia, and second, forming their new identity. The article presents a number of factors hampering the integration of ethnic Russians into Latvian society. Variations and options of socio-cultural identity and integration (or assimilation) of the Russian population of Latvia are shown.

Ключевые слова: Латвия, русские, латыши, социокультурная адаптация, идентичность, интеграция в латвийское общество, ассимиляция.

Key words: Latvia, Russians, Latvians, socio-cultural adaptation, identity, integration into the life of Latvian society, assimilation.

Латвия исторически сложилась как этнически разнообразная страна. Постоянно в ней проживает более 100 разных национальностей (42 %), но большая часть из них — немногочисленные. По данным на 2007 г.[2], здесь из 2 млн 281 тыс. жителей насчитывалось: латышей — 1 346 686 (59,0 %); русских — 645 435 (28,3 %); белорусов — 85 274 (3,7 %); украинцев — 57 642 (2,5 %); поляков — 54 744 (2,4 %); литовцев — 30 975 (1,4 %); евреев — 8 545 (0,4 %). К особенностям этнического состава населения можно отнести: во-первых, рассеянное проживание разных национальных меньшинств среди латышей. Они не образуют крупных анклавов. Объективно это способствует адаптации и интеграции. Русские — самая крупная этническая группа в составе населения после латышей. Более того, русское сообщество в Латвии —

самое большое в мире по численности за границами России. Латыши и русские вместе составляют около 2 млн человек, то есть абсолютное большинство. От их взаимоотношений зависят экономические успехи, укрепление демократии и атмосфера в обществе. В составе русской группы меньшинство — потомки старожилов (историческое меньшинство), а большинство — переселившиеся после Второй мировой войны 1939—1945 гг. Русское присутствие в Латвии многовековое, но до конца XVII в. статистически незначительное. По мере прибытия гонимых в России после церковного раскола XVI в. староверов стали возникать островки русских крестьянских поселений. В XVIII в., когда Латвия оказалась в составе Российской империи, начала складываться своя, местная русская культурная среда. В первой Латвийской Республике (1918—1940) проживало 210 тыс. русских — в основном крестьяне Латгалии, а также узкий слой городского населения с развитой культурной жизнью. Образ жизни местных русских, глубоко укорененных в Латвии, был основан на их традициях, православии и древлеправославии.

Исторически местное русское население в период советской миграции 1950—1980 гг. уменьшило свой удельный вес, так как произошло резкое увеличение количества приезжих русских, белорусов, украинцев: с 12 до 42 % в составе населения Латвии за этот период. Сложился и социальный облик русского жителя крупных городов, тесно связанного с промышленным производством, но недостаточно интегрированного в местную культурную среду. Характер взаимоотношений латышского и русского населения в независимой Латвии, равно как и в Литве и Эстонии, был относительно мирным, без острых конфликтов.

С середины 1990-х гг., по мере упорядочения законодательства, стали нарастать интеграционные процессы, в которых проявились две тенденции: во-первых, «врастание» русского населения в жизнь независимой Латвии и, во-вторых, обретение им новой идентичности [1]. Прежде всего, происходит определенное дистанцирование от российской жизни. Взгляд на события в России — заинтересованный (там — духовная Родина), но уже несколько «со стороны». Возрастают отличия русских в Латвии от их соотечественников в России. Это осознает 70—80 % русских, признавая, что становятся практичнее, приближаются по культуре быта к типу европейского жителя. Длительно живущие в Латвии русские перенимают особенности местного образа жизни. Быстрее всего происходит приспособление к географической среде (влияет близость моря), среде обитания (локальный патриотизм выражен ярче, нежели государственный). Затем перенимаются элементы материальной, бытовой культуры (интерьер, одежда, кухня), внешние нормы поведения. Как признают сами русские, они становятся сдержаннее в выражении эмоций. Труднее и медленнее идет приобщение к местной духовной культуре, принятие ценностей латышской культуры почти не происходит. В начале 1990 гг. ощущалось неприятие русскими реальности статуса меньшинства, психологическое сопротивление: «мы не меньшинство». При этом другие этнические группы (украинцы, поляки, ев-

рей) быстрее и органичнее восприняли эту данность. Перелом от шокового состояния при адаптации к реальности произошедших изменений в результате распада Советского Союза и при адаптации жизни в Латвии произошел в середине 90-х гг., когда был принят закон о гражданстве. Сейчас у русских чаще наблюдается проявление чувства конформизма к Латвии.

Процесс вызревания новой идентичности русских и одновременного их интегрирования в латвийское общество тормозят объективные внутренние политические и экономические причины [1]. Законодательство еще нуждается в улучшении. Ратификация конвенции Совета ЕС о защите прав меньшинства Сеймом Латвии в 2005 г. обязала законодателей уточнить некоторые пункты Закона о государственном языке и об образовании. Процессу интеграции мешает противодействие некоторых политических партий. Серьезное препятствие — социально-экономическое расслоение общества. Интеграции общества мешают различные представления об истории XX в. Русских и латышей разделяют не столько этнические особенности или специфика культуры, сколько вопросы политической истории, связанные с введением советских войск в Латвию в июне 1940 г., с результатами Второй мировой войны, а также оценкой последствий советского периода в Латвии.

Последнее событие — военная агрессия Грузии против Южной Осетии в августе 2008 г. — по-разному было воспринято латышами и русскими. Большинство латышей поддержало Грузию, а большинство русских — Южную Осетию и Россию. Свою роль играют психологические комплексы русских, сложившиеся уже в постсоветское время, а также архетипичные особенности характера и образа жизни, унаследованные от прежних поколений. Принадлежность стран и народов к разным типам культур (коллективистским, индивидуалистским, «женским», «мужским») помогает объяснить некоторые особенности образа жизни, тип поведения людей. Россию и русских вне России относят к типу коллективистских и «женских» культур. Если существенные черты латышей, принадлежащих к индивидуалистскому типу культуры, — законопослушание и вместе с тем стремление добиваться личного, индивидуального успеха, то у русских иные. Русская идентичность «мы» тормозит навязываемую им ассимиляцию в Латвии. Ориентация на справедливость, а не на законы, порождает стремление оспаривать законы, а не строить свою жизнь в соответствии с этими законами, пусть и несправедливыми с нравственных позиций русского национального характера.

Принадлежность же к «женскому» типу культуры является общим для латышей и русских, и это их сближает. В Латвии и России доминируют «женские» моральные ценности (в отличие, например, от Японии), принято больше заботиться о ближних. Такие черты русского национального характера, как коммуникабельность, открытость, готовность к контактам, гибкость, способность приспособиться к бытовой среде страны пребывания, эффективно работают на адаптацию. Известно, что независимо от ментальных особенностей и традиционного

типа поведения, группы людей, оказавшиеся вне своей этнической Родины, всегда вынуждены быть динамичнее и конструктивнее, чем в своей стране. Русские в 1990-е гг. трудно преодолевали свой кризис идентичности. Результатом стало приспособление к реалиям рыночной экономики (установки в поведении на наживу, выгоду, конкуренцию), чуждым их ментальности. Русские признают несправедливыми законы о гражданстве и государственном языке, испытывают отчуждение от государственных структур. В результате негативные стереотипы закрепляются и сохраняется состояние тревоги в обществе. Возникла и усиливается опасность маргинализации русских в современной Латвии. Причин для этого немало, но общая — миллионы людей в Восточной Европе вряд ли полностью смогут приспособиться к рыночной экономике из-за принципиального несовпадения западных и восточно-славянских (русских) ценностей культуры.

В современной Латвии вырисовываются следующие варианты социально-культурной идентичности и интеграции (или ассимиляции) русских в жизнь республики, зависящие от длительности проживания, социального статуса, возраста, образования людей [1]. Во-первых, уходящая в прошлое, но вполне реально существующая социально-культурная идентичность, ориентированная на прежнюю историческую Родину. В Латвии это, как правило, люди старшего поколения с невысоким социальным статусом. Многие с помощью российского телевидения погружены в перипетии российской жизни, а иногда даже информацию о событиях в Латвии находят там же. Физически человек живет в Латвии, но духовно он с ней не связан. Ожидаемой интеграции в латвийское общество не происходит. Во-вторых, активная интеграция личности в общественную, политическую жизнь Латвии, связанная и с реализацией своих способностей в профессиональной сфере. Такая степень интеграции невозможна без хорошего знания государственного языка. При этом может отсутствовать интерес к латышской культуре — личность имеет право выбора, какой культуре отдавать предпочтение. Можно назвать этот уровень интеграции прагматическим, он оптимален для формирования гражданского общества. В-третьих, конформизм как сближение с местной культурной жизнью, с латышской культурой. Второй и третий типы идентичности характерны для определенной части русской и русскоговорящей гуманитарной интеллигенции и образованной молодежи. Эти люди четко осознают свою принадлежность к Латвии, хорошо владеют языками, готовы поддержать процесс «конформистской интеграции». К России, как показывают опросы, у них несколько отстраненное отношение, и информацию о Латвии они ищут в материалах республиканской печати и телевидения. Это та часть молодых, образованных, квалифицированных прагматичных русских и русскоговорящих, которые нашли свое место в современной Латвии как страны Евросоюза. В-четвертых, эпизодически проявляется и такой тип выбора личности, как ассимиляция. Ассимиляция в латышскую (а также в русскую среду) происходит с потомством из смешанных семей. Основным признаком новой социокультурной идентичности русских

Латвии является признание принадлежности к данной стране. При этом не происходит затухание национального самосознания, напротив, идет процесс этнического возрождения, развитие собственной языковой идентичности, однако, консолидация русских идет с трудом (0,5 % русских Латвии состоит в своих общественных организациях).

Социологические исследования последних лет показывают, что шесть крупнейших этнических меньшинств (русские, белорусы, украинцы, поляки, литовцы и евреи) укрепили свою идентичность и сформировали инфраструктуру этнической культуры: свои общества, печать, школы, художественную самодеятельность. Этническая ассимиляция им не угрожает, напротив, можно говорить об этнической мобилизации национальных меньшинств Латвии.

Латвия в 2004 г. вошла в Европейский союз и внедряет новые стандарты западной либеральной демократии. Европейский фактор работает на конформистскую интеграцию. Внутренний фактор, содействующий такой интеграции и помогающий вызреванию новой социально-культурной идентичности русских, — вся система негосударственных, общественных организаций, место в которой занимают и русские культурные общества Латвии. На современном этапе социокультурного развития перед русскими в Латвии стоит задача формирования ценностей, ориентиров и авторитетов, опираясь в первую очередь на традиционные духовные ценности русского народа. Деятельность в качестве предпринимателей и наемных работников разного социального статуса как приложение жизненных сил русских Латвии задает систему традиций, ценностных норм и правил, регулирующих индивидуальное и социальное поведение русских, служит основой для постановки и осуществления профессиональных, практических и личностных задач.

Список литературы:

1. *Apine I., Volkov V.* Latvijas krievu identitāte: vēsturisks un socioloģisks apcerējums. Rīga, 2007. P.121—152; 179—188.
2. *Statistical yearbook 2007 of Latvia.* Riga, 2008. P.137—138.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А. П. Клемешев

Г. М. Федоров

ИССЛЕДОВАНИЯ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА В РГУ им. И. КАНТА

Проблемы Балтийского региона (первоначально применительно к взаимодействию Калининградской области с соседями) стали изучаться в Российском государственном университете им. И. Канта (до 2005 г. — Калининградский госуниверситет) с середины 1990-х годов. Ряд исследований выполнен при поддержке российских научных фондов (РФФИ и РГНФ) и в рамках тематического плана научных исследований Минобразования Рос-

сии. Несколько исследований было заказано областной администрацией, поскольку в этот период формулировались основные положения стратегии развития региона и налаживались международные связи с соседними странами, опыт которых (в особенности государств с переходной экономикой — Польши и Прибалтийских стран) представлялся весьма полезным для использования в Калининградской области. В них речь шла о функционировании экономики эксклавного региона России в условиях зарубежного окружения, об обеспечении беспрепятственного транзита между Калининградской областью и другими российскими регионами, о налаживании трансграничного сотрудничества [9; 11; 32; 34; 36].

Выполненные исследования показали возможности использования опыта соседних стран с переходной экономикой в реализации экономических реформ, выявили специфику Калининградской области как эксклавного региона России и необходимость сохранения и совершенствования механизма Особой экономической зоны, который невозможно заменить усилением финансовой поддержки региона со стороны Федерации.

Для определения региональной стратегии большое значение также имел проект PROMETEE II («Глобальный план развития Калининградской области»), выполненный в 1997—1998 годах в рамках программы Tacis. Этот проект осуществлялся совместно с университетом Пьера Мендеса Франса (Гренобль, Франция) и Институтом экономических проблем переходного периода (Москва) с привлечением экспертов из

других научных центров Москвы и Санкт-Петербурга, а также из Франции, Великобритании, Германии и Финляндии [3; 12; 16]. В ходе реализации проекта были выявлены общие и специфические факторы, определившие протекание экономического кризиса в эксклавному российском регионе (по образному выражению французского профессора И. Самсона, «хрупкость» экономики региона), показаны возможности становления его нового места в территориальном разделении труда и перспективы трансграничного сотрудничества.

В 1990-е гг., не без помощи выполненных исследований, постепенно оформилась стратегия развития Калининградской области как «региона сотрудничества» между Россией и зарубежными странами, прежде всего сотрудничества с соседями области по Балтике [15; 33; 38].

В самом начале XXI века много внимания уделялось проблемам эксклавному Калининградской области, ее развитию в условиях расширения ЕС и НАТО на восток, развитию сотрудничества с соседними странами при одновременном сохранении области в едином экономическом пространстве России [10; 17—25; 39].

В соответствии с соглашением между Европейской комиссией и Российским государственным университетом им. И. Канта в 2002 г. был создан Центр европейской документации (ЦЕД), который стал координирующей структурой для ряда научно-исследовательских подразделений университета. Со 2 октября 2008 г. Центр европейской документации был переименован в Информационный центр Европейского союза на основании соглашения, подписанного между РГУ им. И. Канта и Представительством Европейской комиссии в России от 5 февраля 2007 г. Цель деятельности Центра — распространение информации об актуальных событиях в сфере взаимодействия Европейского союза и Российской Федерации (включая проблематику Калининградской области). Информационный центр подготовил серию тематических выпусков специального бюллетеня «Европейский союз — Россия — Калининград» [4], в которых освещаются общие проблемы России и Европейского союза. Так, последний (пятый) выпуск информационно-аналитического сборника [4] знакомит читателя с транспортной политикой Евросоюза и вопросами взаимоотношений ЕС и России в этой области. Авторы статей подробно анализируют транспортные проблемы новых пограничных с Россией стран ЕС — Польши, Литвы, Латвии, Эстонии. В контексте развития европейского транспорта рассмотрены транспортные проблемы Калининградской области.

Кроме того, в ходе выполнения международного проекта «RESAREA: Создание биполярного пространства научных исследований Калининград — Клайпеда» создан Центр трансграничных исследований, который является филиалом созданного Института трансграничных исследований. Его основная цель — организация совместной исследовательской деятельности молодых ученых, занимающихся вопросами развития трансграничного региона.

Программа «Балтийский университет» — региональная университетская сеть, объединяющая более 180 университетов в 14 странах бас-

сейна Балтийского моря. В рамках программы разрабатываются и внедряются курсы для бакалавров, специалистов, магистров и аспирантов. Сертификат о прослушанных курсах с ECTS выдается Центром Программы при университете г. Упсала (Швеция) и региональным вузом. Программа затрагивает общепризнанные проблемы окружающей среды и устойчивого развития Балтийского региона. Деятельность программы координируется секретариатом в университете г. Упсала (Швеция). На базе РГУ им. И. Канта действует один из региональных центров программы (открыт в 1997 г.), цель которого — координация деятельности в Калининградской области. В рамках программы активно сотрудничают КГТУ, БГА, Академия агробизнеса, филиал Санкт-Петербургского аграрного университета (г. Полесск). Проводятся консультации и семинары для сотрудников муниципальных и региональных органов власти. Кроме того, программа «Балтийский университет» ведет совместную научно-исследовательскую деятельность, выступает инициатором и партнером в международных проектах. В 2003—2005 гг. реализован проект «Форум Балтийских городов — устойчивое развитие городских территорий», направленный на установление сети городов и университетов с целью поддержать, проанализировать, установить мониторинг и внедрить стратегии устойчивости в балтийских городах и содействовать образованию и науке в вопросах устойчивого развития в балтийских университетах. Региональным центром программы была подготовлена публикация [27]. В настоящее время при поддержке регионального центра реализуется проект по разработке учебного курса «Здоровые агросистемы». Проходят семинары при участии представителей региональных вузов и органов власти, занимающихся вопросами развития сельских территорий, организована работа региональных авторов будущего курса.

Важную роль в изучении учеными университета Балтийского региона играют работы, проводящиеся в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках». Программа реализуется совместно Министерством образования и науки РФ, ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование) и Институтом им. Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров. Для реализации программы в 2001 г. в университете был основан Балтийский межрегиональный институт общественных наук (БалтМИОН), ставший одним из девяти таких сетевых институтов, созданных в российских университетах. Помимо Калининграда, межрегиональные институты общественных наук организованы в Великом Новгороде, Владивостоке, Воронеже, Иркутске, Екатеринбурге, Ростове-на-Дону, Саратове, Томске. Для их поддержки в Москве и Санкт-Петербурге созданы ресурсные центры, в работе которых наиболее активно участвует МГИМО (У). В деятельности БалтМИОНа принимают участие ученые разных специальностей — политологи, географы, экономисты, историки, социологи, культурологи, филологи и философы. Междисциплинарный подход позволяет всесторонне охватить изучаемые проблемы, в

частности проблемы взаимодействия России и ЕС, в том числе в регионе Балтийского моря.

БалтМИОН стал участником нескольких сетевых проектов по проблемам сотрудничества и организатором ряда международных конференций и семинаров по данной проблематике. Издаётся серия брошюр «Регион сотрудничества», где публикуются работы не только российских, но и зарубежных авторов (к концу 2008 г. в свет вышло более 50 выпусков). В 2003 г. при участии калининградских и московских экспертов был подготовлен и опубликован на русском и английском языках аналитический доклад «Калининградская область России и расширение ЕС. Проблемы общеевропейской интеграции». В докладе обобщен опыт выполненных ранее исследований и даны предложения о дальнейшем развитии международного сотрудничества [13].

Для ознакомления зарубежных ученых и специалистов с работами ученых университета и сотрудничающих с ними коллег из других российских и иностранных научных центров стали более активно, чем раньше, выпускаться издания на английском языке [41; 43—45; 47].

К середине первого десятилетия XXI века накопленный опыт исследований и практическая потребность в них (усиленная вхождением ближайших соседей Калининградской области, Польши и Прибалтийских стран в НАТО и ЕС) определили расширение географии выполнявшихся работ. Все больше внимания стало уделяться Балтийскому региону в целом как пространству, где происходит наиболее активное взаимодействие России и Европейского союза [2; 14; 26; 29—31; 35; 37]. В этом направлении изменилась тематика выполняемых учеными РГУ им. И. Канта грантов РФФИ и РГНФ, тематического плана Рособразования и проектов БалтМИОНа. Университет более активно стал участвовать в качестве партнера (в том числе ведущего) в международных проектах программ Integreg «Регион Балтийского моря» и «Соседство: Литва, Польша, Калининградская область РФ». Партнерами ученых университета в выполнении таких проектов являются ученые и специалисты из всех стран Балтийского региона; особенно тесные контакты налажены с университетами и научными центрами Гданьска, Клайпеды, Риги, Берлина, Росток, Стокгольма, Копенгагена, Турку. В 2007—2008 гг. выполнено восемь проектов, по результатам некоторых из них уже опубликованы монографии [1; 28; 40].

В 2008 г. в рамках Программы Соседство «Литва, Польша и Калининградская область Российской Федерации» и Программы Соседства региона Балтийского моря РГУ им. И. Канта выполнялось семь проектов общей стоимостью 427 тыс. евро. В 2009 г. планируется завершение реализации проектов «Территория заливов: культурные и исторические перекрестки народов Юго-Восточной Балтики» («ПЕРЕКРЕСТКИ») (2007—2009) — 85 тыс. евро и партнерские отношения органов местного самоуправления Республики Польша и Калининградской области как основа развития приграничного сотрудничества (2007—2009) — 110 тыс. евро. В рамках очередного проектного периода 2007—2013 гг. Программа Соседство «Польша — Литва — Калининградская область

Российской Федерации» будет реализовываться в рамках трех приоритетных направлений:

- вклад в решение общих проблем (устойчивое природопользование и повышение доступности внутри территории программы);

- экономическое и социальное развитие (развитие туризма, предпринимательства и рынка труда, совместное планирование и пространственное развитие);

- связи между людьми и организациями (улучшение навыков в сфере образования, поддержка местных инициатив и контактов между людьми, развитие системы управления, соответствующей принципам устойчивого развития и демократии).

На международных конференциях, проводимых университетом, стали обсуждаться актуальные проблемы экономического и культурного сотрудничества на Балтике. В 2006 г. состоялся Балтийский образовательный форум с участием ректоров ряда ведущих вузов России и стран Балтийского региона; форум проводится ежегодно. В 2008 г. во время форума состоялась конференция «Регион Балтийского моря в современной мировой политике». На ней, в частности, было отмечено, что Балтийский регион в первую очередь должен рассматриваться не как субъект международных отношений, а как площадка для их разностороннего развития как в политическом и экономическом, так и в социальном и культурном аспектах.

Ученые университета приняли участие в подготовке нескольких коллективных монографий, изданных другими научными центрами; ряд статей опубликованы в ведущих научных журналах, выпускаемых за пределами Калининграда [5—8]. Многие материалы напечатаны за рубежом [42; 46].

Вестник Российского государственного университета им. И. Канта освещает актуальные вопросы современных гуманитарных, естественных и технических наук. На страницах журнала публикуются результаты исследований российских и зарубежных ученых. Основное место занимают статьи, посвященные проблемам Балтийского региона и Калининградской области. В первую очередь отдается приоритет исследованиям, выполненным на междисциплинарной основе с применением современных методов и направленных на решение фундаментальных и прикладных проблем Балтийского региона.

Совместно с Санкт-Петербургским государственным университетом, который является ведущим центром в изучении вопросов устойчивого развития Балтийского региона, учрежден специальный журнал «Балтийский регион». В нем будут публиковаться результаты российских и зарубежных исследований в области региональной географии, экономики, социологии, политологии, истории, экологии и других наук. Журнал призван стать площадкой для экспертного обсуждения проблем Балтийского региона, охватить геополитические, социально-экономические и культурные процессы в регионе стран Балтийского моря, а также способствовать распространению русской культуры и русского языка, повышению уровня сотрудничества и взаимопонимания в регионе.

Список литературы

1. *Актуальные проблемы развития полусредних городов Калининградской области* / под ред. Г. М. Федорова. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008.
2. *Балтийский регион как полюс экономической интеграции Северо-Запада Российской Федерации и Европейского союза*. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006.
3. *Бильчак В. С., Самсон И., Федоров Г. М.* Калининградский полюс интеграции. Калининград: Янтарный сказ, 1999.
4. *Европейский союз — Россия — Калининград* (вопросы европейской интеграции в публикации институтов ЕС и оценка российских и зарубежных экспертов). Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006.
5. *Зверев Ю. М.* Глобализация и Балтийский регион // Космополис. 2008. № 2(21).
6. *Зверев Ю. М., Клемешев А. П., Федоров Г. М.* Подходы к оценке ситуации в регионе и региональной стратегии // Космополис. 2005. № 3(13).
7. *Зверев Ю., Клемешев А., Федоров Г.* Стратегия развития Калининградской области в условиях расширения ЕС // Расширение Европейского союза и Россия / под ред. О. В. Буториной, Ю. А. Борко. М.: Издательский Дом «Деловая литература», 2006.
8. *Гареев Т. Р., Жданов В. П., Федоров Г. М.* Новая экономика Калининградской области // Вопросы экономики. 2005. № 2.
9. *Ивченко В. В.* Научно-технический потенциал особой экономической зоны России. Калининград: Изд-во КГУ, 1998.
10. *Ивченко В. В.* Программно-стратегическое развитие приморского региона России: теория, методология, практика. Калининград: Изд-во КГУ, 2003.
11. *Ивченко В. В., Самойлова Л. Б.* Свободные экономические зоны в зарубежных странах и России. Калининград: Янтарный сказ, 1999.
12. *Калининградская область: диагностика кризиса* / под ред. И. Самсона; Калинингр. ун-т. Калининград, 1998.
13. *Калининградская область России и расширение ЕС. Проблемы общеевропейской интеграции: аналитический доклад* / под ред. А. П. Клемешева, С. В. Кортунова. Калининград: Изд-во КГУ, 2003.
14. *Калининградская область и ЕС: проблемы экономической интеграции*. Калининград: Изд-во КГУ, 2004.
15. *Калининградская область: стратегия сотрудничества* / администрация Калинингр. обл. М.: ОЛМА-Пресс, 2004.
16. *Калининградский регион 2010: Потенциал, концепции и перспективы* / под ред. И. Самсона; Ун-т Пьера Мендеса Франса. Гренобль, 2000.
17. *Калининградская область в окружении ЕС: роль региона в общеевропейской интеграции*. Калининград: Изд-во КГУ, 2003.
18. *Калининградский социум в европейском контексте* / под ред. А. П. Клемешева. Калининград: Изд-во КГУ, 2002.
19. *Клемешев А. П.* Глобализация, регионализация и проблемы эксклавов. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005.
20. *Клемешев А. П., Федоров Г. М.* От изолированного эксклава — к «коридору развития». Альтернативы российского эксклава на Балтике. Калининград: Изд-во КГУ, 2004.
21. *Клемешев А. П., Козлов С. Д., Федоров Г. М.* Особая территория России: монография. Калининград: Изд-во КГУ, 2003.

22. *Клемешев А. П., Козлов С. Д., Федоров Г. М.* Остров сотрудничества. Калининград: Изд-во КГУ, 2002.
23. *Клемешев А. П.* Проблема эксклавноности в контексте глобализации. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
24. *Клемешев А. П.* Российский эксклав в условиях глобализации. Калининград: Изд-во КГУ, 2002.
25. *Клемешев А. П.* Российский эксклав: преодоление конфликтогенности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
26. *Концепции* развития Калининградской области в условиях российско-европейского взаимодействия на Балтике // Регион сотрудничества / под ред. А. П. Клемешева. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. № 8(33).
27. *Кропинова Е. Г., Цупкиова Н. А., Чекалина Т. Н.* (ред.) Современные подходы к устойчивому городскому развитию. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005.
28. *Миграция* и социально-экономическое развитие стран региона Балтийского моря / под ред. Л. Л. Емельяновой, Г. М. Федорова. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008.
29. *Перспективы* развития межрегионального сотрудничества: Калининградская область в еврорегионе «Балтика». Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005.
30. *Российская Балтика: приграничное сотрудничество* / Калинингр. ун-т. Калининград, 2004.
31. *Стратегии* развития Калининградской области / под ред. А. П. Клемешева, В. А. Мау. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007.
32. *Стратегия* социально-экономического развития Калининградской области как региона сотрудничества на период до 2010 года. Калининград / администрация Калинингр. обл., 2003.
33. *Федоров Г. М., Корнеевец В. С.* Балтийский регион. Калининград: Янтарный сказ, 1999.
34. *Федоров Г. М., Зверев Ю. М.* Калининградские альтернативы / Калинингр. ун-т. Калининград, 1996.
35. *Федоров Г. М., Зверев Ю. М., Корнеевец В. С.* Россия на Балтике: 1990—2007 гг. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008.
36. *Федоров Г. М., Зверев Ю. М., Корнеевец В. С.* Российский эксклав на Балтике: Калининградская область в балтийском экономическом пространстве / Калинингр. ун-т. Калининград, 1997.
37. *Федоров Г. М., Корнеевец В. С.* Экономическое развитие стран Балтийского региона в 1990—2007 годах. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008.
38. *Хлопецкий А. П., Федоров Г. М.* Калининградская область: регион сотрудничества: монография. Калининград: Янтарный сказ, 2000.
39. *Экономическое программирование* развития эксклавного региона России / под ред. В. В. Ивченко. Калининград: Изд-во КГУ, 2002.
40. *Actual issues for Development of Semi-medium sized Cities in Kaliningrad Region* / ed. by G. M. Fedorov. Kaliningrad, 2008.
41. *European Union and Russia: past, present and future* / ed. by A. P. Klemeshev. Kaliningrad, I. Kant state University of Russia Press, 2006.
42. *Fedorow G. M.* (ed.). Uwarunkowania rozwoju rosyjskiej i polskiej czesci euroregionu «Baltik». Regiony nadmorskie, N13. Gdynia — Peplin: Uniwersitet Gdanski, 2007.

43. *Kaliningrad* Region of Russia and the EU Enlargement. Issues of the Pan European Integration. Analitic Report / ed. by A. P. Klemeshev, S. V. Kortunov. Kaliningrad: Kaliningrad state University, 2003.

44. *Klemeshev A.* Exclavity under globalization. Kaliningrad: I. Kant University Press, 2007.

45. *Klemeshev A., Fedorov G.* From an isolated exclave — to a «development corridor». Alternative development strategies of the Russian exclave on the Baltic Sea. Kaliningrad: Kaliningrad state University, 2005.

46. *Klemeshev A., Fedorow G.* Kaliningrad — a pilot region for EU — Russia cooperation? // Russia and the European Union. London — New York: IISS. 2005.

47. *Klemeshev A., Kozlov S., Fedorov G.* The special Region of Russia. Kaliningrad: Kaliningrad state University, 2004.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бусыгина Ирина Марковна, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, директор Центра региональных политических исследований НКСМИ МГИМО.

E-mail: moriel@mail.ru, ira.busygina@gmail.com

Воронов Виктор Васильевич, доктор философии, доктор социологии, ведущий научный сотрудник Даугавпилсского университета (г. Даугавпилс, Латвия).

E-mail: viktor.voronov@du.lv

Каледин Николай Владимирович, кандидат географических наук, доцент, проректор по учебной работе, декан факультета географии и геоэкологии, заведующий кафедрой региональной диагностики и политической географии СПбГУ.

E-mail: kaledin@politreg.spb.ru

Клемешев Андрей Павлович, доктор политических наук, профессор, ректор, заведующий кафедрой политологии и социологии РГУ им. И. Канта.

E-mail: aklemeshev@kantiana.ru

Ланко Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры европейских исследований СПбГУ.

E-mail: dimpra@hotmail.com

Межевич Николай Маратович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры европейских исследований, директор Центра трансграничных исследований СПбГУ, ведущий научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН.

E-mail: litovka@peterlink.ru

Пальмовский Тадеуш, доктор географии, профессор, директор Института географии, заведующий кафедрой географии регионального развития Гданьского университета (г. Гданьск, Республика Польша).

E-mail: geotpl@univ.gda.pl

Плюхин Михаил Юрьевич, кандидат экономических наук, министр по развитию территорий и взаимодействию с органами местного самоуправления Калининградской области.

E-mail: minrazvitia@gov.kaliningrad.ru

Спирявас Эдуардас, доктор географии, директор Центра трансграничных исследований при Институте региональной политики и планирования (г. Клайпеда, Литва).

E-mail: eduardas@projektai.net

Федоров Геннадий Михайлович, доктор географических наук, профессор, проректор по научной работе, заведующий кафедрой социально-экономической географии и геополитики РГУ им. И. Канта.

E-mail: gfedorov@kantiana.ru

Филиппов Михаил Георгиевич, доктор экономики и политологии, профессор факультета политологии университета Бингемтона (университет штата Нью-Йорк) (г. Бингемтон, США).

E-mail: mikhail.filipov@gmail.com

Худолей Константин Константинович, доктор исторических наук, профессор, проректор по международным связям, декан факультета международных отношений, заведующий кафедрой европейских исследований СПбГУ.

E-mail: sir@sir.edu

Шаститко Андрей Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры прикладной институциональной экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, генеральный директор Фонда «Бюро экономического анализа».

E-mail: a_shastitko@beafnd.org

ABOUT AUTHORS

Dr Busygina Irina M., professor of the Department of Comparative Politics, head of the Centre for Regional Policy Research, Moscow State Institute of International Relations (Russia).

E-mail: ira.busygina@gmail.com

Dr Voronov Viktor V., senior researcher of the Institute of Social Studies, associate professor, Daugavpils University (Latvia)

E-mail: viktor.voronov@du.lv

Dr Kaledin Nikolai V., vice-rector for Academic Affairs, Dean of the Faculty of Geography and Geoecology, head of the Department of Regional Diagnostics and Political Geography, Saint-Petersburg State University.

E-mail: kaledin@politreg.pu.ru

Dr Klemeshev Andrey P., professor, rector, head of the Department of Political Science and Sociology, Immanuel Kant State University of Russia (Russia).

E-mail: aklemeshev@kantiana.ru

Dr Lanko Dmitry, associate professor of the Department of European Studies, Saint-Petersburg State University.

E-mail: dimppa@hotmail.com

Dr Mezhevich Nikolai, head of the Centre for Cross-Border Studies, professor of the Department of European Studies, Saint-Petersburg State University (Russia).

E-mail: litovka@peterlink.ru

Dr Palmowski Tadeusz, professor, Director of the Institute of Geography, head of the Department of Geography of Regional Development, University of Gdansk (Poland).

E-mail: geotpl@univ.gda.pl

Dr Plyukhin Mikhail, Minister for the development of territories and interaction with municipalities of Kaliningrad oblast (Russia).

E-mail: minrazvitia@gov39.ru

Dr. Spiriajevas Eduardas, head of the Centre for Cross Border Studies at the Institute of Regional Policy and Planning, Klaipėda University (Lithuania)

E-mail: eduardas@nprojektai.net

Dr Fedorov Gennady M., professor, vice-rector for Research, head of the Department of Economic Geography and Geopolitics, Immanuel Kant State University of Russia (Russia).

E-mail: gfedorov@kantiana.ru

Dr Filippov Mikhail, assistant professor of Department of Political Science, Binghamton University State University of New York (USA).

E-mail: mikhail.filippov@gmail.com

Dr Khudoley Konstantin K., professor, vice-rector for International Affairs, Dean of the Faculty of International Relations, head of the Department of European Studies, Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: sir@sir.edu

Dr Shastitko Andrey E., professor, Director-General of the “Bureau of Economic Analysis” Foundation, professor of the Department of Applied Institutional Economics, Lomonosov Moscow State University (Russia).

E-mail: a_shastitko@beafnd.org

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
2009
1

Редактор Н. Н. Мартынюк. Корректор Н. Н. Генина
Оригинал-макет подготовлен Л. В. Семеновой

Подписано в печать 20.06.2009 г.
Бумага для множительных аппаратов. Формат 70×108 ¹/₁₆.
Гарнитура «Times». Ризограф. Усл. печ. л. 8,7. Уч.-изд. л. 6,6.
Тираж 1000 экз. Заказ 182.

Издательство Российского государственного университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14